

КАЛУЖСКИЕ КОНЦЕРТЫ

(По мотивам воспоминаний З. С. Деревяшкиной
в главе «Приокские рассветы» и Серафим Сергеевич Туликов»
из книги «Хоровая культура и мужской академический хор». –
Калуга: Фридгельм, 2011)

Большие творческие и юбилейные даты в жизни Серафима Сергеевича часто проходили на родной калужской земле. Их легко восстановить по книге «Хоровая культура и мужской академический хор» – записки педагога-хормейстера Зинаиды Сергеевны Деревяшкиной, заслуженного работника культуры РФ, заслуженного деятеля музыкального общества России.

ТЕЛЕГРАММА	
28/5 1984	ПЕРЕДАЧА
то час мин	5
№ связи	
Принят	Передат.
МОСКВА 5102 51 28 1050=	
КАЛУГА ДОСТОЕВСКОГО 57 КВ 9 ДЕРЕВЯШКИНОЙ=	
ДОРОГАЯ ЗИНАИДА СЕРГЕЕВНА ПРИМИТЕ СЕРДЕЧНЫЕ И ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 30-ЛЕТИЕМ ВАШЕЙ РАБОТЫ КАЛУЖСКОМ УЧИЛИЩЕ ВЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МУЗЫКАНТ НАСТОЯЩИЙ ПРОФЕССИОНАЛ ХОРМЕЙСТЕР ВАШИ РАБОТЫ ВЫСОКО ЦЕНЯТ В САМЫХ ОТВЕТСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МОСКВЫ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЕМ О ВАШЕЙ МЫСЛИ ОСТАВИТЬ КАЛУГУ ЖЕЛАЮ ВАМ КРЕПЧАЙШЕГО ЗДОРОВЬЯ ДУШЕВНОГО РАВНОВЕСИЯ НЕСОМНЕННЫХ ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ= СЕРАФИМ ТУЛИКОВ=	

Прежде хочется привести слова Серафима Сергеевича, сказанные в адрес Зои Сергеевны в его приветственной телеграмме в 1984 году:

«Дорогая Зинаида Сергеевна, примите сердечные поздравления с 30-летием Вашей работы в калужском училище. Вы замечательный музыкант, настоящий профессионал, хормейстер. Ваши работы высоко ценят в самых ответственных учреждениях Москвы. Желаю Вам крепчайшего здоровья, душевного равновесия, несомненных дальнейших творческих успехов. Серафим Туликов».

Подробное исследование Зинаиды Сергеевны с богатейшим иллюстративным материалом дает почти документальное свидетельство беззаветного служения искусству, ярчайшей жизни и самого автора книги. Глава «“Приокские рассветы” и Серафим Сергеевич Туликов», посвященная ею композитору-земляку, позволяет действительно восстановить замечательные события тех лет, связанные с его жизнью. Мы вспоминаем лишь некоторые из них.

Приветствие
автора
исполнителям

Концерт на Центральном стадионе Калуги

1971 год. 600-летие родного города. Композитор посвящает этому событию свое новое произведение – песенно-хоровую сюиту «Приокские рассветы» для солистов, хора и оркестра, которая стала украшением этого грандиозного праздника.

Творческое объединение «Экран» ЦТ создает фильм с таким же названием, а фирма «Мелодия» выпускает пластинку. Исполнителями этого замечательного произведения были сводный хор музыкального училища и мужской академический хор – дирижер З. С. Деревяшкина, хормейстер – Е. С. Деревяшкин, солисты Всесоюзного радио и телевидения, Государственный симфонический оркестр кинематографии СССР под управлением Э. Хачатуряна. В течение всех шести праздничных дней партию фортепиано исполнял автор – С. С. Туликов.

1972 год. В Таллинне на республиканском празднике песни, посвященном 50-летию образования СССР, Калужский академический мужской хор завоевал звание лауреата и большую серебряную медаль. На заключительном концерте прозвучала «Славица» – часть из сюиты «Приокские рассветы» Серафима Сергеевича Туликова. Дирижировал Александр Александрович Юрлов, который был инициатором приглашения Калужского хора. Это сама по себе высокая оценка! Тысячи восторженных зрителей аплодировали исполнителям.

З. Деревяшкина, С. Туликов, Ю. Зельников.
Серафим Сергеевич дает второй автограф З. Деревяшкиной на дорогом ей клавире

Зинаида Сергеевна вспоминает, что у нее хранится клавир сюиты «Приокские рассветы», который особенно ей дорог тем, что автографом был отмечен дважды: в юбилей композитора в 1974 году и в 1994 году. «Мы исполняли его сюиту. Эта реликвия – достойная память первым исполнителям сюиты, поставившим высокую планку ее звучания».

1973 год. Опубликованы в книге и слова благодарности композитора и восхищения за великолепное исполнение его песни на слова поэта Петра Градова «Родимая сторонка» заслуженной артистке России солистке Калужской областной филармонии Н. К. Крыловой: «Нине Константиновне Крыловой – замечательной русской певице, взволновавшей авторское сердце великолепным исполнением, с пожеланием несомненных творческих успехов и в дальнейшем. От автора. Серафим Туликов. Москва, 12 сентября, 1973 года».

1974 год. Этот год был для калужан знаменательным – 60-летие народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР и РСФСР композитора С. С. Туликова.

Впервые в Концертном зале областной филармонии Калуги в течение трех декабрьских вечеров, 20, 21 и 22-го, выступал эстрадно-симфонический оркестр Всесоюзного радио и Центрального телевидения под руководством народного артиста, тогда РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола Юрия Васильевича Силантьева. Гостями этого замечательного праздника были известные артисты Московской эстрады. Песенное творчество Серафима Сергеевича представляли народная артистка СССР великая Клавдия Шульженко, заслуженные артисты РСФСР Майя Кристалинская и Владимир Трошин, солисты Всесоюзного радио и Центрального телевидения Лев Лещенко, Сергей Яковенко,

Евгений Владимиров и солистка Москонцерта Валентина Толкунова. В концерте принимали участие калужские артисты: любимая певица калужан заслуженная артистка РСФСР Нина Крылова, Лев Протопопов и большой смешанный хор Калужского музыкального училища. Украшением концерта стало вновь исполнение песенно-хоровой сюиты «Приокские рассветы» С. Туликова на слова В. Лазарева. Хор продемонстрировал высокое исполнительское мастерство благодаря волевому и темпераментному дирижеру Ю. Силантьеву, руководителю хора З. Деревяшкиной и хормейстеру С. Земляковой.

ВСЕСОЮЗНОЕ БЮРО ПРОПАГАНДЫ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ОБЪЕДИНЕНИЕ КОМПОЗИТОРОВ СССР

20 21 22
ДЕКАБРЬ

ВСЕСОЮЗНОЕ РАДИО И ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ФИЛАРМОНИЯ

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ

АВТОРСКИЙ КОНЦЕРТ

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА КАЛУЖИ НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР,
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР И РСФСР, КОМПОЗИТОР

СЕРАФИМ СЕРГЕЕВИЧ

ТУЛИКОВ

(К 60-летию со дня рождения)

В КОНЦЕРТЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ

ЭСТРАДНО-СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Учрежденный дирекцией и главным редактором Центрального радио СССР, созданный в 1930 году, имеет богатую историю.

ЮРИЙ СИЛАНТЬЕВ

Ирина ШУЛЬЖЕНКО	Светлана ТУЛИКОВА
Мая КРИСТАЛИНСКАЯ	Лев ПЕЩЕНКО
Сергей ЯКОВЕНКО	Валентина ТОЛКУНОВА
Евгений ВЛАДИМИРОВ	Нина КРЫЛОВА
	Лев ПРОТОПОПОВ

ВАЛАДИМИРСКИЙ ХОР МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА
Землякова **ДЕРЕВЯШКИНА**

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ХОР ГОРОДА КАЛУГИ
Евгений **ДЕРЕВЯШКИН**

Почетный гражданин города Калуги **Давид АШНИНАЗИ**

НАЧАЛО КОНЦЕРТОВ: 20 ДЕКАБРЯ В 19 ЧАСОВ 30 МИНУТ
21 И 22 ДЕКАБРЯ В 19 ЧАСОВ И 19 ЧАСОВ 30 МИНУТ

СОЛЮТЫ ПРОДАЮТСЯ В ЗАЛАС ФИЛАРМОНИИ

60-летие

Лауреата Государственных премий СССР и РСФСР,
Народного артиста РСФСР,
Почетного гражданина г. Калуги

композитора

ТУЛИКОВА Серафима Сергеевича

Уважаемый тов. _____

Приглашаем Вас на творческую встречу с композитором С. С. ТУЛИКОВЫМ при участии оркестра Всесоюзного радио и центрального телевидения под руководством ЮРИЯ СИЛАНТЬЕВА и популярных артистов советской эстрады.

Встреча состоится 22 декабря в 12 час. дня в помещении концертного зала Областной филармонии.

Администрация Партком

Завком Комитет ЛЖСМ

ПАРТЕР Ряд 4 Место 11

Калужского ТУРБАЗАДА

В. Трошин, Ю. Силантьев

Почетный гражданин г. Калуги С. С. Туликов

С. Туликов, Л. Лещенко, Ю. Силантьев

М. Кристалинская

Калужская певица Н. Крылова

Туликов с участниками концерта –
В. Толкуновой, С. Яковенко, Ю. Силантьевым

К. Шульженко

Дарственная надпись на книге Г. Скороходова
«Клавдия Шульженко», вышедшей
в 1974 году и подаренной певицей композитору
и его супруге в один из Калужских вечеров

З. Деревяшкина и мужской академический хор

О. Набойченко-Соколова

1994 год. К 80-летию со дня рождения Серафима Сергеевича Туликова Оксана Николаевна Набойченко-Соколова, заслуженный работник культуры РФ, поставила праздничный концерт в областном театре – «В кругу друзей». Участниками этого прекрасного концерта стали не только творческие силы родного города, но и столичные артисты – народный артист РФ Владимир Трошин и народная артистка РФ Анна Литвиненко. С благодарностью отзывался об этом прекрасном вечере-концерте Серафим Сергеевич, чистосердечно удивляясь и радуясь современному прочтению своих произведений, как он сам выражался: «Так все модерново поставили, даже и не ожидал!» В течение долгих лет Серафим Сергеевич вспоминал о нем в своих столичных интервью и встречах.

И. К Файнерман.

Доктор технических наук

ВСЮ ЖИЗНЬ РЯДОМ...

Впервые я увидел Серафима Сергеевича в 1939 году, незадолго до войны, когда мне было 3 года. Он ухаживал за моей сестрой Соней и появился у нас в доме за год до окончания Московской консерватории. Мою мальчишескую симпатию он завоевал очень быстро, подарив большой педальный автомобиль, на котором я гонял весь дачный сезон в Салтыковке. Много лет спустя сестра в доверительной беседе призналась, что тот автомобиль опустошил карман ее поклонника на всю месячную стипендию. Таким щедрым он и остался на всю жизнь.

И. Файнерман

Дом 13/15 на улице Огарева всегда был для меня крупным центром музыкальной жизни столицы: здесь обитали известные музыковеды, инструменталисты, певцы и, конечно, популярные композиторы – авторы замечательных песен, которые знали, любили и пели повсюду. В этом доме со дня его заселения в 1956 году оказались и самые близкие мои родственники – моя сестра Соня с мужем Серафимом Сергеевичем Туликовым и их дочь, моя племянница – Алиса, которую мы все всегда зовем Аля. А до этого Сима с Соней снимали проходную темную комнатку у Покровских ворот. За проходной шла кухня с удобствами тех времен и сразу выход на улицу. Хозяйка с дочкой жили в комнате перед проходной, в которой стояли тахта, небольшой столик и огромный ящик для хранения картошки. В шесть утра начинало говорить радио-тарелка, и обе женщины начинали свой рабочий день бесконечными необходимыми утренними проходами мимо тахты. Алечкина кровать стояла как раз под репродуктором в хозяйкиной комнате. Там же она разрешила поставить и Симино пианино, то самое, которое Сергей Михайлович Туликов каким-то невероятным образом привез Симе из Калуги в Москву, когда он поступил в Музыкальный

техникум при Московской консерватории. Я услышал его игру впервые именно там. Конечно, он играл классику, и, конечно, хотя я и не помню точно, это были его любимые русские классики. Это были мои первые детские впечатления о серьезной фортепианной музыке.

* * *

Мой отец был призван в армию, и вся наша семья – моя мама и трое ее детей, взрослые дочери – Соня, ожидающая ребенка, и Фаня, и я, были эвакуированы в Казахстан в Алма-Ату. Поселились мы в поселке Тастак, откуда мама с Фаней ходили пешком на работу на военный завод километров за десять от нашего дома, где мы поселились. Я оставался дома и помню, что когда они возвращались с работы, то обе засыпали прямо за столом. Позже приехал и Серафим Сергеевич, который был командирован из Москвы сюда же Союзом композиторов. Я помню, как он прибежал к нам радостный и сообщил, что у него родилась дочь. Через некоторое время девочка заболела воспалением легких, и Серафим Сергеевич ее буквально спас, со слезами на глазах вымолив у врача дефицитнейший по тем временам сульфамидный препарат. Конечно, это был для семьи самый трагический эпизод алма-атинского периода жизни.

* * *

Игорь со своей
и Софьи Яковлевны Туликовой мамой

Серафим Сергеевич стал для меня человеком, который в какой-то степени заменил мне впоследствии и отца. Вернувшись с фронта в 1946 году, мой отец вскоре ушел из семьи, и мы с мамой остались вдвоем. Вскоре ушла из жизни и она. Серафим Сергеевич это очень хорошо понимал и чувствовал, так как сам пережил подобное в своей судьбе. И он остался для меня самым близким человеком на всю мою жизнь. Он первый прибежал в институт посмотреть, есть ли я в списках зачисленных. Впоследствии всегда следил за моим продвижением в карьере, заинтересованно обо всем

расспрашивал, и главное – интересно ли мне в выбранной профессии. Он мне часто повторял, что без интереса «никогда путного ничего не выйдет». На протяжении моей работы в Институте химического машиностроения, по специальности более чем далекой для него, они с сестрой всегда были в курсе всего – защиты диссертаций, кандидатской и докторской, всех служебных перипетий

и, конечно, перестроечных бед, когда наш институт фактически прекратил свое существование и была уничтожена целая отрасль промышленности Советского Союза. Пути наши не расходились, а с годами становились все ближе.

Количество людей, которым Серафим Сергеевич, будучи председателем Московского отделения Союза композиторов, помог с жильем, было значительным. Помог он, конечно, и мне. Снесли дом, в котором мы прожили всю жизнь и куда Сима пришел впервые. Эта была комната в старом доме, где когда-то была гостиница, с классической коридорной системой на почти шестьдесят квартир с одной, правда гигантской, кухней и туалетом в конце коридора. Условия типичные для старого, но очень для меня родного Басманного района. Серафим Сергеевич это понимал. В результате сложнейшей эпопеи, типичной для тех лет, своим участием он помог мне поселиться буквально на месте старого дома, но уже в двухкомнатной квартире...

* * *

Раньше все общались очень часто. Хождение друг к другу в гости на праздники, дни рождения было очень распространено, а потому общение, разговоры обо всем были частью нашей жизни. Дом у Туликовых был очень открытый и гостеприимный. И теперь, приходя в эту квартиру, к Алечке, я понимаю, что мои корни здесь.

В их квартире на Огарева мне доводилось часто видеть соседей по дому, ближайших друзей и знакомых – композиторов А. А. Бабаева, А. И. Островского, О. Б. Фельцмана, А. П. Долуханяна, Л. А. Лядову, Е. Э. Жарковского, С. А. Каца, М. И. Блантера, А. А. Бабаджаняна и многих других. Разумеется, там бывали не только соседи, но и коллеги по совместному творчеству – известные певцы, поэты, а также представители средств массовой информации.

* * *

Для меня всегда большой радостью было общение с Серафимом Сергеевичем – у него дома, в компании родственников и знакомых, на рыбной ловле, на прогулках, во время длинных телефонных разговоров, у меня дома, но особенно задушевно мы беседовали у рояля в его рабочем кабинете.

С ним легко было говорить обо всем, не требовалось искать общих тем для бесед, что-то придумывать. Он откликался на разнообразнейшие события в жизни, всегда был в курсе всего, многим интересовался до последних дней. Основные сведения черпались из внушительного количества выписываемых им газет и журналов, а также из ежедневно дополнительно покупаемых самых разнообразных печатных изданий.

Игорь и Серафим Сергеевич в кабинете на Огарева

В число обсуждаемых у нас тем непременно входили текущие политические и экономические события; спорт, преимущественно футбол, шахматы, примыкающая к спорту особая тема – рыбная ловля; историческое прошлое России, зачастую увязанное с настоящим; культурная жизнь и, конечно, искусство всех видов, прежде всего – музыка. Мне вспоминается, как году в 1949-м мы вместе ходили на футбол, когда в Москву приезжала команда «Челси» из Англии. Чем закончилась игра – не помню, но Серафим Сергеевич в этом футбольном ажиотаже тех лет потерял в толпе новую галошу. Мы пришли домой слегка притихшие, так как знали, что Соня нас встретит достаточно эмоционально. Так оно и случилось, так как бедной Соне надо было опять думать, где достать новые галоши. Но ради полученного футбольного праздника мы все вытерпели достаточно мужественно!

* * *

Серафим Сергеевич был скромен, как говорится – «не выпячивал себя» ни при каких обстоятельствах, и деликатен. Он не умел ничего утаивать, что было даже какой-то детской наивностью. Если надо было кому-то из поэтов отказать, так как тексты ему не подходили, он обычно очень осторожно и деликатно говорил: «Вы знаете, я еще не готов писать на этот текст».

Он всегда был рад помочь. Я сам был не раз свидетелем того, как во дворе композиторского дома к нему подходили люди с благодарностью за помощь в разрешении их квартирных вопросов. Делал Серафим Сергеевич все от души, понимая нужды людей, ибо сам прошел очень нелегкий путь.

Его отличала удивительная взыскательность к себе и к своему творчеству. А главное – он был справедлив в оценке творчества других! Никогда не лицемерил, высказывал то, что думал. «Главное – не задеть самолюбия. Нельзя критиковать в резкой убийственной форме», – это его точные слова. Это качество, наверное, было необычайно важным и в работе в комиссии по прослушиванию новых сочинений, и в должности председателя Московского союза композиторов. Серафим Сергеевич не был в близких отношениях с Г. Свиридовым. Возможно, была даже некая натянутость в отношениях. Не берусь судить. Но как только речь заходила о его творчестве, он безоговорочно признавал его талант, называя его талантливейшим композитором современности. «Перед его творчеством я снимаю шляпу», – так обычно заканчивал разговор о Свиридове Серафим Сергеевич.

* * *

Классическая музыка была основой всей музыкальной культуры Серафима Сергеевича. Как известно, он первоначально хотел поступить на фортепианный факультет Консерватории, но на третьем курсе в Музыкальном училище у него возникла серьезная проблема с большим пальцем правой руки, чуть не лишившая молодого пианиста пальца вообще. «Переиграл, подобно Шуману», – иронизировал Серафим Сергеевич над собой, проводя параллель с известным фактом из биографии великого композитора. В результате продолжил учебу в Консерватории на композиторском отделении. Он великолепно владел инструментом, мог играть на рояле любое классическое произведение. В его «репертуаре» были сделанные им самим фортепианные переложения симфонической музыки, например, анданте в Пятой симфонии, отрывки из увертюры «Ромео и Джульетта» Чайковского и некоторые другие фортепианные сочинения любимых классиков. Запомнился замечательно проникновенно сыгранный романс из Второй сюиты для двух роялей Рахманинова, который Серафим Сергеевич великолепно переложил для одного инструмента, сохранив красоту и лиризм великого первоисточника.

Классическую музыку он воспринимал от Баха, Моцарта, Бетховена до Рахманинова – композитора, здравствовавшего почти до середины прошлого века, но с музыкальной базой девятнадцатого столетия. Не хочу сказать, что Серафим Сергеевич не ценил более поздних авторов. Нет, конечно. Он с удовольствием слушал и обсуждал произведения Дебюсси, Равеля, Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, признавал их огромный талант, но четко определял границу между эпохой, которую завершил Рахманинов, и эпохой указанных авторов.

Что же прежде всего ценил Серафим Сергеевич в классическом произведении? Мелодическую основу, мысль, образ, глубину чувства, красоту,

техническое мастерство, совершенство формы! Разумеется, все возможно для современного музыканта, но именно с мелодии для Серафима Сергеевича начиналось восприятие любого сочинения. Само понятие мелодии не уточнялось, просто подразумевалось нечто запоминающееся после исполнения, напевное, что западало в душу, трогало и, как он любил показывать, прикладывая руку к груди, брало за сердце и надолго оставалось со слушателем. Именно с таких эмоциональных впечатлений у многих и начиналось знакомство с музыкой. В дальнейшем представления расширялись, и начинали покорять другие компоненты сочинения. Но без этого главного, ярко запоминающегося мелодического образа музыки, по мнению Серафима Сергеевича, не существовало. Здесь он был довольно категоричен и не допускал исключения даже для своих «музыкальных богов».

Так, однажды, беседуя с ним о зарубежном периоде творчества Рахманинова, я заметил, что Четвертый фортепианный концерт в отличие от первых трех редко исполняется и мало знаком слушателям. Серафим Сергеевич очень просто ответил: «Там нет мелодий». Вступая в дискуссию, я возразил, что мелодии там есть, но они лишены масштаба и красот образов предыдущих концертов. «Вот об этом и речь. Ты, Игорь, сам все сказал», – подвел итог мой собеседник. Немного позднее в одной из книг попалось на глаза высказывание самого Сергея Васильевича о том, что, потеряв родину, он утратил способность создавать мелодии – отсюда его длительное молчание и небольшой багаж зарубежных сочинений. Прав был Серафим Сергеевич в своих оценках!

Любопытны для меня его меткие высказывания о некоторых типах мелодий – запомнилось одно из таких выражений-характеристик: «мелодия не в фокусе». Здесь он видел мелодию как бы размытую, без ярко выраженных очертаний, холодную, зыбкую, а зачастую просто серую и скучную, что в конечном счете навевало тоску, и уже не могла она тронуть душу, запомниться. У самого автора при этом могло быть потрясающее техническое мастерство, но увлечь слушателя такими темами он никогда бы не смог.

Мы обсуждали с Серафимом Сергеевичем мысли, высказанные Чайковским в одной из его музыкально-критических статей. У Чайковского композиторы были условно поделены на две категории: в первой – музыканты с огромной изобретательной способностью, души их изливались роскошными музыкальными темами, но они не обладали должной фантазией для их развития; во второй – композиторы с богатой фантазией развития, умеющие извлекать все из музыкального эмбриона, сравнительно бедного изобретениями материала. Только Моцарт и Бетховен, по мнению Петра Ильича, равно владели обеими сторонами композиторского творчества, то есть могли создать гениальную мелодию и в совершенстве ее разработать.

Симпатии Серафима Сергеевича были преимущественно на стороне музыкантов первой группы. В этом, на мой взгляд, кроется причина его прохладного, даже равнодушного отношения к творчеству Брамса. Серафим Сергеевич и здесь оказался полностью солидарен с Чайковским и его оценкой венского мастера.

Тут же замечу: Бетховен всегда был для Серафима Сергеевича композитором номер один. Вся классическая музыка, по его мнению, была осенена именем Бетховена. Серафим Сергеевич часто подчеркивал, что именно Бетховен вдохнул в нее жизнь, диалектику, драму, борьбу, философию и поднял до недостижимых высот мировой культуры, хотя, конечно, многое было заложено предшественниками, и в первую очередь такими титанами, как Бах и Моцарт. Очень импонировала ему мысль опять же Петра Ильича Чайковского, который как-то заметил о симфонизме Бетховена, что такие сочинения могут привести в совершенное отчаяние молодых начинающих композиторов: сколько ни старайся, а такого совершенства не достигнешь.

В одной из бесед о симфониях Бетховена я затронул знаменитое аллегро из «Героической». Я выразил восхищение перед гением композитора и недоумение, как из такой короткой, в несколько тактов темы было создано грандиозное полотно, насыщенное красотами, жизнью и непрерывным динамизмом. Помнится, Серафим Сергеевич пояснил просто: во-первых, тема изумительна по своей выразительности и яркости, она изобилует колоссальными возможностями для симфонического развития; во-вторых, как он выразился во время нашей беседы, у автора было «уму непостижимое чудовищное мастерство»; в-третьих, использован потрясающий оркестр с совершенно новой выразительной инструментовкой. И он напел мне главные эпизоды аллегро, иллюстрируя свои комментарии, – короче, прочел целую лекцию только лишь о первой части Третьей симфонии.

* * *

Однажды мы заговорили о национальном элементе в классической музыке. Толчком послужила телевизионная передача с исполнением Четвертой симфонии Чайковского, а предваряли передачу небольшие пояснения Арама Ильича Хачатуряна. Помню, я был очень удивлен, когда Арам Ильич начал с того, что в музыке главным является национальный элемент. Конечно, подумал я, никто не отрицает важности этой составляющей, но неужели она так важна, что с нее следовало начинать беседу о грандиозной симфонии? Разве, слушая Бетховена, к примеру, мы думаем в первую очередь о том, что это немецкая музыка? Не соглашался я с такой позицией. Серафим Сергеевич спокойно стал развеивать мои сомнения. «Да, – увлеченно развивал он свою мысль, – возможно,

это не самое главное в музыке, особенно применительно, например, к творчеству Бетховена. Он создал свой неповторимый интернациональный музыкальный язык, в котором немецкие или венские особенности мелодических оборотов преимущественно себя не выдают, но ведь без национального элемента в творчестве не обойдешься. Более того, именно национальные особенности сочинения делают его исключительно привлекательными для слушателей. В первую очередь тех слушателей, которые легко в них узнавали именно свои национальные мелодии. А вот что касается содержания музыки, – тут Серафим Сергеевич особенно говорил горячо, – то она должна по возможности достигать общечеловеческих высот. А это достигается независимо от национальной принадлежности автора!». В дальнейшем не раз я убеждался в правоте его позиции.

Слушая классику, я нередко замечал, что своя, родная музыка от Глинки, Бородина до Калиникова, Лядова, Глазунова и уж, конечно, Рахманинова могла нередко своей национальной окраской придать особую сердечность восприятию и доставить несравненное удовольствие. В то же время наши соотечественники всегда были отзывчивы к творчеству западноевропейских композиторов. Достаточно вспомнить, как быстро у нас нашла распространение музыка Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шопена, Шумана и многих других композиторов. Россию с успехом посетили Лист, Шуман с женой – известной пианисткой Кларой Вик, Верди, Вагнер, Берлиоз... Все это затрагивалось в наших разговорах с моим дорогим собеседником.

Серафим Сергеевич, кстати, высказывал мысль об умении русских композиторов создавать музыку, интонационно близкую народу, не прибегая к цитатам из фольклора. Особенно это показательно для Чайковского, который «не рядился в лапоты и довольно редко пользовался народными песнями», – так несколько резковато, но образно высказал идею Серафим Сергеевич. А что касается немецких черт музыки Бетховена, продолжал он, несмотря на отдельно встречающиеся в его сочинениях танцевальные ритмы лендлеров и других народных элементов, то критики стали признавать настоящими, истинно немецкими композиторами более поздних авторов – Шумана и Вагнера.

* * *

Классическая музыка была с Серафимом Сергеевичем всю его жизнь. Нередко рассказывал он мне о годах учебы в Московской консерватории, когда ему удалось услышать приезжавших всемирно известных пианистов Э. Петри, А. Корто, А. Боровского, К. Цекки, Р. Казадезюса. Серафим Сергеевич с удовольствием и волнением вспоминал те годы. «Такие гастрольные выступления невероятно поднимали музыкальную культуру вообще, не только нашу. Нам, конечно, билетов перепало мало. Обычно – на второй амфитеатр. Иногда,

когда билеты не перепали, чтобы попасть в сам зал, мы, зная все ходы и выходы, в том числе и чердак, все-таки пробирались. Ведь задача у нас была одна – только бы услышать звук! Конечно далековато! Но после прослушанного – настоящий праздник. Времена были жуткие. Мы – голодные, холодные, но тянуло невероятно!». «Никогда не забуду, – вспоминал Серафим Сергеевич, – как попал в Малый зал Консерватории на концерт Альфреда Корто. Выступал Корто днем только с одним произведением: Шопен, 24 прелюдии. Вышел на эстраду сутуловатый пожилой человек с рябым лицом, сел за рояль и заиграл... Зал был потрясен. Первая до-минорная прелюдия, совсем крохотная, всего страничка-две, а тут целая поэма прозвучала! Недаром кто-то из французских критиков тогда писал, что Шопен умрет во второй раз, когда не станет Корто».

Одним из сильных впечатлений о фортепианной игре было у Серафима Сергеевича после концерта Горовица в Большом зале в восьмидесятых годах. Это, по его мнению, была игра пианиста старой романтической школы, полная выразительности, красоты, поэзии, безграничного технического совершенства. Он, конечно, любил игру своих современников: Гилельса, Рихтера, последнего особенно в рахманиновском репертуаре.

Из всего океана классики Серафим Сергеевич отдавал предпочтение фортепианной и симфонической музыке, менее любил оперную, что вызывало у меня определенное недоумение. Сам он был в основном композитором вокальной музыки. Как-то, правда, Серафим Сергеевич сказал мне, что оперный жанр, по его мнению, похоже, за четыре столетия исчерпал себя и при известной условности оперы трудно найти новые пути для ее развития. При всем этом он, конечно, отдавал должное классической опере и бесконечно восхищался творениями Верди, Чайковского, Бизе, Пуччини.

Никогда не забуду, с каким восторгом Серафим Сергеевич рассказывал мне о знаменитом спектакле «Кармен» Бизе. Он считал Бизе самым ярким представителем французской оперы. Это было в филиале Большого театра (ныне Театр оперетты) с участием приехавшего в Москву великого Дель Монако и наших блестящих мастеров Архиповой и Лисициана. Назвав Лисициана, не могу здесь не вспомнить, что Павел Герасимович Лисициан равно замечательно мог спеть и партию Эскамильо, и песню Серафима Сергеевича, чем мой дорогой родственник, безусловно, гордился.

Долго мы обсуждали «Богему» Пуччини с участием Ирины Масленниковой в ведущей роли. «Представляешь, после Верди писать такие оперы! Все насыщено мелодиями, да и вообще в итальянской опере без мелодии делать нечего», – делился он со мной своими впечатлениями.

Прослушав «Отелло» Верди под управлением Светланова, Серафим Сергеевич отметил, что «Верди – очень ровный композитор, почти не знал творческих срывов, музыка всегда великолепна». Беседуя как-то о Верди, я рассказал Серафиму Сергеевичу о мечте Шостаковича создать когда-нибудь оперный шлягер типа песенки герцога из «Риголетто» (помню, вычитал в одной из публикаций). Он среагировал одним восклицанием «Ага!», что означало, вероятно: «Ну что ж, попробуй такое создай, уж я-то, песенник, знаю...»

В конце 90-х годов побывали вместе с ним на «Онегине» Чайковского в Большом театре. Спектакль шел в обновленной постановке Покровского. Никогда не забуду, с каким благоговением он слушал музыку, как был полон восторга. От нахлынувших переживаний мы почти ничего не говорили в антрактах, хотя слушали оперу всю жизнь и бесчисленное число раз, а об исполнении партии Ленского Собиновым он помнил рассказы своих земляков-калужан, которым посчастливилось услышать легендарного певца в Калуге.

Из классической оперетты, конечно, Серафим Сергеевич выделял Кальмана, восхищался обилием великолепного мелодического богатства, отдавая автору то же место в оперетте, как Верди – в опере.

Любимыми его композиторами были Шопен, Чайковский, Рахманинов. Память Серафима Сергеевича сохранила эпизод, связанный с музыкой польского гения. Во время совместной прогулки в Доме творчества композиторов в Рузе я слегка напевал начальную маршеобразную тему шопеновской Фантазии фа-минор. Придя в коттедж, Серафим Сергеевич сел за рояль, а я, решив, что он хочет поработать, удалился в соседнюю комнату. Вдруг слышу звуки «Фантазии» – Серафим Сергеевич начал ее играть, и я тут же вернулся к нему. Улыбаясь мне, он задумчиво сыграл вступление и начал переходить к следующей виртуозной бурной части с взлетающей ввысь потрясающей красоты стремительной темой, но... тут же, непонятно почему, остановился. На мой молчаливый вопрос просто сказал: «Нет уж, не могу играть, не имею права». Видимо, в тот момент его переполняли чувства чего-то пережитого в прошлом. Немного помолчал, а потом поведал небольшую историю из своей жизни.

История относилась к концу 20-х годов, когда Серафим Сергеевич заканчивал среднюю школу и увидел афишу, оповещавшую о приезде на гастроли какой-то московской пианистки, фамилии которой я, к сожалению, не запомнил. Здесь уместно отметить, что материального достатка в детские и юношеские годы, да и много позднее, у него не было. Отец рано бросил семью, мать вскоре умерла, и ребенка взяли к себе сестра мамы Мария Александровна и ее муж Туликов Сергей Михайлович, который его крестил при рождении, а впоследствии дал свою фамилию и отчество. Тетя была единственной, кто мог побаловать сироту, у нее он попросил деньги на концерт, где впервые услышал

шопеновскую «Фантазию». «Боже мой, думаю, – продолжал Серафим Сергеевич, – какая музыка, сколько вложено в нее! На следующий день бросился в нотный магазин, купил эту пьесу и весь день разбирал ее за роялем, пока не выучил наизусть». В Шопене он, наверное, любил все – от крохотной прелюдии или этюда до сонат и фортепианных концертов, хотя, между прочим, мог заметить, что «оркестр Шопен знал слабо». Последнее обстоятельство, разумеется, не могло нисколько ослабить любовь к шопеновской музыке даже с оркестровыми страницами. Нередко музыка великого «поэта фортепиано» у нас была бесконечной темой разговоров и обсуждений.

Однажды мы затронули прелюдию как музыкальный жанр и вспоминали авторов, обращавшихся к нему – от Баха до Шостаковича. Я заговорил об оркестровых прелюдиях Вагнера к «Лоэнгрину» и «Парсифалю», Верди к «Травиате». Серафим Сергеевич оценил мои «познания», но вернулся к любимой фортепианной музыке и заметил, что шопеновская тетрадь с 24 прелюдиями – это тот эталон мирового уровня, который навсегда останется для него образцом жанра.

Мы говорили и об этюдах – неисчерпаемых, ярких, запоминающихся образцах, охватывающих столько жизненных коллизий, что стоят томов партитур иных сочинений. Наигрывая мощные, грозные, драматические потоки Этюда № 12 (до минор) из сочинения 25, Серафим Сергеевич признался, что отдает ему предпочтение перед популярнейшим Этюдом № 12 в той же тональности из сочинения 10. В Этюде № 1 (ля бемоль минор) из сочинения 25, который нередко я слышал в исполнении Серафима Сергеевича, он выявлял сочетание мелодических и гармонических красот, а главное – выражал свое восхищение перед «гениально мастерским переходом тональности в финальной части». Всего не перескажешь, чего касался и анализировал Серафим Сергеевич в беседах о своем любимейшем композиторе.

Нередко музыкальные образы Шопена звучали для него конкретно в той или иной жизненной ситуации. Отдыхали мы когда-то вместе на каскаде изумительно красивых Голубых озер под Вышним Волочком в Тверской области, среди лесных чудес средней полосы России, ловили рыбу. Быстро пролетели десять дней, надо уезжать в Москву, а там одни проблемы, начало трудовой недели. У Серафима Сергеевича предстояли творческие встречи, репетиции, записи на радио, заботы, заботы... Будни и жизненная борьба. Немного опечаленные отъездом, мы тащили удочки и прочий рыболовный скарб в рюкзаках из

Подарок Серафиму Сергеевичу.
Лорд Байрон – английский поэт.
Рисунок Игоря Файнермана

пансионного номера в машину для отправки в Москву и вдруг он мне говорит: «А завтра уж будет вот что...», – и очень энергично напел и воспроизвел знаменитую драматическую разработку из первой части Второй сонаты Шопена. Видимо, эта музыка предельно точно выражала то, что ждало его завтра в столице.

Полное собрание сочинений Шопена Серафиму Сергеевичу подарили в Варшаве его польские коллеги, когда он был там в составе творческой делегации. Это известное собрание сочинений под редакцией Н. Падеревского, изданное в сотую годовщину смерти композитора институтом Фредерика Шопена в 1949 году в Варшаве. Было еще у Серафима Сергеевича и немецкое издание под редакцией Herrmann Scholtz. Вообще нотная библиотека его была обширная. Он очень любил многое просматривать и играть. Последний портрет Шопена с дагерротипа 1849 года всегда стоял у него над роялем в кабинете, он считал его самым достоверным в отличие от распространенного портрета Делакруа 1838 года, который казался излишне романтичным, по его мнению.

* * *

В Музее П. И. Чайковского
в Клину

Творчество Чайковского, его жизнь были для нас неиссякаемым предметом для разговоров и размышлений. Более всеобъемлющего композитора в наших душевных разговорах не существовало.

В одну из поездок в город Клин в музее Чайковского Серафиму Сергеевичу преподнесли редкое издание Шестой симфонии. Издание представляло собой ксерокопию рукописного наброска произведения. Он долго изучал ноты и восхищался, как лихорадочно быстро, почти эскизно записал Петр Ильич гениальные темы, как бы боясь что-то упустить. Видимо, во время своих длительных прогулок по окрестностям Клина он выстроил в звуках грандиозную эпопею драматизма человеческой жизни. Ноты, начертанные рукой любимого композитора, восхищали не только потрясающими музыкальными образами,

но и грандиозностью замысла, жизненностью, безупречной логикой изложения.

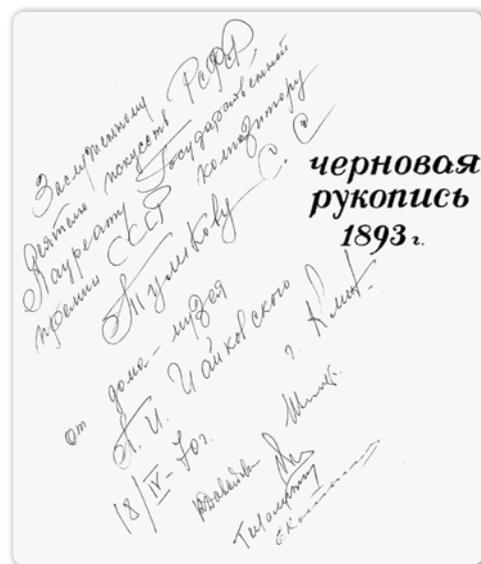
Шестая симфония наряду с Четвертой была, наверное, самой любимой у Серафима Сергеевича из всей мировой музыкальной литературы. По его мнению, Шестая симфония поставила точку в классическом понимании жанра, далее он не развивался по тем критериям, которые были созданы симфонизмом Бетховена.

Четвертую симфонию как-то мы вместе слушали в Зале Чайковского. После исполнения Серафим Сергеевич затронул очень интересный вопрос о финале в классической симфонии. Проблема финала, по его мнению, не всегда успешно решалась авторами. Итоговая часть, в которой надлежало сконцентрировать суть сочинения и начертать горизонты, иной раз не воплощалась в нужном ключе, и симфония блекла. В прослушанной симфонии грандиозный финал был исполнен, как он выразился, «без единого шовчика, с уникальным мастерством и ошеломляющей оркестровкой». Этот финал он считал вершиной всех симфоний Петра Ильича.

Очень давно как-то заглянул к нему Оскар Борисович Фельцман, сосед по дому, когда они еще вместе проживали на Беговой. Помню, как он высказал созвучное Серафиму Сергеевичу мнение: «Сейчас слушал по радио Четвертую симфонию Чайковского и подумал: “Вот нас все ругают, что не пишем современных опер, что их нет у нас, а скажи, пожалуйста, разве после этого – симфонии у нас есть?”» Мы дружно рассмеялись.

Пятая симфония также принадлежала к числу любимейших. Сдержанное отношение Серафим Сергеевич проявлял только к финалу, считая не совсем корректным заимствование темы из первой части. Здесь, как известно, он оказался в одном лагере с «любимым» Брамсом, который прослушав симфонию на репетиции под управлением Петра Ильича, прямо сказал автору, что симфония ему понравилась, кроме финала.

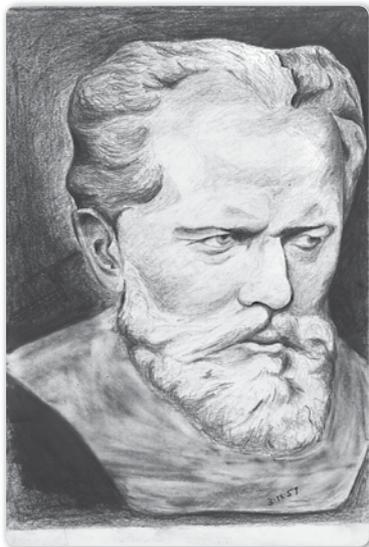
Однажды Светланов записал для телевидения замечательный цикл концертов из всех симфоний Чайковского. Когда после пятой передачи мы по телефону обменивались мнениями, то Серафим Сергеевич воскликнул, что исполнением финала «Он спас его!». Имелось в виду – Евгений Федорович спас Чайковского энергичной, мужественной, победной трактовкой финала, как это должно быть в классической симфонии. Высоко почитались Серафимом Сергеевичем первые три симфонии, особенно «Зимние грезы». Однако симфония «Манфред» на байроновский сюжет восторгов у него, в отличие от меня, не вызывала, и в этом вопросе мы оставались при своих мнениях. В симфониях Чайковского, как, впрочем, во всем творчестве Петра Ильича, Серафим Сергеевич чтит гениальный мелодизм. «Все симфонии можно пропеть», – как любил он всегда говорить. Такого прецедента, по его мнению, в классической музыке, особенно в симфонической, не было.

Увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта», «Буря», «Франческа да Римини» и даже редко исполняемая «Гамлет» пользовались всегда его неизменной любовью. Мне запомнился восторг Серафима Сергеевича на одном из концертов в Консерватории, когда исполнялась «Ромео...». «Только гений мог написать так просто. Это никогда не придумаешь», – сказал он, обращая внимание на звучание струнных в эпилоге увертюры. Иногда, сидя в лодке на рыбной ловле, Серафим Сергеевич напевал печальную и грустную песню-рассказ Франчески из увертюры, давая понять, что ловля была сегодня безрадостной и пора убирать снасти.

Мы разговорились как-то о романсах Петра Ильича, созданных зачастую на стихи почти забытых поэтов: Якова Полонского, Алексея Плещеева, Алексея Апухтина, Алексея Константиновича Толстого, Даниила Ратгауза. Серафим Сергеевич при этом заметил, что для автора было главным настроение стиха, лиризм, поэтический образ, трогаящий душу. По этой причине с таким вдохновением в очень короткие сроки и был написан последний цикл романсов на стихи никому неизвестного студента Ратгауза.

Бессмертные страницы инструментальной, балетной и оперной музыки Петра Ильича всегда принадлежали к числу нами любимых и чтимых. Жизнь Чайковского, его художественные симпатии, эрудиция во всех видах мирового искусства, уникальная работоспособность и воля в достижении поставленных целей, исключительная логика и аргументация при разборе сочинений разных авторов, деликатность, тактичность, невероятная скромность в общении с простыми людьми и коллегами нередко становились предметом нашего обсуждения и восхищения перед ясным умом и незаурядной личностью гениального русского композитора.

Подарок Серафиму Сергеевичу.
П. И. Чайковский.

Рисунок Игоря Файнермана

В начале 70-х годов Серафим Сергеевич случайно приобрел в одном из букинистических магазинов всеобъемлющую 3-томную монографию «Жизнь П. И. Чайковского», написанную братом композитора, Модестом Ильичом, к десятилетию смерти Петра Ильича и вышедшую в издательстве Юргенсона в 1903 году. В советское время этот труд не издавался, и лишь только через 90 лет, к 100-летию кончины композитора, с опозданием на четыре года, в 1997 году, он у нас был переиздан. Последующие биографы композитора, конечно, пользовались фактами, изложенными его братом. Они общеизвестны, но прочитать оригинал такого труда в то время было необычайно интересно.

Зная мою безграничную любовь к творчеству Чайковского, Серафим Сергеевич долго не томил меня и, прочитав один том, тут же, без задержки, передавал его мне, а уже когда я получил последнюю книгу, то обратил внимание на то, что Серафим Сергеевич классифицировал материал и сделал свои карандашные пометки на третьем томе по нескольким интересующим его проблемам, например, таким, как высказывания Чайковского «о музыкальном творчестве», «о трудолюбии», «о современных композиторах», отдельно «о Брамсе» и даже... «о коммунизме».

Последняя тема обсуждалась Петром Ильичом с Надеждой Филаретовной фон Мекк в переписке и, видимо, была навеяна марксистскими увлечениями брата его любимого ученика Сергея Ивановича Танеева – Владимира Ивановича, который, как мы знали, был знаком с Марксом и хранил его автографы. Чайковский оценивал коммунизм как воцарение общественного строя с полным имущественным равенством. А жизнь, как он подчеркивал, – борьба, и если ее лишить борьбы, она станет скучной, однообразной и превратится в одно произрастание. Мы отдали должное диалектике композитора, но отметили некоторые изъяны в суждении и, бесчисленное количество раз обращаясь к этим книгам, вновь затрагивали поднятые в них темы. На долгие годы эти три тома были самыми авторитетными из всех других книг, повествующих о любимом композиторе.

* * *

Однако все же самые сильные симпатии были у Серафима Сергеевича к творчеству Рахманинова. Сергей Васильевич являлся для него олицетворением универсальности музыкального дара – композиторского и исполнительского. На подаренном мне замечательном художественном альбоме о жизни и творчестве Рахманинова в трогательной надписи Серафим Сергеевич назвал его «самым любимым композитором». Он рассказывал, как вскоре по приезду в Москву для поступления в Консерваторию один из старших друзей-студентов привел его в пустующий консерваторский класс, разложил ноты и проиграл первую часть рахманиновского Фортепианного концерта № 1. «Музыка меня заорожила, – вспоминал Серафим Сергеевич, – Валентин, видя мое состояние, побежал в соседний нотный магазин, притащил заветный концерт и передал мне для разучивания. Так я и остался им очарован на всю жизнь».

Так же всегда потрясал Серафима Сергеевича Концерт № 2. Играя гениальную первую тему, он мне всегда говорил: «Какая длинная бесконечная тема, ты посмотри, ведь не кончается, все идет, все она же...» Действительно, немного в мировой классике найдется подобных мелодий и таких великих

музыкальных образов. В другой раз, продолжая обсуждение «длинных тем» и пытаясь проявить «эрудицию», я привел примеры подобных мелодий из Беллини в каватине «Нормы» и Шопена в первой части Третьей сонаты. Однако музыка Сергея Васильевича в тот момент оказалась нам обоим роднее и ближе. Серафим Сергеевич радовался тому, что по телевидению и по радио в День победы 9 мая, когда транслировались передачи с Красной площади и после минуты молчания лились потоки великой музыки Рахманинова по всей нашей огромной стране.

Концерт № 3 Серафим Сергеевич готов был слушать без конца. «Здесь непрерывный поток мелодий и все виды фортепианной техники», – обращал он постоянно мое внимание. Ярким впечатлением навсегда осталось исполнение этого сочинения Вэном Клайберном в 1958 году на Первом конкурсе Чайковского. Мы долго вспоминали игру молодого американского пианиста в заключительном концерте в Большом зале Консерватории, где довелось побывать.

Особой любовью у Серафима Сергеевича пользовались сюиты для двух роялей. Серафим Сергеевич с удовольствием принимал приглашение сестер Туркиных, когда они давали свои концерты. Он также знал, что сам Сергей Васильевич любил их играть со своим двоюродным братом Зилоти. Очень созвучными самой натуре Серафима Сергеевича были прелюдии, этюды-картины, музыкальные моменты, романсы. Романсы Рахманинова с их уникальной фортепианной партией, выступающей на равных с солистом, он считал вершиной жанра в отечественной музыке.

Когда я по служебным делам был в командировке на Уваровском химическом заводе в Тамбовской области, то посетил Ивановку – имение Рахманинова, где композитор жил в летнее время. Фотографии имения в окружении степных просторов, которые я там сделал, были источником большой радости для Серафима Сергеевича. Кстати, в стенах музея Ивановки я увидел фотографию, запечатлевшую открытие мемориальной доски Рахманинову на доме, где он жил в Москве на Страстном бульваре перед окончательным отъездом в эмиграцию. В объектив попали Георгий Васильевич Свиридов и Серафим Сергеевич, оказавшиеся участниками события того памятного дня. Сообщение об этом факте очень порадовало Серафима Сергеевича, ведь он не мечтал оказаться на фотодокументе в музее кумира.

Симфоническое творчество Рахманинова, как ни странно, не вызывало у Серафима Сергеевича горячей симпатии. Он иногда сам недоумевал, отчего такое происходит, а иной раз беседовал на эту тему с коллегами-музыкантами и не получал поддержки. В свою очередь, я тоже удивлялся, как можно быть равнодушным ко Второй и Третьей симфониям, ладно уж к ранней – Первой, ее и сам Сергей Васильевич разлюбил после провала премьеры; или симфо-

нической фантазии «Утес», вдохновленной крохотным прекраснейшим стихотворением Лермонтова «Ночевала тучка золотая...». Чайковский сразу оценил «Утес» и попросил у Рахманинова разрешения на исполнение фантазии в симфоническом концерте, которым собирался дирижировать. Другое сочинение – «Симфонические тайны», одно из последних, изданных в эмиграции, так всегда трогало меня за душу... Никак не мог я понять Серафима Сергеевича!

И вот однажды, после концерта в зале Чайковского, где мы вместе прослушали Вторую симфонию, я в очередной раз стал говорить о потрясающем лиризме музыкальных тем, навеянных мыслями и чувствами о самом сокровенном, родном и близком. Серафим Сергеевич в ответ тихо сказал: «Сейчас выйдем из зала, и я все тебе объясню». Он, видимо, не хотел, чтобы его критическое мнение, идущее вразрез с бурными аплодисментами зала (ведь речь шла о Рахманинове!) кто-нибудь услышал. Отведя меня в сторону, продолжил: «Это великолепная симфоническая музыка, но в ней нет драматургии, нет контрастов, характерных для классической симфонии, нет динамизма жизненных конфликтов – вот с этих позиций я не воспринимаю ее как симфонию! В моем представлении – это отдельные самостоятельные фрагменты хорошей симфонической музыки, которые не объединены общей идеей развития, но, впрочем, ты же знаешь, как я люблю этого автора». Меня, конечно, несколько поколебала такая более глубинная оценка любимой симфонии, но все же стал возражать, ссылаясь на известные сочинения других классиков, где, как мне казалось, тоже отсутствует драматургия, дошел даже до «Пасторальной» Бетховена. Драматическая кульминация там – только сцена грозы в финале. Аргументы мои не были приняты во внимание, но в этот вечер я услышал от него четко сформулированное мнение о Второй симфонии.

Любил Серафим Сергеевич перечитывать книги о жизни Рахманинова, его молодых годах, воспоминания современников, особенно письма, собранные и прокомментированные Заруи Апетовой Апетян. От автора этой книги, в личной с ней беседе, он узнал много интересного, ведь она, работая над сборником, побывала в США, встречалась с близкими и родными Сергея Васильевича. Известная фотография Рахманинова с Метнером, запечатлевшая их в Лондоне, всегда стояла за стеклом книжной полки у рояля в кабинете Серафима Сергеевича.

* * *

Интересы Серафима Сергеевича в классической музыке, разумеется, распространялись еще на многих горячо любимых им авторов. Среди русских композиторов были: Глинка, Бородин, Римский-Корсаков. Из более поздних: Лядов, Калинин, Глазунов, Скрябин. Из зарубежных композиторов: Шуберт, Шуман, Лист, Вагнер, Верди, Григ и из более поздних – Дебюсси и Равель.

Глинке Серафим Сергеевич отдавал должное не только как основоположнику русской классики, но, прежде всего, как создателю великолепных образцов национальной оперы, основ симфонической русской музыки и безупречной формы классического романса. Примечательно, что из симфонических произведений Михаила Ивановича Серафим Сергеевич любил в первую очередь увертюру к «Руслану...» и Вальс-фантазию, а не «Камаринскую» и «Ночь в Мадриде», как это обычно принято.

Любил, улыбаясь, рассказывать, как иной раз, когда в Союзе композиторов обсуждалась программа какого-нибудь очередного торжественного вечера и думали-гадали, чем открыть концерт, и кто-нибудь вдруг предлагал начать с увертюры к «Руслану» или «Праздничной увертюры» Шостаковича, – все молниеносно и с облегчением вздыхали и безоговорочно принимали предложение. Так поочередно исполнялись то Глинка, то Шостакович.

Эпический лиризм Бородина был Серафиму Сергеевичу, наверное, ближе, чем музыка других представителей «Могучей кучки». У Александра Порфирьевича он чтит все то небольшое, что было им создано: «Игоря», Симфонии № 1 и № 2, бессмертный Струнный квартет, романсы и даже небольшие сочинения – симфоническую картину «В Средней Азии» и маленькую сюиту для фортепиано. Как-то он сказал мне, что «Богатырскую» симфонию он ставит ничуть не ниже симфоний самого Петра Ильича, а романс «Для берегов отчизны дальней» по глубине чувства, трагизму не уступает самым великим творениям классики в этом жанре. В беседах о Бородине мы не раз вспоминали, какое предпочтение, даже перед Римским-Корсаковым, отдавал ему лично Чайковский.

Серафим Сергеевич очень любил симфонические миниатюры Лядова. Анатолий Константинович Лядов восхищал его мастерски тонким симфоническим письмом, особенно в таких шедеврах, как «Волшебное озеро». Любил он и его фортепианные сочинения.

После Рахманинова его любимым фортепианным композитором был Скрябин. Симфоническую музыку Скрябина он ставил выше симфонической музыки Рахманинова. Безграничная любовь к Сергею Васильевичу Рахманинову нет-нет, да и напоминала, что Скрябин другой музыкант и любить его так же, как Рахманинова, он не сможет. В одном из литературных источников о жизни Александра Николаевича Скрябина Серафим Сергеевич отметил, что даже похороны композитора прошли по подписке, т. е. хоронили его всем миром, так как личных средств на панихиду у семьи не было. Это, по мнению Туликова, еще раз подтверждает, что искусство Скрябина было дальше от любителей музыки, чем искусство Рахманинова. В то время популярность Рахманинова сделала его довольно состоятельным композитором.

Из зарубежных композиторов для Серафима Сергеевича любимым после Шопена (Бетховен – вне обсуждения, о чем говорилось выше), кажется, был Шуман, и преимущественно – фортепианный. Многие фортепианные сочинения, такие как «Карнавал», «Крейслериана», «Детский альбом», «Лесные сцены», «Фантазия до мажор» и многие другие он хорошо знал и играл на рояле. Очень по душе были вокальные циклы.

Листа Серафим Сергеевич ценил, как величайшего пианиста и как автора непревзойденных фортепианных сочинений (рапсодии, этюды высшего исполнительского мастерства, концерты). Соната си минор была его любимым произведением, которое он часто играл. С юмором вспоминал, как, обучаясь в Консерватории, студенты, среди которых был и Серафим Сергеевич, получили задание подготовить к следующим занятиям самостоятельный разбор этой сонаты, т. е. передать свои впечатления. Студенты прослышали, что в соседнем нотном магазине Юргенсона появилась в продаже брошюра с анализом сонаты. Все бросились туда и на следующем занятии исправно демонстрировали знания строго по книге. Профессор был готов к такому сценарию, и с улыбкой прослушав студентов, прервал их начетнические выступления. Далее последовал его анализ, совсем иного плана, и, как с удовольствием заключил Серафим Сергеевич, «...перед нами открылись незабываемые художественные образы и тончайшие переживания». Помню, на меня лично соната первоначально производила странное впечатление: одночастная, какая-то бесформенная, без классического сонатного стержня, правда, с великолепно насыщенной героизмом, романтикой и красотами музыкой. Мой главный консультант, Серафим Сергеевич, разъяснил: «Да, соната не укладывается в привычную форму, она по сути – импровизация, но как она грандиозна и прекрасна!» Позднее, читая книги о Листе, я узнал, что эту сонату высоко ценил даже Вагнер, который редко говорил добрые слова о своих коллегах, особенно современниках.

О Шуберте запомнилось такое высказывание Серафима Сергеевича: «Вот просмотрел сегодня его знаменитую “Аве Марию” и обнаружил в ней такие находки, что, боюсь, нам еще далеко до этого совершенства – неземные звуки и благодать льются с небес».

Симфонизм Вагнера Серафим Сергеевич очень чтит и безгранично любил, считая автора несравненным и величайшим мастером оркестровки. В одной из зарубежных поездок по Германии ему довелось увидеть оригиналы некоторых рукописных партитур Вагнера. «Такой красоты нотного письма, такой каллиграфии, как у Вагнера, никогда в жизни не видел», – вспоминал он о своих впечатлениях. Оперную реформу великого композитора не считал безоговорочно реалистичной. Здесь отдавалось предпочтение операм Верди, он считал их более жизненными, естественными и правдивыми.

Всегда тепло и сердечно Серафим Сергеевич воспринимал музыку Грига. Она была очень близка ему. В конце лета 2003 года незадолго до роковой болезни, он в последний раз посетил наш дом, когда вернулся из калужского пансионата, где уже не раз отдыхал по любезному приглашению губернатора – Анатолия Дмитриевича Артамонова, делился впечатлениями об отдыхе. Мы обсудили текущие вопросы политики, экономики, культуры, спорта. Незаметно, как это всегда бывало, перешли к музыке. Затронули редко исполняемую оркестровую сюиту Грига «Из времен Хольберга», которая недавно передавалась по радиопрограмме «Орфей». Незабываемая 3-я часть «Ария» – печальная, грустная, почти скорбная. Спокойно слушать невозможно. Он напряг память, не смог сразу вспомнить. Я взял с полки книгу о Григе и открыл страницы с нотными примерами из сюиты. Медленно просмотрел ноты, стал задумчив, покачал головой и сказал проникновенно: «Да, Григ – рафинированный классик!»

Из композиторов XX века Серафим Сергеевич выделял Стравинского, считая его очень талантливым, и, конечно, Прокофьева. Сергея Сергеевича Прокофьева называл безусловным современным классиком, поскольку, несмотря на внесенное новаторство в творчество, основы были, по его мнению, взяты и из русской классической школы. Симпатии к музыке Прокофьева разделял и я. Из младших своих соотечественников он всегда подчеркивал уникальную одаренность Альфреда Шнитке и Эдуарда Денисова.

При всей своей колоссальной эрудиции в области классической музыки, при фундаментальном консерваторском образовании, как по классу фортепиано, так и по свободному сочинению, Серафим Сергеевича не работал в крупных музыкальных формах, не писал ни опер, ни симфоний и все свое творчество сознательно ограничил преимущественно песенным жанром. Любопытно отметить, что крупные формы никак не были чужды его творчеству. Здесь уместно упомянуть симфонию, написанную в годы обучения на последнем курсе Консерватории – музыку вполне зрелую и великолепно звучащую. Ее исполнили и записали в 2003 году. Кстати, об этой симфонии Штейнберг Максимилиан Осеевич, который ее рецензировал, будучи председателем экзаменационной комиссии Консерватории, тогда сказал: «Туликов лирик по преимуществу. Наиболее приятна вторая часть его симфонии и фортепианная миниатюра».

Все сочинения Серафима Сергеевича имели одну четкую черту – яркую мелодическую основу. Без нее музыки для него быть не могло. Он понимал, что без этой основы его обращение к людям слушать никто не станет, особенно в массовой песне. Не побоюсь громкого, может быть, нескромного сравнения: мелодия (музыкальная мысль) в чистом виде, вышедшая в классическую музыку прежде всего от Моцарта и дошедшая до нас, особенно через славянский пласт мировой музыкальной культуры (Шопен, Глинка, Чайковский),

звучала и в лучших сочинениях советских композиторов, в том числе и песнях Серафима Сергеевича Туликова. Отсюда искренность его музыки, запоминающиеся образы и темы, широкая напевность, яркие фортепианные включения. У некоторых, может быть, возникнет сомнение, насколько искренне можно писать патриотические песни о Родине, о Москве, наконец, о Ленине, о коммунистах: нет ли здесь фарисейства, конъюнктурщины? Подобные мысли в свой адрес возникали и у самого автора в последние годы жизни! Наступило время, когда его гражданские песни уже мало звучали, а где-то даже он услышал о себе определение – «державник!» «Я ведь у них на телевидении и на радио в “державниках” хожу, кому все это теперь нужно!», – говорил он с горечью. Что можно было возразить?

Серафим Сергеевич и был воспитан в советской стране. Сирота, без родителей и чьей-либо помощи, только благодаря исключительным музыкальным способностям поступил и бесплатно учился (получал еще стипендию от государства!) в старейшем уникальном музыкальном заведении страны – Московской консерватории. В страшные годы войны начался его творческий путь, патриотические чувства тогда охватили всех, а после войны, когда шло восстановление страны при огромном народном энтузиазме, появились его первые зрелые сочинения, разумеется, с патриотической окраской и гордостью за свою землю. Сюда вскоре добавились тревога за мир, борьба за него и блестящая песня на эту тему «Мы за мир!». Великолепные песни, написанные в то время на сюжеты, взятые прямо из жизни, быстро стали популярными, их пели, исполняли – они жили в людях. Серафим Сергеевич обрел известность, а через какое-то время получил материальную оценку своему труду: авторские гонорары, возможность поселиться в одном из первых московских жилищных кооперативов на Огарева, 13, личный автомобиль «Победа», наконец, получил приличный, по нашим понятиям в те годы, материальный достаток, которого никогда не было в его жизни.

А вот сейчас позволю себе опять некорректное сравнение, кивая на великих, сравнение банальное – и все же... Общеизвестная истина: человек искусства благополучно существует, как правило, только тогда, когда получает поддержку от власти имущих. И Бах, и Моцарт, и Бетховен (список можно продолжить) жили в благополучии, когда нередко писали по заказу той самой власти. Фамилии всемогущественных князей Эстергази, Разумовского и прочих остались в истории благодаря меценатству. Стоило, к примеру, Моцарту порвать с покровителем, как сразу оказался в нищете и до конца дней своей трагически короткой жизни вынужден был бороться за существование. Такова плата во все времена за право называться свободным художником. Очень характерна в этом плане жизнь Вагнера, который любил жить на широкую ногу,

вечно был преследуемым кредиторами, оказался на баррикадах с повстанцами в Дрездене, в компании с нашим соотечественником Бакуниным, который эмигрировал в Швейцарию, бедствовал и достиг благополучия только после того, как его пригласил сам король Баварии. Можно вспомнить и более поздние факты. Когда после длительной эмиграции Прокофьев приехал на гастроли в СССР, то, как пишут биографы, был приятно удивлен тем, что советским композиторам предоставляются лучшие симфонические оркестры, концертные залы, оперные театры, музыканты, певцы – все бесплатно, не надо думать о финансовых проблемах творческого существования, только пиши. О чем писать и как писать – тут был отдельный разговор, и можно о многом, далеко не однозначном, спорить. Естественно, надо было писать что-то по заказу на заданные темы, но в то же время не запрещалось и свободное сочинительство. Примеры в изобилии – и в творчестве Шостаковича, и великих предшественников. Перспектива отдать себя целиком только творчеству послужила одним из серьезных аргументов для возвращения Прокофьева на Родину. Он, кстати, не остался в долгу и создал много прекрасных произведений именно в советский период жизни, в том числе лучшую симфонию – Седьмую, за которую получил Ленинскую премию, к сожалению – посмертно. Сергей Сергеевич оказался первым советским композитором, получившим высшую творческую награду СССР. Мрачный период диктаторского режима, конечно, затронул и Прокофьева, но его композиторский дар, к счастью, не пострадал.

Чувство национального патриотизма, думаю, зародилось у Серафима Сергеевича еще в далекие детские годы, когда он жил в Калуге, и шло еще от старого уклада калужской жизни. Весь уклад жизни древнего города, его семьи, соблюдение всех российских религиозных праздников, пение с мамой в церкви, теснейшее общение с природой, незабываемые пейзажи вошли в душу впечатлительного мальчика и остались навсегда. Я помню, как мы ездили на рыбалку куда-то. За Серпуховом есть небольшая деревушка на реке Старица. Он долго смотрел на Старицу, приток Оки, стоял как зачарованный. У меня было ощущение, что он слышал и видел музыку своей души. Что-то было необычное и в его облике, и в тишине, и в затянувшейся паузе нашего молчания. Эта любовь к своему, родному была неотъемлемой частью его композиторской натуры и нередко проявлялась чаще всего в обычной жизни, к примеру, на рыбной ловле, когда он оставался наедине с природой и задумчиво смотрел на окружающую красоту. Здесь вспоминались полотна Васильева, Саврасова, Левитана, прелюдии Рахманинова и многое другое из русского искусства. Недаром Серафим Сергеевич сразу откликнулся на просьбу земляков написать что-нибудь к 600-летию Калуги. Очень близкой оказалась тема, и в короткий срок была создана чудесная хоровая сюита «Приокские рассветы». Патриотиче-

ские мотивы этого сочинения и ряда песен были обусловлены всей окружающей талантливому композитору жизнью, его воспитанием, сущностью натуры, для которой было естественным излить душу в звуках, вызывающих гордость за свою страну и любовь к ней.

Патриотизм Серафима Сергеевича настоящий, не плакатный, это веление сердца. Сейчас это слово или забылось, или затерлось, затаскалось и покрылось фальшью. У него это шло от сердца. Он верил в те музыкальные образы, которые создавал. Патриотизм в его понимании, как мне кажется, это прежде всего русское искусство: это мелодизм, сердечный зов родного края. Что же касается веры в идеалы социализма, коммунизма, то здесь, помнится, он как-то высказал любопытные мысли такого плана: «Возьмем шекспировский сюжет, – говорил Серафим Сергеевич о “Ромео и Джульетте”, – кто только не вдохновлялся им из великих композиторов, в их числе Беллини, Берлиоз, Гуно, Чайковский, Прокофьев. Разве это о реальных людях, разве они жили когда? Нет, художественные образы – и только, но остались навсегда в бессмертных произведениях искусства благодаря извечным идеалам. Так почему нельзя отразить в песне чаяния людей о лучшем обществе, поведать о реальных героях, которые пытаются создать новый жизненный уклад, новый, более справедливый общественный строй? По-моему, здесь нет ничего противоестественного». Я полностью согласен с ним. Почему такой взгляд на реальную жизнь, ее историю не может вдохновить автора написать песню о лидерах общества, его вождях и партии – части того же общества. Пусть в подобной логике было что-то наивное. Один из друзей Серафима Сергеевича, Ваню Мурадели, когда-то так и сказал ему: «Чтобы писать такие песни надо быть немножечко наивным». Мне кажется, она – такая логика – давала право на ее реализацию. Так создавались талантливые в музыкальном отношении, великолепные песни о Ленине, коммунистах, партии, которые, замечу, быстро запоминались и имели огромный успех. И почему бы в этой связи не вспомнить о великом старшем современнике – Прокофьеве, написавшем в свое время замечательную, вдохновенную, прекрасную по музыке «Здравицу» о Сталине?! Да и не только он! Примеров много! Подробные вышеизложенные соображения об историческом прошлом, моральных принципах художника и его гражданской позиции, патриотизме, взаимоотношениях с властью, разумеется, фигурировали в наших беседах. Мы тогда мало знали подробностей многих исторических событий, которые переживала страна в свое время и которые сейчас в шокирующих подробностях освещаются в документальных фильмах, в прессе и воспоминаниях свидетелей того времени.

Если взять самые известные произведения из всего песенного наследия Серафима Сергеевича (им написано около 500 песен), то значительная часть

их относится именно к лирической песне. В последнее время именно эти песни неоднократно издавались, и каждый сборник не повторял другие. По своей натуре он был лириком, может быть, даже романтиком. Не случайно я подробно остановился на трех самых любимых им композиторах. Лирическая струна его песенного творчества звучала очень сильно, и чудесные лирические песни любили как исполнители, так и слушатели, к тому же исполнителями были известные мастера отечественной эстрады: К. И. Шульженко, И. Д. Кобзон, Л. В. Лещенко, В. В. Толкунова, Л. Ф. Серебренников, ансамбль «Самозвук» и многие другие.

Серафим Сергеевич дарил мне свои сочинения с очень теплыми, сердечными надписями, Недавно просмотрел его последние сборники и вспомнил знакомые мелодии. «Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых», – с улыбкой говорил мне Серафим Сергеевич, цитируя известное высказывание Чайковского, когда я заставлял его дома за работой у рояля. Потом добавлял, опять же из Петра Ильича, что работать надо не на манер бар, а ежедневно, подобно сапожнику, который латает сапоги. Именно так работали Моцарт и Бетховен, без всякого к себе послабления. Правда, как он признавался, иногда работа не клеилась, и тут нужно было от нее отвлечься – упорством в таких случаях ничего не добьешься – или сменить занятие. Через некоторое время мысли сами восстанавливались, нужные мелодические решения находились, и работа успешно продолжалась. До последних дней он занимался, сочинял и трудился за роялем. Полагаю, что трудолюбие и прилежание наряду с талантом были неотъемлемыми качествами его натуры.

Печально, что качественная музыкальная песенная культура прошлого столетия уходит и почти не возвращается ни на эстраду, ни на радио, ни тем более – на телевидение. Но песни Туликова прорываются к слушателям и очень их волнуют, вызывая благородные порывы.

Веру вселяет одно из писем Рахманинова к Метнеру. В ответ на жалобы Метнера о трудностях с публикациями своих сочинений Сергей Васильевич с юмором утешал друга, что издатели любят печатать только классиков или авторов, приближающихся к 100-летнему юбилею.

* * *

Серафим Сергеевич был человеком самых разносторонних интересов. Я думаю, что об этом знают немногие, так как он был не из тех, кто рассказывает о своих увлечениях. Но среди всех увлечений настоящей страстью была рыбная ловля. Пристрастие появилось в детские годы в Калуге, когда можно было ловить рыбу с плотов из бревен, сплавляемых по реке. В рыбной

ловле он был редкостным профессионалом, владел такими видами спортивного ужения, которые в наши дни на многих водоемах нередко позабыты, – перемет, подпуска.

Любовь к рыбной ловле с мальчишеских лет передалась и мне, зная об этом, Серафим Сергеевич иногда баловал меня приглашениями поехать с ним на рыбалку. Сильное впечатление на меня производила ловля на перемет, которая осуществлялась в два этапа. На первом – рано утром отправлялись за живцом, рыбачили с берега удочками. На песчаных перекатах реки хорошо брал пескарь, мелкая плотва. Поймав нужное количество рыбешек, распределяли их бережно, непременно живыми, в специальные емкости с водой, так называемые «рыбняшки», и отправлялись к большому водохранилищу, где к вечеру ставились переметы – начинался главный этап. В силу недостаточной квалификации мне позволялось выполнять только роль подсобного: управление лодкой и работа на веслах; привязка, подъем и опускание грузов, подготовка поводков с крючками для шнура. С восхищением смотрел я, как Серафим Сергеевич мастерски быстро ставил перемет, насаживал живца и за каких-нибудь 20 – 30 минут незатейливый «снаряд» с 20 – 25 крючками опускался на дно в полной готовности. Обычно подготавливалось 3 – 4 таких перемета, а утром в 5 – 6 часов совершался объезд снастей, которые специальным багром подцеплялись со дна, и лодка направлялась вдоль шнура с поводками, на них попадались щука и другие хищники. До сих пор, уже более полувека, у меня хранятся фотографии тех счастливых минут.

Аналогичное мастерство он искусно демонстрировал на подпусках. Это снасть с поводками ставилась вдоль реки около каких-либо заграждений, плотин. В рыбацкий арсенал входили также жерлицы и кружки.

В середине 50-х годов он увлекся подледным ловом, вооружился всевозможными ледорубами, мормышками, сторожками, ящиком для снастей и рыбы – баяном. В те годы зимняя ловля была удачливой, рыбаков на льду мало, рыбы много. Увлечение сопровождалось хорошими уловами и большими эмоциональными впечатлениями. На подступах к водоемам приходилось иной раз преодолевать многокилометровые узкие проселочные дороги, занесенные снегом. Вереницы рыбацких автомобилей в темноте, ранним зимним утром с трудом друг за другом продвигались по ним. Не дай бог, у кого откажет мотор – бедолагу под общее улюлюканье «отталкивали» в кювет, в снежный сугроб, и справляйся далее сам, как знаешь. В начале зимы, когда ловили по первому льду и, бывало, стояла еще вода, выезжать на лед водоема было крайне опасно. Однако рыбацкий ажиотаж брал свое, и никакой страх не мог остановить азарт страждущих половить рыбу. Забывали об осторожности – выезжай на лед по воде

или уступай дорогу и удались в сторону! Серафим Сергеевич очень часто по настоящему рисковал. Договаривались, дома рассказывать без подробностей.

Огромное значение имело качество снастей. В почете были многоколенные японские удочки, тончайший «Сатурн» для лесок, легкие чувствительные поплавки. Сюда же относилась и спецодежда: резиновые сапоги всех видов, дубленые тулупы, ватные штаны и прочее – все это занимало значительную часть гаража в Москве на Огарева.

Серафим Сергеевич был постоянным подписчиком журнала «Рыболов-спортсмен». По окончании года все номера отдавались в переплет и аккуратно складывались на полке, где хранились тома за предыдущие десятилетия; нередко они просматривались и перечитывались. У него полный комплект всех журналов за все годы издания до перестроечного краха. Очень гордился он дореволюционным изданием книги известного ученого Л. Сабанеева «Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб», которую когда-то удалось приобрести у букинистов. Библиотека по рыбной ловле осталась необычайно обширной.

* * *

Особую любовь проявлял Серафим Сергеевич к шахматам. Сам практически никогда не играл, но великолепно чувствовал позицию, умел грамотно оценить, прокомментировать, сформулировать ближайшие стратегические цели, а иной раз – подсказать правильный ход. В шахматах оставался композитором – шахматным композитором.

Насколько помню, Серафим Сергеевич не оставлял без внимания и разбора ни одной партии шахматных финальных поединков на первенство мира. На все время проведения матча доска с фигурами устанавливалась в кабинете на круглом столике недалеко от рояля и самым тщательным образом все партии анализировались и оценивались, сопоставлялись также мнения видных гроссмейстеров, освещавших ход матча в различных газетах.

Мы, конечно, бывали и в гостинице «Советской», и в Колонном зале, где в те годы проводились шахматные игры на первенство, часто вместе и с другими композиторами – любителями шахмат. Блестящим игроком был композитор Александр Николаевич Долуханян.

В одной из партий матча-реванша Смыслов – Ботвинник, на котором мы вместе присутствовали, создалась любопытная позиция: полное материальное равенство, но некоторые слабости позиционного плана у Смылова – мы оба за него болели. Партия была отложена. Мы немного пообсуждали возможное ее развитие при доигрывании и отправились к выходу, где столкну-

лись с Синявским – главным спортивным комментатором. «Вадим Станиславович, – обратился к нему Серафим Сергеевич, – какие шансы у Смылова при доигрывании?». «Партия – проперта», – отрезал Синявский (извините за цитату в прямом воспроизведении. – И. Ф.). Приунывшие, мы покинули зал, а на следующий день с огорчением узнали, что Смылов сдал партию, не обновляя игры. Лаконичный ответ комментатора мы долго еще вспоминали.

Шахматные баталии, позиции и комбинации обсуждались нами и по телефону. Не оставались без внимания Серафима Сергеевича выходявшие книги о великих шахматистах, сборники их партий. Он собрал большую библиотеку по шахматной тематике.

Серафим Сергеевич был прост в общении, легко поддерживал диалог с любым собеседником, мог всегда проявить к нему расположение и зачастую вызывать на доверительное общение. Собеседник никогда не ощущал на себе бремя известности и популярности композитора. Помогала здесь и удивительная скромность, присущая его натуре.

Как-то зимой на льду Иваньковского водохранилища увлеклись мы ловлей крупной плотвы, подлещика. Возвращаться в Москву было уже поздно и темно. Втроем – с нами был еще певец Виктор Селиванов, солист Москонцерта – отправились в деревню проситься на ночлег. Впустила одна крестьянская семья, сели за стол, разложили из рюкзаков нехитрую снедь, достали бутылочку. Хозяйка взглянула на Серафима Сергеевича, узнала знакомое лицо, видела, говорит, по телевизору недавно, но кто он – не запомнила. Композитор улыбнулся, как-то пошутил, но так и не назвал себя.

Когда мы ловили рыбу на Голубых озерах, к нам однажды вечером в дверь номера робко постучал паренек лет 17 – 18, он прослышал о пребывании композитора Туликова в пансионате и очень захотел с ним поговорить. Извиняясь, рассказал о себе, об увлечении музыкой; сообщил, что пытается писать песни, и попросил разрешения показать одну из них. Он хотел бы услышать мнение большого мастера-профессионала. Просмотрев ноты, Серафим Сергеевич похвалил и одобрил песню, но одновременно высказал мнение о целесообразности внесения технических изменений. Изменения оказались довольно серьезными, и требовалась значительная переработка песни. Парнишка поначалу был удручен, однако маститый коллега так доверительно повел разговор, что начинающий автор почувствовал себя окрыленным и полностью удовлетворенным замечаниями Серафима Сергеевича, после чего с глубокой благодарностью с ним распрощался.

Доброта и щедрость были неотъемлемыми качествами его природы, порусски широкой и безграничной. Нередко он не только доставлял друзей-

рыбаков к водоему на своей машине за 100 – 150 километров от Москвы, но и обеспечивал полным довольствием. Кошелек его был открыт для всех.

* * *

Огромно было влияние Серафима Сергеевича на мое духовное формирование; думаю, что его воздействие оказалось для меня решающим в музыкальных вкусах и привязанностях, а может быть, и более – в решении возникавших жизненных проблем. Твердо знаю одно: его симпатия и любовь во многом поддерживали меня в жизни...

РАЗБИРАЯ АРХИВЫ В КАБИНЕТЕ МОЕГО ОТЦА...

Эпизоды

Всему приходит свое время. До какого-то момента в жизни каждого человека любые семейные архивы остаются просто сложенными в различных папках, альбомах, в коробках и во всем прочем на полках, в шкафах, на антресолях и бог знает где. В течение нашей активной молодой жизни, и моей в частности, мы смотрим на прошлое отстраненно, а все настоящее, связанное с родителями, воспринимаем как данность. Всегда стремились вперед, и не было, как нам казалось, времени, чтобы остановиться и послушать, записать, да и спросить: «А почему было именно так, а не иначе? Зачем и почему вы так поступили?» Однако мы все сформированы, как правило, своей семейной историей, ее нравственными критериями и традициями, и продолжаем ее неосознанно в своих мыслях и поступках. А далее приходишь к осознанию, что история твоей

семьи – отражение истории страны со всеми данностями временного отрезка жизни. И вот все уже принадлежит истории – документы, фото, письма, книги. Люди, окружавшие твою семью и жизнь родителей, становятся ближе, понятнее, многие жизненные ситуации получают объяснение и обоснование – *и все оживает!*

Я глубоко убеждена, что главное при воспоминании о прошлом – это сохранение понимания и уважения к тем людям, которые прожили жизнь в определенных обстоятельствах по воле судьбы. Сложнейшая задача – проявить чувство деликатности и уважения к прошедшей жизни, не допуская ненужной дешевой сенсационности, соблюдая чувство меры и проявляя уважение к чело-

веку, который уже не может ни защитить себя и свою позицию, ни ответить, ни объяснить. Кроме того, есть еще и душа! Но мы оставим ее в покое! И это не сокрытие фактов, а человеческая солидарность... Не всегда следует обнажать чью-то душевную боль словами, как «острыми инструментами», или манипулировать случайно сложившимися доверительными беседами в угоду иронии или дешевой популярности. Такое ведь бывает!

Избежать субъективности, конечно, очень сложно, но это тоже своеобразная объективность, основанная на лично пережитом. Документальные и фотографические материалы, которые хранятся в каждой семье, со временем становятся особой, порой незаменимой частью всякого наследия и основой для воспоминаний.

Несмотря на их статику, они навсегда останутся правдивыми и сохранят уникальное дыхание времени, обладая необыкновенной, почти волшебной способностью возвращать «живыми» картинками прошлое в сегодняшнюю реальность! И пока память сохраняет события тех недавних времен и есть возможность опереться на архивные материалы и живые воспоминания, прошедшее время – это совсем не прошедшее время, а тем более – не исчезнувшее навсегда.

А память наша устроена удивительно! С уходом многих людей из твоей жизни исчезают боль и страдания, разногласия, трудности общения, создававшие, казалось, непреодолимые препятствия в отношениях с этими людьми, даже очень тебе близкими. Все исчезает без наших усилий, как теперь бы сказали – «по умолчанию». Все, что входит в понятие счастья жизни с родителями и их окружением, тревоги и радости того времени – остаются, увеличиваются в размере, обрастают удивительными реальными подробностями, которые ранее вообще не принимались как важные. Именно это дает ощущение полноты прожитой жизни!

События никогда не удастся вспомнить в хронологической последовательности, ибо память произвольно выхватывает из своих глубин то, что она сама по своим законам вдруг вбросит в наше сознание, и мы торопимся это запомнить и записать с большой к ней – памяти – благодарностью.

Эпизод 1. Музыкальное образование: Калуга и Москва

Москва в жизни моего отца началась в августе 1932 года со вступительных экзаменов в Московскую консерваторию, расположенную на улице Герцена – Большая Никитская, д. № 13, всего в нескольких минутах ходьбы от его будущего, еще тогда ни в каких проектах не существовавшего жилья – ком-

позиторского дома на улице Огарева (ныне Газетный переулок), номер дома тоже 13. Случайное, но забавное совпадение номеров! Иногда и число 13 играет не по правилам и оказывается счастливым! Да и другие совпадения удивляют. Еще в очень раннем детстве отец в своем родном городе Калуге жил и на улице Огарева, там же жила и папина двоюродная сестра Галя Бобоедова. Какой город – большой или малый – обходился без улицы, названной в честь великого деятеля революционного движения! Огарев, оказывается, был страстным музыкантом, и в стихах своих стремился выразить все наполнявшие его душу звуки! Сразу по иному воспринимается и название улицы и в Москве, и в Калуге, и где бы то ни было! Революционная наполняемость души, если без исторических крайностей, вполне сочетается с прекрасным!

Музыкальное образование моего отца началось так, как это обычно и происходило во многих семьях в те далекие годы. После его рождения в 1914 году в городе Калуге домочадцы обнаружили абсолютный слух у малыша, потом начались первые домашние музыкальные занятия, затем были найдены специальные частные учителя, потом – школа. Казалось бы, все так гладко!

Калужское музыкальное образование моего отца оставило не много документальных свидетельств тех далеких лет. Передо мной «Хорошо темперированный клавир» («DAS WOHLTEMPERIERTE KLAVIER») И. С. Баха – книга, изданная музыкальным сектором государственного издательства 1930 года. В своих воспоминаниях папа много говорит об этом издании как важном событии тех лет. В книге дарственная надпись заведующего музыкальной школой, который от коллектива всей школы 19 июня 1931 года выражал уверенность в том, что ученик по классу рояля Бобоедов-Туликов Серафим в дальнейшей своей музыкальной деятельности будет на высоте своего призвания, находясь в авангарде молодых работников по искусству. Наличие призвания было отмечено, что уже говорило о многом:

«В годы занятий в калужском музыкальном училище Туликов проявил незаурядные способности и на выпускном вечере – он окончил училище в 1932 году – с успехом исполнил трудную программу: пятиголосную фугу и прелюдию Баха, сонату Бетховена, рапсодию Листа, прелюдии Скрябина» (В. Сибирский. Серафим Туликов. – М.: Советский композитор, 1963)

От общественных выступлений тех лет сохранилась Программа 1-го концерта декады музыки, устроенного силами учащихся старших групп школ ФЭС г. Калуги и музыкальной школы 10 мая 1932 года в Рабочем театре. Дата, я думаю, выбрана не случайно. Кто сейчас вспомнит, что произошло 10 мая 1932 года, чтобы понять, почему концерт состоялся именно в этот день. День-то был знаменательный в истории! В 1930 году правительство СССР приняло постановление о развитии Дальневосточного края. Все немногочисленные

ПРОГРАММА

1-го КОНЦЕРТА ДЕКАДЫ МУЗЫКИ,

**устраиваемого силами учащихся старших групп
школ ФЭС г. Калуги и Музыкальной школы
10-го мая 1932 г. в Рабочем театре.**

Вступительное слово — А. Ф. ДИДОВ.

ОТДЕЛЕНИЕ 1-ое

<p>1. Интернационал</p> <p>а) Под знамя МОПРА . . . муз. Камалдинова</p> <p>б) Стрида оковов ночь шел патрямки</p> <p>в) Большевики</p> <p>г) Песня германских горняков</p> <p>д) Авио-марш</p> <p>е) Рейс ударников</p> <p>ж) Первомайская пионерка</p> <p>з) Гармония</p> <p>2. Революционный карнавал . . . муз. Корчмарева,</p> <p>школы Н. Токарева.</p> <p>3. а) Лихорадушка муз. Даргимжиского</p> <p>б) Ноченька Глинки</p> <p>4. Алый всадник муз. Дасмана,</p> <p>неп. уч-ца муз. шк. т. Камецева.</p> <p>5. а) Мы первые из первых — герман, революц. песня. муз. Лазарева</p> <p>б) Об ты, синий вечер Ковалья</p> <p>6. Военный марш муз. Шуберта</p> <p>7. а) Первое мая муз. Красева</p> <p>б) Весна пейзажная Пащенко</p> <p>в) Кривофотская Волошинова</p> <p>г) Степная Радли Ашцева</p> <p>д) Песня о встрече промфинляна Шабалина</p>	<p style="text-align: center;">исполняют</p> <p>Белого, Давиденко, Чемберджи, Компанейца, Чулаки, Камалдинова, Давиденко, Васильева-Буглая</p> <p style="text-align: center;">исполнит</p> <p>объединенный хор V и VII ФЭС под упр. В. П. Храпчевского.</p> <p>исп. уч-ца муз. школы Н. Токарева.</p> <p>исп. уч-ца м. ш. т. Маняфеева.</p> <p>неп. уч-ца муз. шк. т. Камецева.</p> <p>исп. уч. муз. школы т. Скатины.</p> <p>неп. уч. муз. шк. т. Исаев.</p> <p style="text-align: center;">исполнит</p> <p>объединенный хор IV и VI ФЭС под упр. М. В. Бобоевой</p>
---	---

ОТДЕЛЕНИЕ 2-ое

<p>1. а) Красное знамя муз. Александрова</p> <p>б) Марш ударных бригад Шехтера</p> <p>в) Железная помощь Красова</p> <p>г) Песня летчиков Белого</p> <p>д) Песня о героях Ковалья, Давиденко, Шехтера</p> <p>е) 50 тракторов Чапалыгина</p> <p>ж) Из баррикады — польская революционная песня</p> <p>з) Фронт Васильева-Буглая</p> <p>и) Октябрь — марш (оркестр)</p> <p>к) Попурри из револ. песен (оркестр)</p> <p>2. Повесть о борьбе (роль) муз. Кабалевского, исп. уч. муз. школы т.т. Гуськина и Исаев</p> <p>3. а) За окном стучится ветер муз. Ковалья</p> <p>б) Весной Васильева-Буглая</p> <p>4. а) Стружки муз. Красова</p> <p>б) Мне ли горе тужить Гужина</p> <p>в) Ария Индийского гостя из оп. „Салко“ Р. Корсакова</p> <p>5. Эгмонт — увертюра (роль в 8 рук) муз. Бетховена, исполнит ученик-музышкола т.т. Исаев, Гуськина, Новодворская и Каменецкая</p> <p>6. Работяга, восстание и свобода — лет. инсценировка, исполнит ученик-музышкола под руководством Н. Е. Чубыкина</p> <p>7. Физкультура: вольные упражнения, исп. учащиеся школ ФЭС</p>	<p style="text-align: center;">исполнит</p> <p>объединенные хор и оркестр балалаечников I, II и III ФЭС под упр. В. И. Фрейгофера</p> <p>исп. уч-ца муз. школы Н. Соколова</p> <p>исполнит уч. музышкола т. Исаев</p> <p>исп. объединен. хор школ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 ФЭС под упр. В. И. Храмцовского</p> <p>исполнит уч. музышкола т. Соколов</p> <p>исполнит уч. музышкола т. Соколов</p> <p>исполнит уч. музышкола т.т. Бобоедов и Кормилова</p>
--	---

ОТДЕЛЕНИЕ 3-е

<p>1. а) Пролетарии всех стран, соединяйтесь муз. Белого</p> <p>б) Коминтерн Эйслера</p> <p>в) Юность Ковалья</p> <p>2. II Рапсодия, муз. Листа, исполнит уч. музышкола С. Бобоедов</p> <p>3. а) Будапештский революционный марш</p> <p>б) Кузнец муз. Давиденко</p> <p>в) Завет В. Буглая</p> <p>4. 5-я симфония (1 и 4 части), муз. Бетховена, исполнит ученик-музышкола т.т. Бобоедов и Кормилова</p> <p>5. Физкультура: вольные упраж. и пирамиды, исп. учащ. шк. ФЭС</p>	<p style="text-align: center;">исполнит</p> <p>объединенный хор школ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 ФЭС под упр. В. И. Храмцовского</p> <p>исполнит уч. музышкола т. Соколов</p> <p>исполнит уч. музышкола т.т. Бобоедов и Кормилова</p>
---	---

Начало ровно в 7 часов вечера.

Ответств. распоряд. ГОРОНО.

Калуга. Райлат № 587. 1932 г. Тираж 300 экз. № 4478. Типогр. Мособлиздатграфа

газеты того времени сообщали, что 10 мая 1932 года корабли «Колумб» и «Коминтерн» высадили на амурском берегу порядка тысячи первых строителей будущего промышленного центра – Комсомольска-на-Амуре. Спустя десятки лет этот город посетили музыканты Светланов, Островский и Туликов. В этом, казалось бы, нет ничего примечательного, но становится понятной атмосфера того «концертного» майского дня. И содержание того самого концерта из трех отделений было соответствующим – обязательный Интернационал, вольные упражнения и пирамиды.

«Большевики» композитора Компанейца, «Песня германских горняков» композитора Чулаки, «Авиамарш» композитора Чемберджи, «Песня о героях» композитора Ковалья, «Фронт» Васильева-Буглая, «Рейс ударников» композитора Камалдинова, «Красное знамя» Александрова, «Песня летчиков» композитора Белого. Я выбрала имена композиторов – авторов исполняемых песен тех лет, которых просто помню и по Дому творчества композиторов в Подмосковье, и по нашему жилому дому композиторов на улице Огарева, и по другим реальным обстоятельствам... Вторая часть третьего отделения была отдана классике: «11-я рапсодия, муз. Листа, исполнит ученик музышколы С. Бобоедов» и далее под финал концерта – «5-я симфония(1-я и 4-я части), муз. Бетховена, исполнят ученики музышколы т.т. Бобоедов и Кормилова». Юному «т. Бобоедову», исполнителю Листа и Бетховена, исполнится через два месяца 18 лет. А пока – май, и скоро вступительные экзамены в Консерваторию!

После выпускных экзаменов в калужской музыкальной школе (1932) и не сложившейся учебы в Автодорожном техникуме (1930 – 1931) мой отец приехал в Москву сдавать вступительные экзамены в Московскую консерваторию на исполнительский факультет по классу фортепиано. Ни друзей, ни просто знакомых в музыкальном мире столицы не было. На дорогу приемный отец и крестный, Сергей Михайлович Туликов, разумно рассчитав, дал 30 рублей, прожить два дня, включая экзаменационный день, и на билеты обратно домой – в Калугу. Папа очень часто вспоминал и проводы, и свой отъезд в Москву, в которой он вообще бывал однажды – когда-то в раннем детстве, как ему казалось. Можно только догадываться о переживаниях, охватывающих, наверное, каждого, кто пробует в одиночку получить одобрение своих устремлений в столице среди корифеев, находящихся на Олимпе выбранного рода деятельности. «Передать словами – это невозможно! Единственное, что я почувствовал невероятно остро, что я сирота!» – иногда вспоминал папа. Как и все на свете, чтобы понять – это надо пережить! Небольшого роста, худенький, со скромным шармом, провожаемый наидобрейшей тетей Маней и каким-то старичком, случайно оказавшимся в гостях, шел пешком до железнодорожной станции с наивными представлениями о том, что его ждало в Москве.

Сколько же таких провинциалов приняла Москва, оценив их талант и настойчивость! Сколько же из них потерпели фиаско, и судьба с каждым разбиралась отдельно, окрашивая путь страданиями, нуждой, радостью, взлетами и падениями! Они – эти молодые люди – стремились в Москву, чтобы получить образование, приобщиться к высокой мировой культуре и всему тому, что столица могла предложить всякому таланту, пытающемуся найти свое место в жизни! Как правило, они все были без материального багажа и не за материальными благами отправлялись в путь! Не за деньгами и куском хлеба, ибо в новых условиях было и голоднее и холоднее. Они – провинциалы – в истинно высоком российском понимании этого слова несли в столицу свою самобытность, яркую национальную культуру, свое восприятие мира и ощущение природы и, кроме того, выдержанное, строгое воспитание и особое отношение с людьми и, сами того не зная, духовно обогащали столицу, и она впитывала этот вклад, возвращая их талант! История знает превеликое множество таких удивительных историй!

Ночевать удалось устроиться у знакомых, кстати, в семье матери калужанина Валентина Родина, которая жила в Москве. Семья там была большая на всего две крохотные комнатки. Спалось у них под столом очень крепко.

На юношу из Калуги обратили внимание. Москва открыла свои музыкальные врата: сначала техникума при Московской консерватории, потом и самой Консерватории – и как пианисту, и как композитору. Москва впустила в самое

В классе композиции
доцента В. А. Белого.
За роялем студент Туликов.
(газета «Советский
музыкант», 1939 г., 5 июня)

сердце своей музыкальной жизни: выступления выдающихся пианистов-виртуозов тех лет, учеба у ведущих профессоров этого и поныне уникального музыкального учебного заведения.

«В Консерваторию Туликов поступил на композиторский факультет. К этому времени он был уже автором нескольких сочинений (фортепианной сонаты, прелюдии и фуги, романсов). Туликов занимался в классе композиции у профессора В. А. Белого, инструментовки – у профессора С. В. Василенко. Внимательно следил за его успехами, особенно в работе над произведениями крупных форм – симфонией, сонатой, ансамблями – Н. Я. Мясковский, который руководил в то время кафедрой композиции». (И. Лихачева. Серафим Туликов. – М.: Советский композитор, 1984).

В 1935 году папа перенес серьезную операцию на пальце и ему пришлось отказаться от занятий в классе по фортепиано, но выпускную программу техникума он успешно сдал как пианист в 1936 году уже будучи студентом композиторского факультета Консерватории. Очень часто отец обращал мое внимание на тоненький палец на своей правой руке, с улыбкой удивляясь, что по прошествии стольких лет худенький палец не желал вернуться в прежнее состояние и сыграл такую решающую роль в его судьбе. Палец все равно не мешал ему быть прекрасным пианистом, а выпускной экзамен в Консерватории он сдавал как композитор.

Жизнь в консерваторские годы была такая, что было «не до сытости», как часто говорил мне отец. Надо было снимать комнату и как-то перебиваться, ибо до постоянных заработков, тем более авторских, было еще очень далеко. Зарабатывать надо было начинать еще в годы учебы – помощи ждать было неоткуда.

Как рассказывают, Виктор Аркадьевич Белый предложил своему студенту устроиться на работу концертмейстером при Центральном клубе НКВД. Чуть больше двух лет (1937 – 1940) Серафим Сергеевич проработал там за-

Н. Я. Мясковский и В. А. Белый

Концертмейстер оркестра С. Туликов за роялем

ведущим музыкальной частью и концертмейстером, а далее, до эвакуации в 1941 году, – концертмейстером в Центральной артиллерийской академии. Уже после эвакуации в течение 1948 – 1953 годов он был художественным руководителем и директором Ансамбля песни и пляски Московского городского управления трудовых резервов.

Во время учебы студенты-консерваторцы работали таперами в кинотеатрах, клубах, аккомпаниаторами в концертах. С радостью, конечно, принимал приглашения и мой отец. Папа рассказывал, что часто пробегающие кадры по теме «и страсти и не страсти» в кинотеатрах сопровождал не только классикой, но и часто музыкой Дунаевского, Покрасса, а то и просто импровизацией по настроению. Вот интересное воспоминание: «В сороковые годы Туликов работал звукорежиссером в кино и имел возможность многократно слушать музыку Дунаевского к фильмам “Цирк”, “Дети капитана Гранта”... Уже в 1949 году, будучи автором многих песен, в том числе удостоенной Государственной премии “Мы за мир”, Туликов однажды в ВТО, ожидая назначенной встречи с одним из музыкантов, присел к роялю, и пальцы сами собой заиграли прочно запавшие в память мелодии из кинофильма “Цирк”. Он играл не отдельные, самые популярные номера кинопартитуры, а всю ее насквозь, в точной последовательности. И вдруг неожиданно рядом возникла фигура Дунаевского, изумленного удивительной памятью своего младшего коллеги: ведь Туликов играл то, что почти забыл сам автор музыки!» (Ромадинова Д. Серафим Туликов // Мастера песни. – М.: Советская Россия. – Вып. 2, 1974. – С. 40).

70-й выпуск Московской государственной

Государственные экзамены композиторского факультета

Работы студентов-выпускников нашего года прошли весьма благоприятное впечатление. Несмотря на отсутствие особо ярких произведений, все же можно сказать, что общий уровень выше, чем в прошлые два года. Налицо значительная профессиональная зрелость; особенно отсутствуют сочинения невысокого уровня как в отношении общей композиции, так и в смысле тематического характера, как, в частности, произошло слышать в последние годы. Неудачей была бы учитывать о том, что результаты экзамена по анализу все еще оставляют желать лучшего и свидетельствуют, за некоторыми исключениями, о несомненно частном изучении курса, об отсутствии достаточной эрудиции и самостоятельном анализе с музыкальной литературой. Большая часть из них Московской композиторской следует считать пока сочинениями обучающихся в высшем классе, чем мы в Ленинграде, к главному приращению, до сих пор не вошли в программу.

Очень хорошие результаты показали симфоническая опера и квартет т. Мелликана. На произведениях т. Пейко лежит печать выдержанности и индивидуальности, несмотря на некоторую абстрактность и сложность его музыкального языка. Очень интересна по содержанию его «Баллада» для фортепиано на основе музыки народной песни. Много произведений в произведениях т. Магиденко, особенно в первых двух частях симфонии и в квартете для фортепиано.

Композиторский факультет

Сидят (слева направо): В. Навоев, С. Туликов, М. Магиденко. Стоят: Г. Меликян и Н. Пейко.

СТАЛИНСКИЙ СТИПЕНДИАТ

С Натальей Добрылюбовой я начала работать с прошлого года ее поступления в Консерваторию. Это дало мне возможность с самого начала следить за ее развитием, как композитора, так и музыкально-теоретического.

С радостью каждый год отмечаю и вместе с педагогами-композиторами нашей Консерватории ее рост как творца, ее интеллектуальное и творческое движение вперед.

Наталья Добрылюбова, кроме очень хорошего знания и музыкальных навыков, обладает еще и исключительной выдержкой и самостоятельностью в работе над собой, упорством в постижении цели. Все это и дало ей возможность завоевать высшее и почетное звание Сталинского стипендиата, которым она вполне оправдала, заслужившим ее.

Сейчас Наталья — полноценная и вполне сложившаяся оперная певица, одновременно обладающая большим камерным репертуаром, вполне способная к самостоятельной работе.

П. Зайниц — очень сильная анализаторка, с прекрасными физическими данными, сочным полным звуком, большой фразой, темпераментом, — ханка у нее настолько широта. За годы учебы она сильно поправилась и особенно приятно было наблюдать рост ее дарования на таких трудных вещах, как 3-х-голосная соната Листа, некоторые сложные фуги Баха и современные произведения. Свойственная ей выдержка, способность особенно в Бетховене, творить богатейшую музыку. Неизменно симфонический характер Фанала.

Д. Н. БАЛАНОВСКАЯ.

Мы будем еще вместе работать

Большинство в этом году две отличницы моего класса — Г. Максимова и Р. Зайниц — доставили мне за годы их учебы в Консерватории немало радостных минут. Максимова, воспитанница учителя Гусева, всегда отличалась своей природной музыкальностью, хорошим вкусом, которое проявлялось в стиле произведения, индивидуальностью и естественностью фразировки и тембра, одним словом, высоким качеством, с несомненностью подтверждающим, что музыка — ее родная стихия, а неча из фортепиано — приятное и доброе дело. Из игранных ею в прошлые годы вещей особенно запомнились: 1-я соната Шуберта, Симфоническая кантата Франка, Рокко Шопена и др. Не обладавшая исключительным виртуальным дарованием, она, однако, справлялась без особого труда с любой задачей, и никогда мыслью было сказать, что ей не хватает техники для выполнения своих замыслов. Обширная грамотность ее дарования составляла одну из самых ценнейших ее черт.

Р. Зайниц — очень сильная анализаторка, с прекрасными физическими данными, сочным полным звуком, большой фразой, темпераментом, — ханка у нее настолько широта. За годы учебы она сильно поправилась и особенно приятно было наблюдать рост ее дарования на таких трудных вещах, как 3-х-голосная соната Листа, некоторые сложные фуги Баха и современные произведения. Свойственная ей выдержка, способность особенно в Бетховене, творить богатейшую музыку. Неизменно симфонический характер Фанала.

Д. Н. БАЛАНОВСКАЯ.

Статья из газеты «Советский музыкант», 1940 г.
 На фото студенты – выпускники композиторского факультета.
 Сидят: В. Навоев, С. Туликов, М. Магиденко; стоят: Г. Меликян, Н. Пейко

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
МАЛЫЙ ЗАЛ
 (ул. Карлова, 15)

1938—1939 учебный год

КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ
 ИЗ ПРОИЗВЕДИНИИ СТУДЕНТОВ

30
 МАЯ

КОМПОЗИТОРСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

КЛАСС ПРОФЕССОРА Н. Я. Мясковского

Воробылев — 3 чужеземные песни для голоса и фортепиано
 Лисицын — Соната для скрипки и виолончели
 Сирота — Соната для фортепиано
 Брунберг — Соната для фортепиано

КЛАСС ПРОФЕССОРА А. Н. Александрова

Гадинаев — 3 пьесы для фортепиано
 Карлов — Азербайджанские танцы для фортепиано
 Мелева — Музыкальные произведения
 Мисурович — Соната для фортепиано
 Самойлов — Прелюдия для фортепиано
 Шорин и народный азербайджанский танец — для голоса и фортепиано на текст Пушкина

ПРОГРАММА:

КЛАСС ПРОФЕССОРА В. Я. Шубалдина

Меликян — Оркестровый квартет
 Ромм — Пьеса для скрипки и фортепиано
 Языкина — Вариация для фортепиано

КЛАСС ПРОФЕССОРА Д. Б. Наблевского

Магиденко — Пьеса для виолончели и фортепиано
 2 пьесы на стихи Т. Шевченко
 Навоев — Соната для фортепиано
 Оленев — Баллада о царевиче — для голоса и фортепиано
 Нарвайн — для скрипки и фортепиано
 3 части вальса — для голоса и фортепиано на слова А. Сурикова

КЛАСС ДОЦЕНТА В. А. Белого

Губерман — Прелюдия для фортепиано
 Муртышев — Соната для скрипки и фортепиано
 Туликов — Прелюдия и фуга для фортепиано

КЛАСС АССИСТЕНТА Ю. И. Яковича

Студенты Башкирского отделения
 Ахметов — Соната для скрипки и фортепиано
 Муртышев — Соната для скрипки и фортепиано

Начало в 4 ч. 30 м. дня

Улиц. Моховская 95-97-99. Тел. 5203. Тел. 500 мн.
 44 на телеграфном языке. Московская обл., Ленинградская обл., МП

Билеты продаются в Малом зале Консерватории с 1 часа дня до 7 часов вечера. СПРАШИВАЙТЕ по телефону М2-50-78

Афиша камерного концерта из произведений студентов композиторского факультета

Среди документов консерваторских лет – фото, ноты, рукописи, скромнейшие на вид афиши на почти прозрачной не только по причине изношенности временем бумаге, но из-за ее низкого качества тех временных лет, когда не хватало «всего». Газета «Советский музыкант» – как и положено, орган всех общественных организаций Московской государственной консерватории. В этой газете с правительственными постановлениями и докладами, призывами к Всесоюзной переписи населения в 1939 году пробивается и суть – жизнь самого учебного заведения. В статьях, как и во все времена, говорится о необходимости «повысить и усилить...». Я обратила внимание на статью «Тяжелая утрата», подписанную тремя студентами композиторского факультета из одной группы – Туликовым, Оленевым и Локшиным. В самой статье «услышала» привычные папины слова: «Творчество его отличалось хорошим вкусом, большим темпераментом и глубокой связью с чувашским фольклором». Хороший вкус и связь с истоками! Талантливый юноша Геннадий Воробьев ушел из жизни в возрасте 21 года в 1939 году, погибнув от брюшного тифа в своих родных Чебоксарах, а созданные им произведения вошли в золотой фонд чувашской музыки. Можно представить, как восприняли эту трагедию его консерваторские друзья-студенты! Оказалась в папином архиве и небольшая книжка заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР В. А. Ходяшева «Геннадий Воробьев: Краткий очерк жизни и творчества» (Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1968) с автографом – «Дорогому Серафиму Сергеевичу от автора». Далее дата – 16. 05. 68 – и подпись, в которой прослеживался «наикратчайший» путь национальной гордости современной Чувашии. В ней написано «...на том же курсе были композиторы С. Туликов и Ю. Оленев, с которыми он был особенно дружен» и помещено фото тех лет. Я приведу проникновенные слова профессора Г. И. Литинского из этой книги: *«Чувашия обрела изумительно могучую творческую силу в лице безвременно умершего Геннадия Воробьева, светлую память о котором чувашский народ хранит, отдавая тем самым дань высокому уважения и любви выдающемуся по своей ценности творческому наследию юного художника»*. Жизнерадостный, темпераментный, скромнейший, необычайно одаренный юноша оставил глубокий след в душах своих сокурсников. Серафим Сергеевич о нем не раз вспоминал. Ведь они были близкими друзьями! В Октябре 2011 года в рамках фестиваля «Чувашия музыкальная» открытие 44-го концертного сезона состоялось с программой «Непреходящие ценности. Композитор Геннадий Воробьев». *«Моя мечта, пронесенная долгие годы в сердце, благодаря невероятным стремлениям участников сегодняшнего концерта осуществилась, – сказал в заключение концерта народный артист Российской Федерации, почетный гражданин столицы Республики Морис Яклашкин. – Впервые воскресла музыка талантливейшего композитора Геннадия Воробьева на*

**МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
МАЛЫЙ ЗАЛ**

19-го МАЯ 1933/34 учебный год.

**6-й КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ
из произведений
СТУДЕНТОВ-КОМПОЗИТОРОВ
консерватории
(ВУЗ, РАБФАК, ТЕХНИКУМ)**

ПРОГРАММА:

1. ЮРОВСКИЙ В. — (I к. ВУЗ, кл. Н. Я. МЯСКОВСКОГО).
3 песни для ф-п.—исп. *Мироньчева*.
2 пионерские песни—исп. *Павлоцкая*.
2. ПЕЙКО — (I к. Техн., кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Песня и интермеццо для ф-п.—исп. *Туликов*.
3. ГЕЙФМАН, А. — (II к. Рабфак, кл. В. А. БЕЛОГО).
а) Прелюдия для ф-п. (памяти А. ДАВИДЕНКО)
исп. *Л. Левинсон*
б) Поэма-рапсодия для альтя и ф-п.—
исп. *Е. Страхов и Автор*
4. ЛЕПИН, А. — (III к. ВУЗ, кл. А. Н. АЛЕКСАНДРОВА).
2 монгольские песни—исп. *Шильд*.
5. МАЦУТИН, И. — (I к. ВУЗ, кл. Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО).
3 песни из цикла «Восставшая Венгрия»
Сонатина для ф-п. (2-я часть)
6. НАДИРОВ, И. — (III к. ВУЗ, кл. М. Ф. ГНЕСИНА).
«Песня 1932 г.»
«Проводы в Кр. армию» } для гол. и ф-п.
7. ДАНИЛЕВИЧ, Л. — (II к. ВУЗ, кл. Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО).
3 песни для ф-п.—исп. *Автор*.
8. ЖИГАНОВ Назиб — (III к. Техн., кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
«Песня об Урале»
«Песня о бригадире» } для гол. и ф-п.
Рондо для ф-п. исп. *Рахматулина*.
9. НАВБОВ, В. — (II к. Техн., кл. Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО).
Сонатина для ф-п.—исп. *Мастинская*.
2 песни для гол. и ф-п.
10. РАЗОРЕНОВ, С. — (III к. ВУЗ, кл. Н. Я. МЯСКОВСКОГО).
Трио для скр., альтя и виолонч. (2-я часть)—
исп. *Я. Таргонский, И. Лопшиц, Л. Фурер*.
11. СЛОНОВ, Ю. — (III к. ВУЗ, кл. А. Н. АЛЕКСАНДРОВА).
Сонатина для ф-п.
12. ТЕРЕНТЬЕВ, Б. — (II к. ВУЗ, кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Лирическая песня для скр. и ф-п.—
исп. *Фрейдли и Автор*.
13. НАЗОР, М. — (II к. ВУЗ, кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Сюита для ф-п.—исп. *Я. Е. Гальперин*.
2 песни для гол. и ф-п.—исп. *Пресман и Автор*.
14. СОКОВНИН, П. — (IV к. ВУЗ, кл. Н. Я. МЯСКОВСКОГО).
Майская песня для гол. и ф-п.
15. ТРОШИН, Б. — (III к. ВУЗ, кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Сюита «Аба-ка», альтя и виолончель—
исп. *Я. Таргонский, Л. Фурер*.
Цикл «Восставшая Венгрия»,
— 2 песни на текст Гьдаша
исп. *М. Любская и Душний*.
16. ТУЛИКОВ, С. — (II к. Техн., кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Соната для ф-п.—исп. *Автор*.
17. НАДИРОВ, И. — (III к. ВУЗ, кл. М. Ф. ГНЕСИНА).
Песня и пляска Ашугов (для струнного трио)
исп. *Я. Таргонский, И. Лопшиц, Л. Фурер*.
18. БИРЮКОВ, Ю. — (IV к. ВУЗ, кл. Н. Я. МЯСКОВСКОГО).
4 танца для струнного квартета—
исп. *Я. Таргонский, В. Вадаревич, И. Лопшиц, Л. Фурер*.
19. ЛЕНСКИЙ, А. — (II к. ВУЗ, кл. Г. И. ЛИТИНСКОГО).
Прелюда и Тарантелла для ф-п. исп. *Миронов*.

Начало в 8 час. 30 минут вечера.

Мособлет № 3721 5/IV-34 г. Тип. «Коммуна Труда». Зап. 1200. Тираж 500 экз.

Программа концерта студентов композиторского отделения 1933/34 учебного года

чуваши́ской земле, произошло историческое музыкальное событие, моя душа наконец-то спокойна». Как верно сказано! История искусства всегда творится людьми с такой неспокойной душой, которая воскрешает дары таланта, оставленного нам в наследство. Вот почему от всей души мне хочется вспомнить тех, которые когда-то были рядом с папой и о которых хранит память так до конца и не разобранный мной папин архив! Они все вместе и есть «непреодолимые ценности»!

Чудом сохранившиеся несколько программ Малого зала Консерватории в папином архиве дают представление о первых шагах становления консерваторцев композиторского отделения тех далеких 30-х годов. Уже в техникуме на 6-м Камерном концерте студентов-композиторов Консерватории учебного года 1933/34 студент второго курса техникума по классу профессора Литинского Туликов выступает как исполнитель произведения своего сокурсника композитора Николая Пейко «Песня и интермеццо для фортепиано». В этом же концерте он выступает как автор и исполнитель своего собственного сочинения «Сонаты для фортепиано». В 1938/39 учебном году студент Туликов исполняет свое произведение «Прелюдию и фугу» для фортепиано, которая была высоко оценена и издана ко времени окончания папой Консерватории. Впоследствии она была переиздана в 1957 году в издании «Прелюдии и фуги советских

Малый зал

2

октября

КОНЦЕРТ

Е. Н. ШАТИЛОВОЙ

(пение)

при участии **Э. САМТЕР** (фортепиано)
 и **Н. ВЕЙС** (орган)

ПРОГРАММА:

I отделение

- Вейс* — О любви—Слова Шота Руставели, перевод Цагарели
Маяков — Расставание—Слова Пушкина
Маяков — Мери—Слова Пушкина
Навоев — Колыбельная—Слова Суркова
Нариманидзе — „О, любовь сплошная рана“—
 Слова Шота Руставели, перевод Бал-
 монта
Тулков и Родион — Колыбельная пограничная—
 Слова Бытового
Маслов — Утренняя песня — Слова Родионова
- Партию фортепиано исполнит
Э. Самтер

II отделение

- Вейс* — Импровизация на тему Баха—
 Слова Шота Руставели, перевод
 Цагарели
Шуберт — Милый цвет -- Слова Мюллер
Шуман — „Во сне я горько плакал“ —
 Слова Гейне
Ванер — В теплице
Меткер — „Лишь розы увядают“—
 Слова Пушкина
Воробьев — Старинная чувашская песня
 (на чувашском языке)
Будашкин — „Девушка крапивушку жала“—
 Слова Пушкина
Юдаков — „Не пой, красавица“—
 Слова Пушкина, перевод Мирте-
 мира на узбекский язык.
- Партию органа исполнит **И. Вейс**

В сопровождении органа

Начало в 9 час. вечера

Цена 10 коп.

Моск. консерватория В9-2344-16 выдел 3327 тир. 200
 Тип. Сов. Иллюстргостра

ДИПЛОМ

В № 393542

Предъявитель сего *Тулков*
Сергей Сергеевич
 в 1935 г. поступил и в 1940 г. окончил
 полный курс *Московской Государственной*
Консерватории имени П.И. Чайковского
 по специальности *сочинение*
 и решением
 Государственной Экзаменационной Комиссии
 от *26 июня* 1940 г. ему присвоена
 квалификация *композитора*

И. Шатлова
И. Шатлова
 Москва 1940 г.

Регистрационный № *190*

композиторов». На одном из концертов сезона 1938/39 исполняется песня «Колыбельная пограничная» студентов Родина и Туликова. Газета «Радиопрограмма» 1939 года, которая сама по себе интереснейший документ, предлагает в один из июньских дней в 18.30 прослушать фортепианные новинки композиторов Фейнберга и Туликова в исполнении пианиста Соколова. Сохранилась и выписка из постановления жюри конкурса на массовую песню, посвященную 20-летию ВОСР, в которой рекомендуется к изданию песня «Сына провожая» на текст народный, опубликованный в газете «Правда» от сентября 1937 года.

Среди участников концертов в Малом зале на этих чудом сохранившихся афишах очень много знакомых имен, судьба некоторых из них по разным причинам не вывела их на прямую профессиональную дорогу, а многие имена в течение всех последующих лет были на слуху.

Выпускные экзамены в Консерватории – праздник всегда публичный, а потому окрашен особыми волнениями друзей и близких выпускников. Дипломная симфония Серафима Туликова прозвучала в Большом зале Московской консерватории.

Среди слушателей сидела очаровательная девушка с гладкой прической рыжеватых волос, убранных на затылке в пучок из толстой косы, с большими красивыми черными глазами – Сонечка, будущая жена Серафима Сергеевича.

Молодой композитор С. Туликов.
Фотомастерская Наппельбаума

Сонечка,
жена композитора

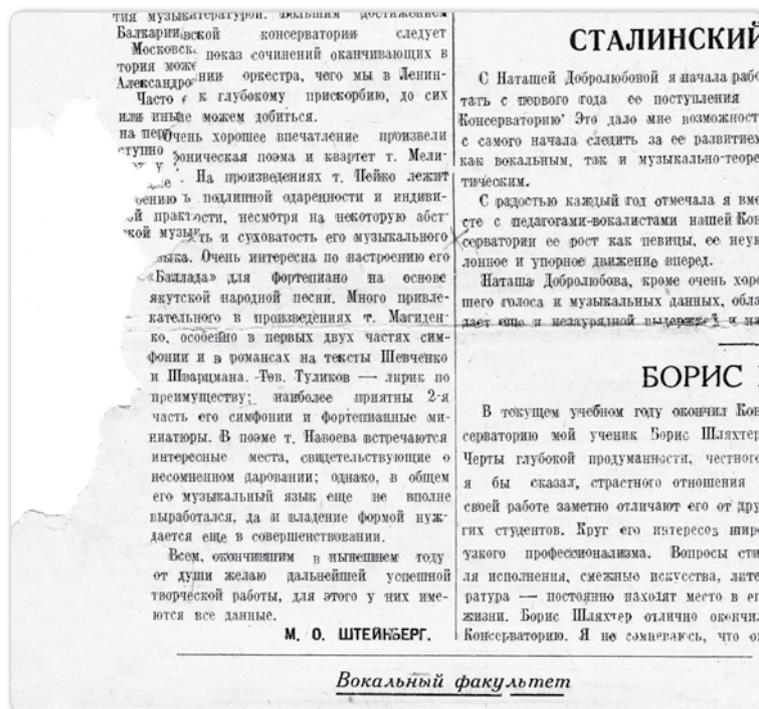
На небольшом торжестве по поводу выпуска группы композиторского отделения 1940 года за будущую полную творческих успехов жизнь вместе с выпускниками поднимали бокалы шампанского Н. Я. Мясковский, В. Я. Шебалин, С. С. Прокофьев, В. А. Белый, А. Н. Александров. «Это было фактически нашим приемом в Союз композиторов», – обычно заключал папа свои рассказы о тех годах.

Пожелтевшие страницы журнала «Советская музыка» за апрель 1940 года... Пианист-исполнитель М. Соколов в статье «О советском фортепианном творчестве» сетует на недостаточно внимательное отношение советских композиторов к различным камерным жанрам, особенно в области фортепианной литературы. Говоря в основном об известных именах в советской музыке тех лет, он тем не менее отмечает: «Удачные пьесы для фортепиано создает С. Туликов (студент 5-го курса Московской консерватории, класс В. Белого). Помимо изданной “Прелюдии и фуги” им написаны танцевальная сюита и ряд мелких пьес. Первые творческие опыты С. Туликова отличаются светлым колоритом фортепианной инструментовки, интересным фактурным изложением».

В 1940 году Серафим Туликов успешно окончил Консерваторию. На дипломный экзамен он представил капитальную четырехчастную симфонию, поэму для виолончели и фортепиано, два романса на слова Пушкина и Некрасова, несколько фортепианных произведений. 7 июня 1940 года одна из частей симфонии Туликова прозвучала в оркестровом исполнении на концерте в Большом зале Консерватории. Композитор и профессор Консерватории Голубев Евгений Кириллович писал в связи с этим: «Серафим Туликов обладает несомненным композиторским дарованием; полный пылких взлетов и стремительной экспрессии, его темперамент – отнюдь не внешний, а является порождением внутренней жизни композитора. 2-я часть его симфонии (*Andante*) отличается яркими темами, пластичностью симфонического движения, искренностью и теплотой лиризма, идущего от Чайковского» (Брянцева В. С. Туликов. – М.: Советская Россия, 1965. – С. 8 – 9).

В цитируемой статье Е. Голубева «Композиторы-дипломники Московской консерватории» даются и напутствия: «Отличная главная кульминация перед кодой, построенная на тематическом развитии, не совсем четко переходит в коду, нарушая тем самым естественное течение музыкальной мысли... Очень хорошее впечатление оставили две фортепианные миниатюры Туликова, а также поэма для виолончели и фортепиано и два романса на стихи Пушкина и Некрасова...» – и пожелание начинающему автору «избегать рискованных, впадающих в преувеличенную чувствительность, мелодических оборотов...» (Советская музыка. – 1940. – № 8. – Август. – С. 81).

Ну как же не вспомнить ту самую газету, о которой часто с юмором и гордостью рассказывал папа. Он оставил ее в пианино у хозяйки на Покровке, уезжая в эвакуацию, и, вернувшись, нашел буквально изгрызенную мышами, «пощадившими», однако, слова профессора Консерватории Максимилиана Осеевича Штейнберга, столь ценные для папы: «Тов. Туликов – лирик по преимуществу; наиболее приятны 2-я часть его симфонии и фортепианные миниатюры». Позже нашлась газета от 26 июня 1940 года, не только не обгрызенная, но еще и вполне сохранившаяся.

Та самая газета с рецензией М. О. Штейнберга

Эпизод 2. «ТУУ ТУРАЛЫ КУЭЛІК» – самый важный документ в моей жизни!

Спасенная

Алма-Ата... Мне абсолютно четко видится и слышится, как мой папа со мной на руках, наспех завернутой в одеяльце, вместе с мамой бегут в детскую поликлинику. Папа понимает, что я неумолимо исчезаю из их жизни. Я чувствую, как они запыхались, взбегая по лестнице к единственному дежурному врачу – женщине, случайно оказавшейся в этот поздний час на работе. «Ну, доктор, поймите, этот же ребенок погибает сейчас, ему же это лекарство нужно немедленно!» Я слышу это так отчетливо! «У меня всего чуть-чуть этого препарата. А у нас ведь эвакуированные – ученые, артисты со всей страны! Я не имею права без специального разрешения...» Внимательный, явно сопереживающий взгляд на моих молодых родителей. Наконец выдает рецепт с указанием «Cito!» Тут же в аптеке с теплой водичкой дают бесценное для тех времен лекарство – сульфадимезин. В тече-

ние всей ночи именно папа с секундной точностью (вот она – так в будущем осознанная мной его невероятная точность в делах и даже в приеме лекарств) дает мне спасительный сульфамид, впоследствии снятый с производства совсем – из-за его «явной не полезности» для здоровья! Но тогда жизни скольких людей он спас! «Утром, – как часто вспоминал папа, – я вижу, что у тебя в глазах появились проблески жизни. Кризис миновал». Вот такими физически осязаемыми воспоминаниями из рассказов родителей нам удастся материализовать пространство прошлого вокруг себя!

Я часто думаю о том, почему мне мой папа, до мозга костей русский, калужанин, дал такое редкое, да еще по тем временам иностранное имя – Алиса. В Казахстане, в Алма-Ате, под палящим солнцем, под несущуюся отовсюду казахскую музыку такое имя вызывает по меньшей мере удивление. Ну понятно, что маме, возможно, в тот момент было не до этого. А папа в ожидании читал книгу, как он вспоминал, про немецкую принцессу Алису Гессенскую, будущую жену последнего российского императора Николая II. Очень папе это имя понравилось! Что же это была за книга, да и принцесса совсем неподходящего, особенно для тех военных времен, происхождения? Может быть, само имя своим звучанием навевало некую прохладу и давало ощущение покоя!

Вот и стала я «казашкой» Алисой по фамилии (азамат) Туликова, из города (ауданы) Алма-Ата, из района (облысы) КазССР, а уже само «ТУУ ТУРАЛЫ КУӘЛІК», т. е. свидетельство о рождении, мои родители – молодые «әкесі и шешесі» – в 1958, ввиду потери сего документа в буре житейских перипетий, направили запрос в родной мне город и получили его копию как раз к моему шестнадцатилетию. Без копии «этой копии» мой скромный путь по жизни начать было решительно невозможно! Приезжавшие в Рузу композиторы из Алма-Аты всегда меня приветствовали словами: «Здравствуй, казашка!» и, обращаясь к папе, просили: «Сима, наших не обижать!». Жили мы поначалу в Казахстане, судя по адресу на сохранившемся в архиве конверте с письмом – в Тастаке, что означает «каменистый», – одном из очень отдаленных в ту пору районов Алма-Аты, сейчас это исторический микрорайон города.

Работая переводчиком на одном из музыкальных форумов в 70-х, я с нетерпением ожидала поездки в Алма-Ату. Жизнь музыкального форума была ключом! Третья международная музыкальная трибуна стран Азии 1973 года! Первой премии был удостоен блестящий виртуозный «Праздничный кюй» для симфонического оркестра казахского композитора Рахматиева, который был с восторгом принят

и многочисленной делегацией Союза композиторов, возглавляемой Андреем Яковлевичем Эшпаем, и всеми гостями фестиваля. Именно там я впервые услышала, как говорится – «живьем», удивительное звучание национальных щипковых инструментов со всего мира. Делегат из Индии, с которым я работала во время форума, играл на индийском струнном щипковом инструменте – тампура, которым очень заинтересовался Андрей Яковлевич. Впоследствии, уже в Москве, мы с Андреем Яковлевичем делились с папой своими впечатлениями о форуме и об этом уникальном инструменте.

Внутренне мое пребывание там для меня было более чем оправданным. Папа очень радовался этой моей поездке: «Надо, надо тебе посмотреть, где мы были с мамой и с тобой. Это уж точно место твоего рождения!» Родилась я, по нынешним границам Российской Федерации, в самой что ни есть загранице! Правда, чтобы не совсем загордиться, то «по-теперешнему» я родилась не в столице Казахстана. Сейчас за Алма-Атой, называемой ныне Алматы, закрепился статус Южной столицы Казахстана. Теперь политико-административная столица независимой Республики Казахстан – город Астана, в архитектуре которого, как рассказывают, удивительно сочетаются европейская культура и утонченная прелесть Азии.

Имя Алиса от меня на долгие годы откатилось. Я была дома Алей, вне дома – кому-то Алевтиной, кому-то Алиной! Когда в первый раз мне кто-то позвонил домой и позвал к телефону, назвав Алисой Серафимовной, то папа, снявший трубку, на секунду задумался и хотел уже, было, позвать маму для выяснения – кого к телефону. Долго потом смеялись и, конечно, приговаривали обычное: как неумолимо мчится время! Красивое придумал мне папа имя, тогда очень редкое. Сразу не подступишься!

В Тастаке, где мы снимали комнату, как рассказывали родители, от последней трамвайной остановки «10-я линия» нужно было еще идти пешком. Хозяева были по представлениям того времени, особенно военного, вполне зажи-

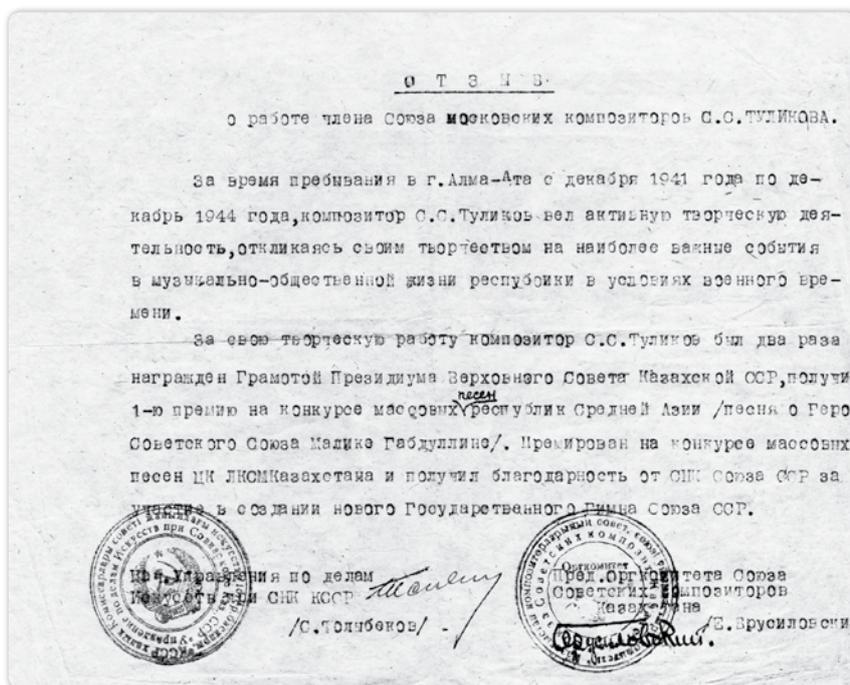
точными – сад с разными фруктами, в сарае мешок с мукой, зерном. Хозяйская дочка, жалея нашу семью, тайно от своих родителей приносила нам горсть муки или крупы, из которой мама варила мне что-то похожее на кашку. Хозяйка заметила, ворчала и, чтобы остановить недозволенное, пометила все мешки отпечатком своей ладони. Можно было ее понять! Конечно – война, конечно – эвакуация... Но ощущение-то было – «Вот, понаехали тут со всего света!» У нее было много жильцов. Кто-то подьедал вишни прямо с дерева вместе с косточками. Она и их выслеживала, ходя за ними в домик-туалет! Быть «понаехавшими» трудно и житейски, и морально. В нашей современной жизни, в относительно мирных условиях, и то никак эту проблему не могут привести в состояние равновесия. Но ведь не от хорошей жизни отрываются люди от своих родных мест!

Потом в Алма-Ате мы жили в гостинице в самом центре города недалеко от театра, возле которого и было сделано мое изображение тех лет. В алма-тинской гостинице я осторожно заглядываю в тумбочку наших соседей – нет ли там чего-нибудь съестного! Упаси боже взять – тихонько закрываю ее дверцу. Папа срочно куда-то уходит и возвращается с настоящей булочкой! Сколько она стоила?! Уже в Москве в съемной проходной комнате на Покровке взрослые и я сидим за круглым хозяйским столом – перед каждым по конфетке. Взрослые о чем-то все говорят и говорят, и говорят. Я свою, конечно, съедаю мгновенно и осторожно подвигаю папину к нему, продолжая с независимым видом листать книжку-раскладушку про Таню с мячом. «Ну, кусий, кусий!» Помню ли я его взгляд? «Алечка, ты же знаешь, что это мои самые нелюбимые! Возьми себе!» Ну что тут особенного в моих воспоминаниях об этих годах! У всех было плохо, всем было трудно, и даже очень! Это ничего не добавляет ни к творческому портрету, ни к истории известного человека. Это просто небольшие зарисовки, на первый взгляд незначительные эпизоды из истории одной семьи. Пропустить эти воспоминания, основанные на часто повторяемых рассказах моих родителей, я не могу. Читатель, наверное, вспомнит свое! История каждой семьи создается вот из такого множества небольших событий, которые проходят потом через всю жизнь, и каждая мелочь через десятилетия воспринимается как бесценное свидетельство семейной хроники.

Получив официальное направление от Комитета по делам искусств ЦК партии в Алма-Ату, молодой композитор – мой отец – приступил сразу к освоению окружающей его музыкальной действительности. Папа, шагая по улицам казахской столицы, непривычно залитой ярким солнцем, и слыша несущуюся из репродукторов казахскую национальную музыку, естественно, быстро ее подхватывал. Он стал писать сначала обработки казахских песен, потом песни и более крупные произведения, используя национальные колориты, и стал

быстро продвигаться, получая заказы на оформление радиоспектаклей, праздничных концертов, на написание военных песен, кантат на национальные темы, за ними следовали выступления, исполнение по радио и, конечно, премии, грамоты. За успехи надо платить! Иной раз самым неожиданным образом. Уже получена прописка, и, кажется, «светило» получение питания по более высокой категории, ибо папа обратился с письменной просьбой об этом к местному Секретарю ЦККП(б) Казахстана по агитации и пропаганде в январе 1944 года. В письме он перечислял все им созданное за годы пребывания в Алма-Ате. Действительно, перечисленное в найденном мной в архиве документе впечатляло! Сделанное в творческом отношении за столь небольшой период времени в исключительно непростых условиях и позволило ему обратиться с просьбой о повышении категории питания в порядке исключения, так как у него еще не было соответствующего для данной льготы звания. Да и собственная подпись его от 29 января 1944 года на самом документе удивительная – «Действительный член Союза советских композиторов СССР». Вполне можно представить, что в ту пору «ходили» самые разнообразные документы, претендующие на скромные блага военного времени. Питания «2-й категории А» на троих не хватало по причине количества, да и качества... Дали или не дали – остается неизвестным. Не понадобилось!

По рекомендации местного музыкального руководителя, который возглавлял тогда Оргкомитет Союза советских композиторов Казахстана, молодого композитора Туликова вызывают в Москву! В отзыве на «продланную т. С. С. Туликовым работу» в период с декабря 1941 года по декабрь 1944 года, отправленном в Москву без ведома рекомендуемого, отмечалось, что «...композитор Туликов вел активную творческую деятельность, откликаясь своим творчеством на наиболее важные события в музыкальной и общественной жизни республики в условиях военного времени. За свою творческую работу... два раза награжден... получил первую премию на конкурсе... премирован на конкурсе... и получил благодарность от СНК Союза ССР...». И красивая энергичная, с нажимом чернильная подпись – Е. Брусиловский. Евгений Григорьевич Брусиловский, командированный Ленинградской консерваторией в 1933 году в Алма-Ату, впоследствии стал достойным классиком казахской музыкальной культуры, воспитавшим не одно поколение казахских музыкантов, и автором опер, симфоний, собирателем казахского фольклора и, конечно, автором Гимна Казахской ССР. Нельзя не отдать должное человеку, который столько создал для развития музыкальной культуры этой республики! В той музыкальной ситуации Казахстана военного времени, да и впоследствии, он был один во всех лицах! С его точки зрения, юный композитор с профессиональным

образованием, мягко говоря, вполне мог бы «не вписаться» в сложившийся музыкальный климат под его личным руководством! Слишком быстро и успешно продвигался! Мне папа всегда говорил: «Да я совсем не собирался в Москву, хотя прописка там, конечно, сохранилась в комнате у бабушки – Сониной мамы. В Москве ведь не было ни жилья, ни работы, а там – в Алма-Ате – стало что-то маячить! Премии, заказы! Стал неудобным! Сами-то казахи меня очень любили». Последнее добавлял с особым удовольствием!

«Казахстанская Правда» 1969 год: «Это необычное письмо пришло из Москвы от заслуженного деятеля искусств РСФСР лауреата Государственной премии Серафима Туликова. В годы Великой Отечественной войны композитор жил и работал в Казахстане и навсегда сохранил искренние чувства к его народу, к его земле. Казахская тема нашла свое отражение и в творчестве Серафима Туликова. Это вокальная сюита “Голос степей”, марши, посвященные Амангельды, и другие произведения.

Сегодня, поздравляя “Казахстанскую Правду” с 50-летием, Серафим Туликов дарит газете и ее читателям свою новую песню “Любите Россию!” на слова Олега Милаевского».

Эпизод 3. Покровские «покрова»

За многие десятки лет творчества Серафим Сергеевич написал более 450 песен и целый ряд оркестровых произведений в самых разнообразных жанрах, музыку к кинофильмам, спектаклям. Все это принесло ему и большую известность, и награды, и звания, и общественное положение. Статьи, очерки, книги, большое количество интервью и о своем творчестве, и о своих коллегах, по поводу всевозможных общественных событий того времени, а главное – о музыке, о развитии песенного жанра, найденные в домашнем архиве, дают картину прожитой огромной творческой жизни. Вся эта почти шестидесятилетняя творческая жизнь послевоенного периода в Москве прошла сначала в съемной квартире на Покровке, потом в доме на Беговой улице по Хорошевскому шоссе, а потом на улице Огарева, где поселилась значительная часть музыкального сообщества второй половины XX века.

После эвакуации мы жили в довольно неказистом доме, в съемной проходной «безоконной» комнате у знаменитых Покровских ворот, или, как говорил папа, «на Покровке у Домаши», то есть у хозяйки, которую звали Домна Семеновна. Такое жесткое и гордое имя, думаю, в силу ее возраста не было данью развитию металлургической промышленности в стране, а было церковным, в честь ли, в память ли святой мученицы Домны, которая занималась погребением православных мучеников и была обезглавлена невесть в каком далеком году. От той печальной истории наша Домна Семеновна сохранила необычайную жесткость и особые строгие правила по отношению к молодым и не очень, мягко говоря, денежным постояльцам. Мне кажется, что у этой хозяйки мои родители жили еще до эвакуации. К композитору, правда, Домна Семеновна относилась снисходительно-уважительно, разрешив даже поставить пианино в своей главной и единственной комнате, рядом с кроватью, на которой спала вместе со своей дочерью. Это было то самое пианино, которое Сергей Михайлович Туликов переправил Симочке из Калуги в Москву при поступлении в Консерваторию. Более того, пианино там оставалось и на весь период эвакуации. После возвращения родителей в Москву Домна Семеновна впустила их обратно, но уже с прибавлением, то есть со мной, позволив пристроить детскую кроватку между шкафом и границей с длинной «безоконной», как пенал, комнатой, у дверного проема, хотя двери никакой вовсе и не было. В этом «пенале» на тахте в линию рядом с очень большим ящиком для картошки мои родители и проживали. Напротив тахты стоял узенький столик, дабы оставить свободным проход, за которым мы с мамой часто сидели и ели хлеб, обмакивая его в блюдечко с подсолнечным маслом с невероятно вкусным настоящим запахом. Домна Семеновна и ее дочь Галя к маленькой дочке композитора,

то есть ко мне, относились с явным предпочтением, угощали леденцами и разрешали приглашать в гости для игры тихого друга Вовку Угольного, как называл его папа, по причине проживания мальчишки в угловой части двора. Обе они где-то работали, часов-будильников у них не было, а потому свисающая над моей кроватью со шкафа тарелка-радио сообщала о начале рабочего дня, начиная с классических шести часов, и замолкала, как и положено, в двенадцать. Они начинали собираться на работу, проносясь туда-сюда мимо тихо лежащих и притворяющихся крепко спящими моих родителей. Папа, если ему надо было заниматься «композиторскими делами», после их ухода, конечно, выключал говорящую и поющую тарелку, не забывая ее включить после окончания работы. Каких-либо соседей родители никогда не вспоминали, возможно, это была некая изолированная пристройка к дому, а потому история жизни Домны Семеновны полна загадок... Дверь из комнаты выходила в некий предбанник с керосинками и далее на улицу, куда вела пристроенная деревянная лестница, по-видимому, не входившая в замысел первоначального архитектурного проекта. После сложных переговоров родители добились разрешения поставить керосинку рядом с картофельным ящиком, ибо в кухне ее задувало сквозняками в любую погоду, и мама с керосинкой не справлялась... За керосином к подворотне, выходящей к известному кинотеатру на Покровке и на трамвайную остановку, ходили мы с папой. Это была целая прогулка, так как за подворотней был другой мир, да и путь обратно домой скрашивался, как у многих детей, какой-то неожиданной покупной радостью. Очередей за керосином в этой москательной лавке не помню, видимо, топливный вопрос на этом уровне был разрешен. Удивительно, что эта лавка существовала невероятно долго, конечно, с годами расширяя свой керосиновый ассортимент. Так же долго существовал и зрительно памятный мне с тех пор деревянный кинотеатр «Аврора» напротив подворотни на другой стороне улице. Под таким «московским покровом» знаменитой Покровки проходила послевоенная жизнь моих родителей, полная и надежд и борьбы, как у многих и многих москвичей. Жилищный, то есть квартирный, вопрос почти для всего поколения наших родителей, прошедших через все жизненные перипетии, отпущенные им историей нашего государства, всегда был одним из главных. Таковым, увы, он остался в стране и поныне.

Покровка вспоминается мне и единственным за всю мою детско-подростковую жизнь красноречивым наказанием – запиранием меня папой в чулане с предварительным – им же – отшлепыванием, которое сопровождалось, как я понимаю, моим «не молчанием», то есть ревом. Папа купил маме шубу. Представляете, что это было за событие! Впереди зима, и мама, наверное, впервые в жизни в конце 40-х ждала ее, лютую, с нетерпением. Какие-то совершенно

Аля. 1946 г.

непонятные силы заставили меня эту бесценную шубу подстричь ножницами, видимо, довольно значительно по всей шубной территории. Ни темный чулан, ни отшлепывание не побудили меня к признанию. Конечно, из чулана я была извлечена – родительские сердца, как известно, не камень. Через некоторое время в поездке на трамвае куда-то, мама, наклонившись ко мне, сидящей на самом лучшем сидении в трамвае впереди и с упоением смотрящей в окно, тихо спросила: «Алечка, девочка, ты какими ножницами подстригала шубу – большими или маленькими?» «Маленькими», – спокойно и искренне ответила я, совершенно мирно продолжая смотреть в окошко. Шуба к носке, как я понимаю, была негодна, а посему она долго висела в шкафу, а потом ею стали укрываться. Хоть какая-то польза была из нее извлечена! И, конечно, дома с тех пор всегда, чтобы выяснить правду, спрашивали, какими ножницами стригли шубу. Как говорится: «No comments!»

В каждой семье могут «похвастаться» совершенно необъяснимыми детскими поступками, которые становятся передаваемыми в семье из поколения в поколение историями. В нашей семье это событие стало как раз такой историей, при этом сама ценность подстриженной шубы (даже не помню, что это был за мех), естественно девальвируется вместе со всем в нашей жизни, остается только необъяснимость и странность поведения вообще-то вполне послушного ребенка. Папа часто мне уже во взрослой жизни при выяснении различных обстоятельств задавал вечный вопрос: «Алечка, какими ты ножницами...» Фразу можно было и не договаривать – лучше сразу на чистоту.

На Покровке были, конечно, и свои радости, что позволяет мне вспомнить папиных друзей еще с консерваторских лет. Домна Семеновна разрешала собраться в ее большой комнате по поводу какого-либо торжества. Мамин брат Игорь вспоминает об одном из них где-то в году 46-м. Там присутствовал папин отец Григорий Терентьевич Бобоедов – удивительно импозантный, седовласый эдакий старик, вызывающий невольное почтение; Ольга Яковлевна Фадеева – известная поэтесса тех лет, которая работала много лет с папой, да и не только с ним, она курила длинные папиросы и была очень веселым человеком, сохранился блокнот тех лет с выгравированной надписью на обложке «С. Туликову от соавтора и друга О. Фадеевой»; папины консерваторские приятели Валя – Валентин Яковлевич Родин (Родионов), тоже калужанин, и Дима – Димочка, Дмитрий Вячеславович Иванов.

Дмитрий Иванов
после фронта

Ольга Фадеева

Серафим Туликов, Валентин
Родин (слева), Дмитрий Иванов

Конечно, пианино «не отдыхало» в такой компании. Мама, как всегда, обязательно пела. Как вспоминает Игорь, у нее был очень хороший голос – сопрано, но в мою сознательную бытность пение уже было, увы, забыто! Пела арии из популярных в то время оперетт, песни Дунаевского, и все то, что входило ранее в ее скромный репертуар солистки хора. В тот вечер Валя играл прелюдию Рахманинова, так как, взглянув на папин настенный календарь с фотографией композитора, который ушел из жизни 1943 году и был вполне уже признан в стране официально, он не мог музыкально не откликнуться на столь дорогой для них всех – консерваторцев – образ гения.

Валентин Родин, человек необычайного пианистического таланта, был для юного Симы большим авторитетом. И вот почему. Валя был учеником самого профессора Игумнова, по классу которого он и закончил Консерваторию, того самого Игумнова, который отметил папу на вступительных экзаменах в Консерваторию, сказав, что «один юноша из Калуги удивительно стильно играл Шопена». В Калуге Валентин учился у ученицы небезызвестной пианистки Анны Николаевны Есиповой, которая, в свою очередь, была ученицей Петербургской школы Антона Рубинштейна, и о ней где-то упоминал даже Петр Ильич Чайковский. Казалось бы, всего лишь у ученицы... но какой! Такая профессиональная преемственность из поколения в поколение необычайно ценилась в музыкальном мире, ибо справедливо считалось что все полученное у известного, «того самого», педагога передается потом всем. Об этом всегда говорилось

Валя Родин и Сима Туликов.
Крым, Мисхор, 1935 г.

с необычайной гордостью. Поступив в Консерваторию раньше папы, Валентин был в некотором роде его старшим товарищем и «путеводителем» по консерваторской жизни. Если Симе нравилось какое-то музыкальное произведение, он бежал в нотный магазин напротив Консерватории на Большой Никитской, чтобы тут же удивить друга! Вместе даже сочинили первые две песни!

Немногие, конечно, сейчас помнят, что в 30-е годы на Всесоюзном радио появились первые уроки утренней гимнастики, которые звучали два раза в день в 8.30 и в 11 часов утра, последняя называлась производственной, ибо на многих предприятиях это был специальный перерыв для гимнастики. Уроки гимнастики войной были прерваны и возобновились только в 1946 году. Проводил их преподаватель физической культуры Николай Лаврентьевич Гордеев. Популярность этой радиофизкультуры во всей стране была необычайной, и не в последнюю очередь из-за удивительного музыкального сопровождения этих занятий. В начале передачи диктор обязательно объявлял: «Музыкальное сопровождение – пианист Родин». «Этот “пианист Родин” незабываем, как и само детство!» – с восторгом заключает автор одного из интернет-сообщения. Своим музыкальным сопровождением он пропагандировал лучшие образцы классической музыки, да еще в таком великолепном исполнении, для миллионов шагающих и укрепляющих свое здоровье дома и на работе граждан. Вот и все! Но если твое имя для кого-то незабываемо, «как само детство», – значит, ты не зря посетил сей мир, даже если его «минуты» были столь роковые, и по ряду причин тебе не удалось совершить задуманное в юности.

В ночь на первое августа 2011 года, когда я вспоминала все описанное выше, вдруг слышу по радио явную игру Валентина Родина, которую хорошо помню, и подумала, что я слишком увлеклась этими историями и все это слышится в моем воображении. Через несколько мгновений я понимаю, что это все реально, звуки действительно раздаются из радиоприемника, и последовавший голос самого Гордеева с приглашением занять правильную позицию не оставляет никаких сомнений. Мгновенно я решаю, что возобновились утренние зарядки по радио. Но нет. Далее последовали знакомые звуки пионерской зорьки... Потом какая-то иная музыка... Радиостанция оказалась вполне реальной, значит, кому-то это нужно. Простое совпадение, конечно, но удивительное!

С Дмитрием Вячеславовичем Ивановым папа познакомился в Консерватории, кажется, на первом курсе. Как-то, идя по коридору, он услышал, что в одном из классов кто-то очень хорошо играет «Экспромт» Шопена. Папа приоткрыл дверь и увидел мальчика, который ему сразу улыбнулся. Разговорились, и эта дружба продолжалась всю жизнь. Это был удивительно тактичный, воспитанный молодой человек с манерами, полученными от матери-француженки. После окончания Консерватории Дима также работал в Московской филармонии, прошел фронт и вернулся в звании майора. После войны друзья часто бывали в Салтыковке, где много лет снимали дачу мамыны родители, у которых гостили тогда все Сонины друзья, бывали потом и в Рузе в Доме творчества композиторов. Как-то провожая Диму в Москву на неторопливый паровоз, отходящий из Дорохова, хотя и еле-еле на него успевая, папа в шутку произнес: «Видишь, Димочка, я тебя подвез под дымок!» Папа всю жизнь звал его «Димочка» независимо от ситуации. «Подвезти под дымок» стало на долгие годы любимой присказкой среди друзей, хотя и паровозы давно исчезли – признак всего сделанного здорово и вовремя. На даче в Салтыковке, как вспоминает Игорь, с удовольствием в послевоенное время, когда собирались, слушали музыку, включая приемник, привезенный отцом Игоря с фронта из Австрии. Игорь очень хорошо помнил их беседы о музыке, ибо сам невероятно к ней тяготел с ранних лет, и послушать серьезные разговоры можно было тогда только с ними. Прослушав «Лирические пьесы» Грига, Дима, обращаясь к папе, сказал: «Вот, Симочка, настоящий северный Шопен», и шли долгие разговоры на тему...

«Талантливому композитору, лучшему другу и товарищу Симе от первого исполнителя его прелюдии и фуги. Москва 5 июля 1939 года. Дима Иванов» – надпись на издании «Бородин. Князь Игорь» 1937 года. Через два дня – 7 июля – у Симы день рождения – 23 года. В течение всей жизни они были очень близки, сохранились видеозаписи одного из последних папиных

посещений Димы – папа играет по просьбе Димы то одно, то другое классическое произведение.

Они, конечно, были очень близки духовно, хотя все и очень разные. Частые встречи и беседы сопровождалась застольем далеко за полночь. Обсуждение прослушанного концерта, классов консерваторских корифеев, приобретение нот в музыкальном магазине напротив, да мало ли новостей в студенческой жизни всяких лет. Для молодых людей такие застолья дело обычное. «Задушевность» консерваторцев сопровождалась тем губительным, что зачастую не позволяло реализоваться в будущем в полной мере. Многие и многие находили свой покой в известном русском лекарстве, которое помогало «запивать» все неприятности и печали по поводу нереализованности своей мечты и своей судьбы, которую они себе выстраивали в юности. Тогда еще в этом не было никакой «катастрофичности» и опасности. Папа-то относился к своему здоровью с вниманием, не свойственным молодым. Тем не менее моя мама видела в этом безусловную негативную тенденцию и делала все возможное, чтобы избегать «ситуаций», могущих привести к печальным последствиям, что и случилось со многими. Она была права!

Эпизод 4. Беговая – послевоенный дом для композиторов

Дом композиторов на Беговой

После Покровки мы поселились на Беговой улице в настоящем кирпичном доме из целых двух этажей, где жили композиторы, как правило, до этого, как и мы, снимавшие жилье в послевоенной Москве. Дом был славный, построен пленными немцами, привыкшими работать очень хорошо, а потому – очень аккуратно, и никто при въезде не делал никаких ремонтов. Этими подневольными «московскими» строителями в послевоенный период был создан целый городок в районе Хорошевского шоссе. Рядом,

напротив, стояли два дома писателей, чуть повыше, чуть пошире, как и положено Литфонду. Место было тихое, почти провинциальное – для столицы тогда типичное, с палисадниками, бескрайним пустырем за домом, школой через три трамвайные остановки рядом с известным московским Домом пионеров

и почти напротив Московского ипподрома. В доме на Беговой жили семьи композиторов Пейко, Баласаняна, Локшина, Фельцмана, Левитина, Урбаха, Грачева, Губарькова, некоторые из них бывшие сокурсники. Все, конечно, занимали различное число квадратных метров, иным удавалось прописать еще и своих родственников. Наша почти 20-метровая комната, хотя и с окнами на север и с видом на пустырь, была первой несъемной и вовсе не проходной, и не «углом», и с настоящим большим окном. Папа и мама не спали несколько ночей, расхаживая по комнате,

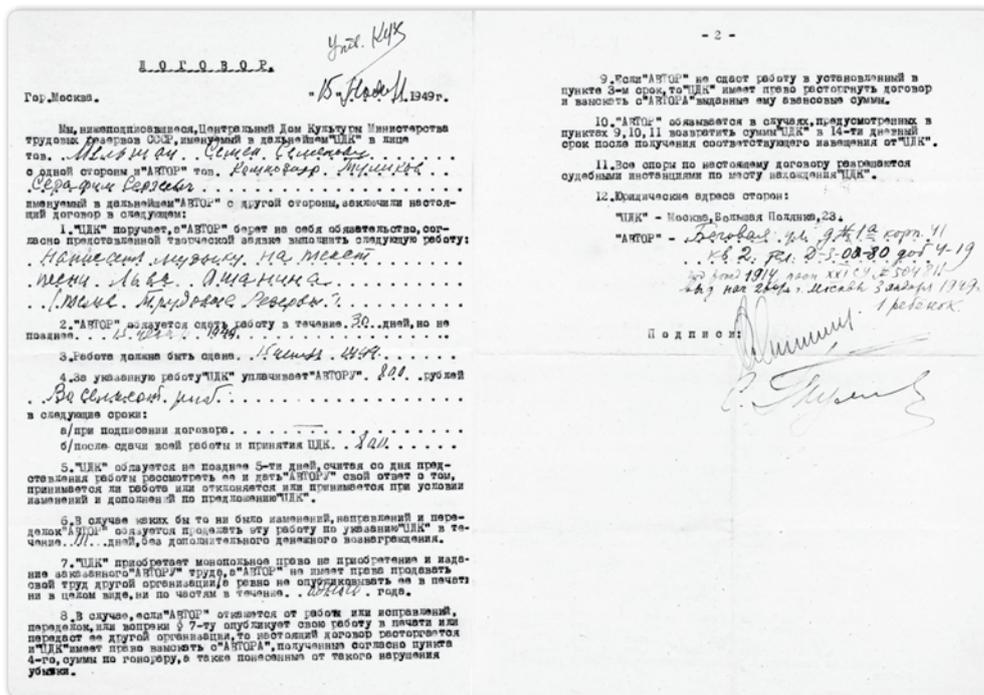
Папа в новой комнате на Беговой

выглядывая в коридор, и с восторгом описывали знакомым природные прелести пустыря. Это «комнатное счастье» моих молодых родителей было так понятно. На право получения такого жилья, а нуждавшихся было много, претендовало, конечно, большое число молодых композиторов. Их было больше, чем реальных возможностей самого дома. Непростое решение для руководства Союза композиторов. Большинство нуждалось в жилье! Очень поддерживал послевоенную композиторскую молодежь Тихон Николаевич Хренников. Папа всегда говорил, что получение комнаты на Беговой было ему, вернувшемуся из эвакуации и вынужденному все начинать сначала, некоторым авансом, как он сам это для себя определил, в счет будущих творческих свершений.

Серафим Сергеевич оставил разные заметки, датированные октябрём 1999 года, по поводу событий своей жизни. Я приведу небольшой отрывок из этих записей под номером 7 – «Новый дом». *«Хотя мы были очень рады своему московскому дому, построенному Прониным немецкими руками, куда мы и въехали в 1949 году с большой радостью, этому предшествовала горячая борьба, так как желающих (после войны) было очень много, а возможностей – всего 8 квартир. Все претендующие ходили отмечаться, а в секретариате каждый день были перестановки. А у меня, после Алма-Аты, все московское (творчество) забыто, и надо себя снова проявлять. Правда, к этому моменту, я был лауреатом трех премий (двух конкурсов под председательством А. И. Хачатуряна и одного под председательством Ю. Шапорина). После долгих ежедневных регистраций я был удостоен получения одной комнаты 20 метров в трехсемейной квартире. Счастье быть полноправным москвичом с постоянной пропиской и своей жилплощадью! Радости этому не было конца!»*

ся, где-то в году 1948-м. Вспомнили и номер телефона: Д-3-00-19, добавочные были у всех разные. У нас 419.

Мне хочется вспомнить период жизни моего отца с 1948 года по 1953 год. Целых пять лет Серафим Сергеевич Туликов был художественным руководителем и директором Ансамбля песни и пляски при Московском управлении трудовых резервов, и об этом периоде в нашем архиве сохранились различные документы, договоры, письма, записки. Это опора и на свой собственный музыкальный багаж и появившийся немалый опыт. Но главное – сколько самим композитором было создано для этого ансамбля и потом получило путевку в музыкальную жизнь страны! Сколько обработок народных песен огромного многонационального государства и разных стран! Сколько создано специальных композиций для хоров и танцевальных сюит! Безусловно, это была огромная творческая работа. Стоит вспомнить, как часто говорил папа, какие тогда выделялись средства на художественное воспитание, на различные смотры и сколько таких ансамблей существовало по всей стране. Сколько талантов они породили!

Договор

«В августовский день 1951 года над берлинским стадионом звучала песня, ставшая гимном этого демократического фестиваля молодежи и студентов...

Мы живем под солнцем золотым,
Дружно живем...

Хор Ансамбля трудовых резервов и все присутствующие на концерте исполняют песню «Мы за мир!»

Автора этой песни, получившей на фестивальном конкурсе первую премию, не было в Берлине в те дни. Его имя, имя Серафима Туликова, тогда знали еще немногие. Хотя композитор уже был удостоен Государственной премии за ряд песен, среди которых была песня “Мы за мир”, хотя в Ансамбле трудовых резервов Москвы, художественным руководителем которого в послевоенные годы он являлся, с увлечением пели и его “Руки золотые” и “Песню о Волге”» (Д. Ромадинова, с. 36).

В период нашей жизни на Беговой улице папа стал ездить в зарубежные командировки, возглавляя делегации советских музыкантов, среди которых были молодые виолончелист Ростропович, скрипач Безродный, певица Масленникова, композитор Муравлев...

Газеты тех лет с восторженными откликами на концерты этих зарубежных гастролей с участием выдающихся деятелей искусств папа бережно хранил, хранятся и записи-дневники посещений интересных памятных мест, собственных выступлений, встреч с различными коллективами, как и полагалось по тем временам.

Привозимые папой из этих поездок симпатичные «девчачьи» наряды я категорически отказывалась носить. Мне было неудобно перед своими подружками, потому что все одевались по-другому. А вот шведский шоколад из больших коробок было ужасно приятно раздавать во дворе, в школе и всем проходящим

ко мне ребятам. Правда, и наряды иногда были к месту, кроме тех, которые мне шила мама сама, особенно когда приглашали в гости какие-то мамыны очень дальние родственники, жившие неподалеку, смотреть телевизор. У них он появился раньше всех. Что смотрели – не помню, но волнения, связанные со сборами, помню. Причесывали и одевали по-особенному – как в серьезные гости, так тогда это воспринималось. Событие ведь было большое. Когда родители купили первый телевизор, он уже был с линзой. Фильмы по вечерам приходили смотреть наши соседи, а мне полагалось спать – за ширмой. Утром в обсуждении я принимала активное участие, мне в этом помогал, конечно, не только звук, но и изображение, отлично отражавшееся в каком-то удачно для меня стоявшем стеклянном шкафу. Мер строгих принято не было. Фильмы ведь были совсем не страшные и очень поучительные.

Первая папина машина на Беговой –
серьезная «Победа»

1953 год, март... Работает радио – мы с девочками из соседнего писательского дома затеяли какую-то игру и друг друга спрашиваем: «Ты кого любишь больше маму или Сталина?» Папы в этот опрос почему-то не попадали! Вопрос мучил, ибо был, судя по трагическому голосу по радио и по напряженному поведению взрослых, очень важным и требовал какой-то, ну хотя бы временной, ясности. Было что-то в нем для нас детей грозно-устрашающее! «Вся страна скорбит и плачет», – сообщал диктор по радио. Дома осторожно объяснили невозможность такого сравнения, не вдаваясь в детальные объяснения

1953 год, лето... Мы, девчонки и мальчишки, летом в июне бежим на шум страшного грохота, доносившегося с Хорошевского шоссе. Там по направлению к центру шли самые настоящие танки. Все взрослые были встревожены – вроде бы не день праздничного парада? Теперь, я знаю, что это было 26 июня 1953 года – арест Берии. Опять на кухне и в тамбуре черного хода нашего маленького дома взрослые шуршат газетами, непривычно толстыми. Я хорошо помню на Беговой мамину тетю – Бэлу Матвеевну, которая к нам часто приходила, вернувшись в Москву, уже после 1953 года, насовсем, после двух арестов. Никогда ничего не рассказывала, часто говорила об ошибках, совершенных кем-то!? Уже в институте, в 1960 году, на лекции по истории КПСС наш лектор – Елена Михайловна Нефедова – со слезами на глазах и в голосе рассказывала о съезде КПСС 1956 года. Ее переживания имели непосредственное отношение к рассказываемому. В чем была ее личная трагедия, можно было

вполне догадаться. Ее нескрываемые слезы в нашей большой студенческой аудитории, где присутствовал весь первый курс, потрясли меня до глубины души. Да и не только меня! В аудитории стояла невероятная тишина от столь очевидных несдерживаемых эмоций этой строгой статной женщины приятной внешности, предмет которой был наиважнейшим в учебном процессе тех лет. Мы сочувствовали, понимали, хотелось к ней подойти и расспросить. Причины были, хотя у всех и разные. Отголоски страшных трагедий!»

Но это было потом. А начало Бегового периода «окрашивалось» сказками, обычными для каждой семьи независимо от событий вне дома. Сказки определенного возраста, как правило, мне заменяли папины пересказы или чтение то Пушкина, то «страшного» Гоголя, то любимого Бажова, а то и просто собственные его фантазии на темы русских сказок с вкраплениями гоголевских страшилок... Книжки родители всегда покупали при первой возможности, а книжки детские мама уже старалась добыть везде, где это было можно. Библиотек, перешедших по наследству, как, впрочем, и чего-нибудь иного,

Аля. 2-й класс

не было. В учебе, подготовке к занятиям в школе родители мне почти никогда не помогали. В школу к учителям не ходили. Правда, тогда, в начале 50-х, на Беговой учителя сами навещали учеников, особенно таких непосед, какой была я. Мое постоянное верчение головой и невероятное любопытство по поводу всего того, что происходило вокруг и совсем не относилось к учебе, хороших отметок не прибавляло. Я бросалась через весь класс поднимать уроненное кем-то, а если кто-то заглядывал в класс, я рвалась к двери, чтобы выяснить, кто это был и зачем. Родители ждали мою учительницу 1-го Б класса. Это была большая грузная женщина в черном костюме, которая сразу объявила, что я не старательная, страшная непоседа, а по арифметике совсем ничего не усвоила на «хорошо». «Обратите внимание на ребенка!» – сказала она очень категорично. Мама суетилась

с положенным в таких случаях обедом из очень скромных, но обязательных четырех блюд. А папа тихо, стоя рядом, обещал исправиться. Слава богу, через год пришла новая учительница – Зоя Константиновна, с которой мои родители подружились в самом хорошем понимании отношений между учителем и родителями. Папа искренне ей жаловался, что задачки по арифметике ему с Софьей Яковлевной поддаются лишь те, в которых поезда, хотя и обгоняют друг друга, но мчатся в одну только сторону, пусть и с разной скоростью. Если же поезда мчатся в разные пункты – А и Б, да еще друг друга обгоняют по времени, и при этом скорости у них, естественно, разные, то тут они сдаются.

«Я уже не говорю, Зоя Константиновна, когда вода в бассейнах бесконечно зачем-то переливается в трубы и опять с разной скоростью?» Они все весело смеялись. Как мне нравились эти шуточные разговоры, снимающие с моей детской души «арифметическую обеспокоенность» и позволяющие надеяться на светлое «математическое будущее». Зоя Константиновна славно и очень добро улыбалась, девочку хвалила, так как она читала с выражением лучше всех в классе, пела в хоре песни всех советских композиторов, не только папины, даже солировала, участвовала в драмкружке и вообще была активной пионеркой. Именно она научила меня терпеливо сидеть за партой и решать задачки, правда только того уровня школьного образования, когда она была рядом, – классы шестой и седьмой. Ведь тогда никто не говорил о математических или гуманитарных способностях. Последними я, наверное, в некоторой степени и обладала. Я выбилась в явные «хорошисты» по арифметике, «с мельканием» в дневнике пятерок по чтению и пению вместе с поведением. Зоя Константиновна навсегда в нашей семье осталась образцом школьного педагога удивительной сердечности и обаяния. А профессионализм – это ведь естественное качество педагога, его специально не отмечают!

Всех детей в том нашем маленьком доме на Беговой, а потом на Огарева, учили музыке. Родители ведь настоящие профессионалы! Учили и меня. Все положенные этюды и даже специально переложенные для меня папой пьесы я аккуратно разучивала и прилежно старалась донести до приходящей ко мне учительнице по музыке. Но все время вертела головой в сторону часов и большого окна в нашей комнате, откуда раздавались то голоса мальчишек и девчонок, звавших меня на просторы загадочного безграничного пустыря, то велосипедные звонки дворовых команд. Конечно, все это пересиливало мою юную музыкально неустойчивую натуру. Сбивала меня с толку совершенно конкретная музыка из звонких детских голосов и велосипедных трелей. И как-то папа, не выдержав явно не предусмотренной нотами атональности моего вымученного исполнения специально для меня им написанной пьесы, закрыл крышку пианино и довольно решительно сказал: «Иди, катайся!» Велосипед-то сами подарили – роскошный по тем временам, не девчачий, а, по моей настоятельной просьбе, мальчиковый, и все, даже мальчишки, просили показаться! Какие тут этюды! И я «полетела» в мир, полный моей любви к музыке самой разной. Я знаю, что в других семьях, даже при одаренности детей, родители стояли рядом, готовые к сопротивлению и броску «на задержание». Самое поразительное, что хочется с благодарностью вспомнить обязательные по программе обучения уроки пения в обычных средних школах тех лет. Они входили в расписание и проводились, как правило, в актовом зале с настоящим инструментом и профессиональной преподавательницей по пению, то есть

человеком с музыкальным образованием. Пропетые песни в хоре, как я уже вспоминала, не только композитора Туликова, звучат в памяти до сих дней. Я понимаю, что папа слишком строго подходил к моим музыкальным способностям и, не видя ярко выраженной одаренности, понимая, через какие особые трудности надо пройти, чтобы достичь в искусстве планки определенной высоты, не мучил меня музыкальными занятиями с неясной для него перспективой и с легкостью отпустил меня кататься на велосипеде. Он сам прошел этот путь сполна, самостоятельно и знал, что пробиться в этом «жанре» не каждому по плечу. Папа чувствовал, что воспитание посредственного музыканта в будущем приведет к необходимости в дальнейшем вмешиваться в его судьбу, о чем-то где-то просить, подталкивать. А готовить меня к тому, чтобы стать музыковедом, по причине отсутствия явных исполнительских способностей, без явного призвания к этой интереснейшей профессии, было, по его убеждению, совершенно недопустимо. Здесь, как, впрочем, и во многом, он был бескомпромиссным. Сейчас думаю, что крышку пианино он все-таки закрыл зря...

О. Фельцман с сыном Володей, Туликовы с Алей на отдыхе в Абхазии

Вообще период на Беговой был активным периодом в жизни его взрослых обитателей. Сама послевоенная жизнь становилась активней и интересней. Тогда молодые семьи этого двухэтажного дома жили дружнее, чаще общались, вместе отдыхали, и не только в Рузе. Туликовы, Фельцманы, Островские ездили вместе на отдых в село Леселидзе в Абхазии, ныне шикарный курорт.

Конечно, у каждого был свой путь в творчестве, но условия для популяризации были в какой-то степени равными. Если творчество было востребованным, то условия его пропаганды были и на виду и не столь многочисленны.

Премии, произведения, концерты тогда не были в центре моего подросткового внимания. Помню лежавший на секретере карельской березы, купленном родителями у кого-то из семьи актрисы Блюменталь-Тамариной, невероятно огромного даже для нашей двадцатиметровой комнаты размера, лист ватмана со стихотворным поздравлением от коллег, отданный родителям после встречи Нового года. Все это помню по причине «заливки» секретера фиолетовыми чернилами, которые, растекаясь по чудесному нечаянно оказавшемуся в нашей семье антиквариату, обогнули лист ватмана с посвящением:

Среди наших столиков, среди наших стуликов
Скромно, мирно восседает Серафим Туликов.
Поджигателей войны, иноземных жуликов
Песней мира побеждает Серафим Туликов.
«Миру – мир!» – сказал ты миру,
Мир за это дал квартиру!
Так живи, пиши тихонечко,
Нянчи Алечку и Сонечку
И имей, товарищ Туликов,
Побольше столиков и стуликов!

Встреча Нового года в Доме композиторов на Миусской.
Сидят за столом: А. Островский, С. Туликова, ...,
С. Туликов, поэт Я. Белинский с супругой, М. Островская

Незатейливые «вирши» намекали на ставшие популярными песни: «Мы за мир!», «Марш советской молодежи», «Это мы, молодежь», на квартиру-комнату на Беговой и на будущий «мебельный рост», что, конечно, подкреплялось новыми материальными возможностями в 50-х годах. Сталинскую премию отца в 1951 году на Беговой отмечали шумно и весело, с обязательным жареным

Самое красивое мамино платье...

поросенком! Пришли в гости многие коллеги и, конечно, друзья по дому, и даже отец Серафима Сергеевича – Бобоедов Григорий Терентьевич. Он был потрясен успехами сына и всеми присутствующими гостями, которые с интересом поглядывали на него и поздравляли! Некоторые знали об истории их взаимоотношений. Мой настоящий дед, высокий, с абсолютно седой головой, мне показался удивительно красивым, но меня – свою девятилетнюю внучку – как-то из толпы гостей не выделил, и больше в моей жизни он никогда не появился. Тоже ведь очень жаль! Глядя теперь на фотографии обоих, я понимаю, что они были удивительно похожи внешне и отчасти характерами – отец и сын.

А лист ватмана напомнил мне еще и о том, что мои родители всегда ходили на встречу Нового года в Дом композиторов на Миусской и другие творческие дома, в которых эти праздники отмечались с необычайной изобретательностью, весельем, музыкой и танцами. Клубная жизнь творческих домов и домов культуры была очень активной. Такие праздники, особенно встреча Старого

Нового года, которая завуалированно называлась «Посиделками», собирали много гостей – поэты и певцы, с которыми работали, просто друзья; шились у портних вечерние платья, готовилась особенная музыкальная программа, делались фото на память приглашенным фотографом. «На закуску», под утро, – фильм, диснеевский и что-нибудь из «трофейных», как правило, американский, и, если не было русских титров, специально для этого приглашался переводчик. Многие, наверное, об этом знают или слышали. Мамино длинное вечернее платье тех лет из черного шифона с вышитыми серо-белым шелком цветами остается для меня самым красивым из всех виденных мной «в целом свете». Таков закон воспоминаний детства.

Эпизод 5. Переезд на Огарева

Мы переезжали на новую квартиру в кооперативный дом композиторов по улице Огарева, № 13 зимой 1956 года. Были сильные морозные дни. Меня «перевезли» где-то ближе к вечеру. Поразила тогда высота – шестой этаж, внизу совсем маленькие деревянно-каменные строения, много деревьев в изморози, верхушки кремлевских башен в отблесках красного морозного солнца.

С нашего балкона была немного видна Красная площадь! Ощущение потрясающее – новизна во всем. В квартире уже стояла какая-то мебель. Мои родители приехали поздно. Папа, я помню это очень отчетливо, сразу прошел к тому месту, где стоял привезенный утром рояль. Именно эта комната стала его кабинетом на всю жизнь, и он проработал в нем долгих сорок семь лет своей жизни. Рояль удивительно вписался в угол довольно длинной комнаты с двумя окнами и с замечательным видом на церковь Успения Божьей Матери, которую все окрест называют «Неждановской», ибо совсем рядом, в доме Большого театра, жила великая русская певица Нежданова, которая часто там бывала. Все остальное, что пришло в кабинет потом, отталкивалось от этого «центра в углу». Письменный стол, книжные стенные шкафы, еще один огромный книжный шкаф, небольшой столик между двух окон, классические кресла и торшер 50-годов – все это предполагало и определенный стиль жизни. С улыбкой вспоминаю, что переезд для мамы был слегка омрачен потерей настоящих деревенских валенок, полученных еще по разрядке Музфонда. В валенках в те годы запросто ходили по Москве в морозы, но главное – они предназначались для Старой Рузы, где находился Дом творчества композиторов – уникальное место загородного обитания советских композиторов. В этих валенках я бесконечно долго ходила на даче, пока они не износились до такой степени, что их нельзя было починить, и они, «не подшиты, стареньки», исчезли из моей жизни, унося с собой свою скромную историю и непонятное для окружающих очарование.

Строительство композиторского дома в центре Москвы и вероятность стать членом ЖСК, безусловно, были очень заманчивой перспективой. Заявлений было много. Серафим Сергеевич откровенно побаивался замахнуться на такое явно непривычное и кабальное, как казалось, финансовое мероприятие. Сумма по тем временам была астрономической, и выплата ее завершилась в 1979 году. Фактически рассрочка была на 25 лет. Она менялась в сторону повышения в зависимости от денежных реформ, инфляции и других постоянных странностей нашей непостоянной жизни. Вступить в кооператив моих родителей уговорили Островские – Аркадий Ильич и Матильда Ефимовна. Они и рояли купили вместе в одном комиссионном магазине – там было их всего два, оба кабинетные и оба немецкой фирмы «Блютнер». С нашей пред-

Церковь Успения Божьей Матери

полагаемой квартирой, которая досталась бы моим родителям по жеребьевке, произошел непредвиденный забавный эпизод, который не был воспринят ими как некое предзнаменование для отступления назад. Она по рабочему чертежу просто не получилась! Серафиму Сергеевичу пришлось уже в процессе строительства дома писать заявление заново. Из папиного заявления в правление жилищного кооператива «Советский композитор»: «...прошу правление предоставить мне квартиру из 4-х комнат от 65 – 70 кв. метров, учитывая тот факт, что доставшаяся мне по жеребьевке квартира по рабочему чертежу не получилась». Дата: 24.12.1953.

Как, собственно, строился этот дом – в будущем такой знаменитый – вспоминается и по некоторым сохранившимся документам. Огромную роль в продвижении самой идеи, а потом и в выборе места для будущего дома сыграли многие ведущие композиторы того периода: Д. Д. Шостакович, М. И. Блантер, А. И. Хачатурян, И. О. Дунаевский и первый секретарь Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников. Все они своим авторитетом, коллективной поддержкой и участием добились документа за личной подписью И. В. Сталина, который, видимо, тщательно все взвесив и подумав, позволил композиторам построить жилищный кооператив в пяти минутах ходьбы от Кремля и разрешил выдать ссуду с рассрочкой на 25 лет. Такие единичные случаи бывали! Первыми такими домами, объединившими жителей по профессиональным интересам, были, помимо нашего, дом артистов Малого театра в Дегтярном переулке, дом писателей в Лаврушинском переулке, дом артистов Большого театра на улице Горького, ныне Тверской, и другой, совсем рядом – на улице Неждановой. Были потом и многие другие дома, построенные по принципу объединения жителей по профессиональной принадлежности.

В своих заметках Серафим Сергеевич записал: «Время прошло быстро, и вот под новый 1956 год мы ввозим еще по насыпанному без досок полу прекрасный купленный за 16 000 рублей рояль миньон фирмы “Блютнер” Торжественно справили Новый год. “Скитаясь” с женой и дочкой по углам квартиры, мы почувствовали всю прелесть обладания этим жилищем. Сколько было радости и слез, и счастья! Мы-то знали цену этому величайшему для нас событию, и не очень-то старались скрыть свой восторг. Пошла черед новоселий, веселых застолий. Конечно, если бы не мощная группа живущих тогда знаменитостей: Шостаковича, Хачатуряна, Глиэра, Дунаевского, это место вряд ли бы удалось получить. Писалось очень продуктивно и ярко. Настала самая лучшая пора в нашей жизни».

В это время было положено начало созданию в Москве уникального композиторского сообщества, сконцентрированного в самом центре столицы. В нашем домашнем архиве я нашла вырезку из газеты 1952 года с фотографией

макета задуманного комплекса и статьей о нем, в которой сообщалось о «великолепной» перспективе строительства большой проезжей дороги мимо создаваемого дома. Вот последнее, к счастью, не было осуществлено!

После Матвея Исааковича Блантера правление строящегося кооперативного дома работало под председательством Исаака Осиповича Дунаевского. Он лично хлопотал по всем вопросам, связанными с улучшением собственно качества строительства – от покупки гвоздей до установки специальной звукоизоляции, которую предполагалось выполнить с учетом последних достижений тех лет. Папа в своих записках вспоминает, что когда Исаак Осипович вел собрание членов ЖСК и затрагивал вопросы, связанные со строительными материалами, то говорил об этом так увлекательно, блестяще, по всем правилам ораторского, юридического искусства, что все слушали его, затаив дыхание.

Вид нашего дома со стороны Газетного переуллка
и храма Успения Пресвятой Богородицы

Когдаходишь в наш двор со стороны Огарева – Газетного, то из-за поднимающегося чуть вверх тротуара кажется, что дом своим торцом слегка подался вперед и вниз и хочет выйти, элегантно, бочком обогнув красивую церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке, на просторы улицы Горького – Тверской. Правда, о просторах уже все совсем подзабыли! Да, наверное, многие и позабыли, что церковь, когда мы въехали в новый дом, сначала была складом, а потом телефонным переговорным пунктом, а потом просто притаилась и замолчала в ожидании своей судьбы, характерной чертой которой была неопределенность, могущая закончиться бесследным исчезновением. Но все

трагические насмешки судьбы она выдержала! Свидетелем всех перемен является старый-старый тополь, который величаво, но чуть сгорбившись, стоит перед входом в церковь. Он как бы наклонился в ее сторону, прося защиты. Так страшно за его судьбу! Ведь рядом совсем нет деревьев! Теперь этот тополь и наш дом вошли в район, получивший название «Золотая миля», чтобы быть в «модном тренде» современного отношения к жилью. Перед церковью возник удивительный садик, сотворенный добрыми руками ее служителей и создающий ощущение московского дворика. Мой папа всегда удивлялся такому «околокремлевскому» расположению дома и любил его всей душой.

Вид на храм Христа Спасителя
из окон нашего дома

Старый тополь у храма Успения
Пресвятой Богородицы

Вход в подъезд нашего дома

Р. С. В ту зиму 56-го в дом въехали семьи композиторов Блантера, Листова, Каца, Жарковского, Дунаевского, Лядовой, Колмановского, Фельцмана, Островского, Зива, Долуханяна, Минха, Глиэра, Муравлева, Бабаева, Бабаджаняна, Ростроповича и Вишневской, Свиридова, Будашкина, Щедрина и целого созвездия музыковедов! Как замечательно, что в 2010 году вышла книга коллективных воспоминаний детей, родственников и знакомых знаменитых обитателей нашего Музыкального дома – «Дом ста роялей – Огарева, 13», которая стала данью памяти и времени, и всем творившим в этом доме на протяжении более чем полувека

Эпизод 6. Обустройство на новом месте

В наших огаревских квартирах не ощущаются дизайнерские мучения проектировщиков тех лет – небольшие темноватые коридоры-прихожие, маленькие кухни. Из подсобных помещений в те годы были только антресоли – длиннее самых длинных лыж, хранящихся там. Они уходили куда-то в бездонную горизонталь: папа все свое самое «бесценное» – рыболовные снасти – хранил где-то там, ближе к «черной дыре», а мама, опираясь на опыт бесконечного тотального дефицита – военного и невоенного, тихо хранила все поближе к свету: «Выбрасывать нельзя! Не смей! Откуда ты знаешь, что будет завтра!» И мы действительно этого не знали.

Обычные московские квартиры с необычными московскими жителями вмещали по одному, а то и по два рояля, большие библиотеки профессиональной и художественной литературы, в каждой квартире звучала музыка. У моих родителей, как и у большинства из въехавших, не было ни сумасшедших денег, ни наследства. Гонорары уходили, как тогда шутили все жители нашего дома, на оплату «камней», т. е. на взносы за кооперативную квартиру. Все жильцы нашего дома, перефразируя название романа Ольги Форш «Одеты камнем», который как раз вышел в 1956 году и был у всех на слуху по причине его популярности, в те годы называли себя в шутку «раздетыми камнем».

Композиторская и музыковедческая молодежь обустроивалась как могла. По воспоминаниям моих родителей, не было тогда ни соперничества, ни зависти. Бегали друг к другу то за чайником, то за плиткой, а то и просто за водой к тем, кому уже включили. Часто покупали или просто брали у соседей то, что им не подходило. Бегали и по Москве в поисках чего-то! Перезванивались, забегали посмотреть, записывались дружно в разные очереди, делились «нужными знакомыми» в мебельных магазинах. Тогда в московских магазинах

появились румынская и венгерская мебель, чешский хрусталь. Видимо, в обмен – то ли за газ, то ли за нефть. Чешский хрусталь моих родителей, которые начинали обустройство с нуля и ничего подобного никогда не имели, слегка по молодости лет завораживал. Папа после получения гонораров в Охране авторских прав заходил в Мосторг у Большого театра и приносил домой сюрпризы в виде ваз необычных форм, рюмок, графинов, завернутых в грубую оберточную бумагу. Удивительно, но чешский хрусталь тех привозов в Москву действительно играл всеми хрустальными цветами радуги, видимо, по причине щедрой добавки свинца. Я вспоминаю с улыбкой, как в те дефицитные годы кто-то из молодых композиторов додумался сшить теплое пальто из верблюжьих одеял, которые продавались в Мосторге. Ателье Музфонда отлично выполнило заказ: Туликов, Островский, Фельцман, кажется, еще и Фрадкин щеголяли в светло-рыжих модных «верблюжьих пальто».

С мебелью всех выручал всемогущий Музфонд. Помимо прочих нужных в хозяйстве Музфонда мастерских была и столярная мастерская, где известный среди композиторского сообщества мебельных дел мастер по фамилии Шалдыкин мастерил мебель для многих в нашем огаревском доме. У нас живут и поныне «шалдыкинские» творения – крепкие, выполненные под любое дерево. Их особенностью является полное отсутствие затворов от «чужих и от своих». Тонкие обычные стекла, которые использовались для книжных стеллажей за неимением других, так прочно засели в своих пазах под тяжестью человеческой мысли, что пришлось их вытащить совсем, дабы иметь доступ к бессмертным творениям.

Все это материальное обустройство никогда не превращалось в накопление ценностей, а было простым естественным желанием, как часто говорил папа, «чтобы все было по-человечески», при этом не имея в виду, конечно, весь шар земной. «Лишнего не надо, не надо лишнего! Надо, чтобы было достойно!» – всегда говорил Серафим Сергеевич.

Папа очень любил и нашу квартиру, и наш дом и прекрасно понимал уникальность места, в котором он был построен. Москву он знал великолепно. Искренне радовался тому, что многие старые районы Москвы вновь приобрели достойный вид. А панорама с нашего этажа и на Кремль, и на воссозданный храм Христа Спасителя действительно приносила ему большую радость. Сочувствую жителям нашего дома, которым построенный путем ряда махинаций «дом-урод» закрыл не только великолепный вид, но и свет. Папа все время наблюдал неотвратимый рост этого сооружения напротив и, когда он наконец завершился, не престаивал повторять: «Хоть вид на храм не замуровали! Черти!».

Знание Москвы, всех ее переулков и закоулков, не раз выручало Серафима Сергеевича, когда надо было за очень короткое время добраться куда-нибудь.

Он великолепно и с огромным удовольствием, хотя и по необходимости, водил машину. Во время регистрации моего брака с Борисом у меня, как и положено, попросили паспорт, а мне в те далекие юные годы и в голову не пришло взять его с собой. Папа быстро и молча вышел из зала и вернулся с моим паспортом буквально через 15 минут. Все удивлялись, спрашивали друг друга, каким маршрутом он ехал. Но ведь в те времена московская милиция узнавала Серафима Сергеевича и, отдавая ему честь, быстро пропускала, если обстоятельства позволяли. Тогда жителей нашего дома знали все!

Новорожденного внука Антона, несмотря на наши переживания и желание как можно скорее доехать до дома, папа вез домой через улицу Горького. «Внук должен въехать в дом по главной улице Москвы!» Это было не бахвальство, не намек на престижность, а понимание чрезвычайной торжественности момента в его личной жизни.

Во время одной из телевизионных передач в «лихие 90-е» Серафим Сергеевич с гордостью говорил о том, как Москва похорошела и как он рад тому, что стали восстанавливать и воссоздавать прежнее разрушенное или уничтоженное совсем, конечно, тогда мы еще были далеки от всей информации о происходящем в Москве. «Ну, что вам-то, Серафим Сергеевич? Для вас лично, такого известного человека, времена далеко не лучшие!» – удивлялся известный телеведущий. «А я – москвич! Мне нравится, как меняется Москва! Я – калужанин, но я и москвич». Любовь к малой и большой родине, искренне пронесенная через всю жизнь, позволила ему наполнить свое творчество этим непреходящим чувством, которое так свойственно российским людям, несмотря на все пережитое и несмотря на не совсем ясное будущее.

Эпизод 7. «Пусть в кабинете останется все как есть...»

Все стены кабинета, как у многих в нашем огаревском доме, увешаны афишами. Со временем от яркого солнечного света они стали ветхими. Мы с мамой добросовестно их подклеивали, но было ясно, что дни афиш сочтены. «Ты их только не выбрасывай. Для меня это самое ценное! Ведь больше нет! Пусть в кабинете остается все как есть». Так оно и осталось.

Разбирая бумаги в кабинете, я не могла и предположить, что папин архив, включая и дубликаты афиш, документы калужского и консерваторского периодов, времен эвакуации и, конечно, всей активной жизни на Огарева, будет таким объемным. Записки, тезисы докладов и выступлений, списки подобранной литературы, черновики писем и телеграмм. Нотные тетради, которых

ВСЕРОССИЙСКОЕ ГАСТРОЛЬНО-КОНЦЕРТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
 Центральный Дом Советской Армии
 имени М. В. ФРУНЗЕ
 КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

ВСЕСОЮЗНОЕ БЮРО ПРОПАГАНДЫ
 СОЮЗА СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

СУББОТА
 19
 ОКТЯБРЯ 1957 года

ВЕЧЕР СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ

УЧАСТВУЮТ:

КОМПОЗИТОРЫ:
 Заслуженный деятель искусств РСФСР
 Лауреат Сталинской премии
Ю. С. МИАЛУТИН
 Лауреат Сталинской премии
С. С. ТУЛИКОВ
 Лауреат Сталинской премии
С. А. КАЦ
А. А. ЛЯДОВА
М. Г. ФРАДКИН
А. Я. ЭШПАЙ
 Начало в 8 час. вечера

СОЛИСТЫ:
 Солисты Всесоюзного Радиокомитета:
 Заслуженный артист РСФСР
В. А. БУНЧИКОВ
В. А. НЕЧАЕВ
 Лауреат конкурса ювелистов
Ефрем ФЛАКС
 Солисты Государственного музыкального театра
 имени Станиславского и
Г. М. ЛАЗАРЬ
С. Д. ИЛЬИН
В. А. РАДЗИН
 Артистка Центрального ТВ
Г. Т. ОСТРОВИ
 Солист Краснознаменного
 А. В. Александрова
И. С. БУКРЕЕ
 Зв. 490 Тел. МОТЭК

Артисты Всероссийского Гастрольно-Концертного Объединения:
 Лауреат конкурса на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г.
В. А. ИВАНТЕЕВА
Т. М. ВЕРОВА

ЧЕТВЕРГ
 22
 НОЯБРЯ
 1973 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ РАДИО и ТЕЛЕВИДЕНИЕ
 КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОЮЗОВ

ЧЕТВЕРГ
 22
 НОЯБРЯ
 1973 г.

Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР
 КОМПОЗИТОР

Серафим ТУЛИКОВ

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР

УЧАСТВУЮТ:

**ЭСТРАДНО-СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР,
 БОЛЬШОЙ ХОР, БОЛЬШОЙ ДЕТСКИЙ ХОР и АНСАМБЛЬ „СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ“**
 ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО и ТЕЛЕВИДЕНИЯ
 Дирижер — народный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола
Юрий СИДАНТЬЕВ

народная артистка СССР
Клавдия ШУЛЬЖЕНКО
 народный артист Казахской ССР
Юрий БОГАТИКОВ
 заслуженный артист РСФСР
Владимир ТРОШИН
 лауреат Международного конкурса
Лев ЛЕЩЕНКО
 Художественный руководитель. Большой хора —
 народный артист СССР, лауреат
Клавдий ПТИЦА
 Партия фортепиано — **Давид АШКЕНАЗИ**

народный артист СССР
Дмитрий ГНАТЮК
 артистка Малого театра
Ирина БРЖЕВСКАЯ
 артистка Малого театра
Майя КРИСТАЛИНСКАЯ
 лауреат Международного конкурса
Галина НЕНАШЕВА
 Художественный руководитель. Детского хора —
 заслуженная артистка РСФСР
Виктор ПОНОВ
 Концерт ведут **Светлана МОРГУНОВА** и **Евгений СУСЛОВ**

заслуженный артист РСФСР
Борис ДОБРИН
 заслуженный артист РСФСР
Александр РОЗУМ
 лауреат Всесоюзного конкурса
Нина КРЫЛОВА

Начало концерта в 19 час. 30 мин.
 2012-300 Тел. ГАБТ

Билеты проданы в кассе Колонного зала Дома Союзом
 и во всех театральном кассах г. Москвы

у папы было достаточно много, с нотными записями пришедших в голову мелодий. Использованные тетради перечеркивались. Сколько же осталось их не перечеркнутых по причинам, известным только ему! Документы, письма, телеграммы по поводу всех жизненных и творческих этапов Серафима Сергеевича, сотни фотографий, запечатлевших значительные творческие съезды, декады, концерты и встречи со всеми ведущими деятелями музыкальной культуры того периода, огромное количество грамот, среди них и ежегодные за участие во всех популярных телепередачах «Песня года». Серафим Сергеевич был почетным членом бесконечного числа трудовых коллективов, как это было принято в те годы: заводов, колхозов... Он был и космонавтом, и милиционером, и шахтером, и металлургом... Это все поддерживалось письмами, телефонными разговорами и, конечно, концертами...

Обнаруженная среди всего «гаражная папка», сформированная в период строительства при доме гаража, содержит удивительные свидетельства о том, как композиторы строили гараж. Некоторые документы вызывают улыбку, так как Серафим Сергеевич, будучи очень далеким от понятия «строитель-бизнесмен», особенно по тем временам, и возглавлявший это строительство по поручению коллег-«гаражников», пытался получить отчет буквально о каждой истраченной строителями копейке. Рукописные заявления всех проживающих с просьбой о приеме в гаражный кооператив. Удивительные документы!

Библиотека у нас в семье была большая, впрочем, как у всех в огаревском доме. Раньше это было обычным явлением. «Шалдыкинские» полки пока держатся, они огибают рояль и письменный стол, захватили длинный коридор, ведущий в кабинет, забрались в родительскую спальню.

Начало всему было положено мамой, когда в 50-е годы она бегала по разным очередям, записывалась, отмечалась в списках при разных книжных магазинах Москвы. На руках страждущих писался номер, всегда химическим карандашом, который для яркости обязательно «слюнявился» пишущим в прямом смысле этого слова. Никто ничем потом не болел! Мама обязательно брала меня с собой, чтобы подписаться на два собрания сочинений «выброшенного» в продажу классика – для нашей семьи и для своего брата Игоря, ближайшего папиного друга. Отмечались иногда и по ночам, как за мукой. Шли с мамой пешком где-то после шести утра две остановки вниз, по Хорошевскому шоссе, до небольшого книжного магазина. Подписка обычно «объявлялась» с помощью листа бумаги, который заранее появлялся у кассы в магазине, но чаще – по слухам: «Говорят, что...» В 60 – 70-е годы это уже был магазин в центре, в Художественном проезде. Сейчас можно только удивляться такому спросу на книги, издаваемые колоссальными тиражами. Говорят, мол, другого не было, поэтому все и пользовалось спросом. Думаю, что это

не так, спрос на книги – это результат воспитания, школьного и, конечно, домашнего, наличия огромного количества библиотек в стране, которые пополнялись при помощи государственной поддержки! При покупке книг в книжном магазине обычно просто спрашивали, есть ли такая-то, сколько стоит, и шли в кассу платить и уже дома смотрели, что там в этой книге есть. «Девушка, покажите Чехова? – Вы что, Чехова не видели. Смотрите, сколько народу ждет! Идите и пробивайте в кассу, пока еще он есть! Заканчивается». При этом бесконечный сбор и сдача макулатуры за право получения чего-либо по полученному в зависимости от сданных килограммов талончику!!! Не бесплатно, а за право купить... Хотя, вполне полезное целенаправленное действие!

Папа и мама несли книги в дом постоянно... Так жили тогда все, ибо все много читали. На Огарева папа входил в список тех, кому домой присылали журналы «Америка», еще большого формата, и «Англия» – маленького. Это были особые окна в «чужой мир». Столь желаемые многими, что впоследствии уже на даче у нас эти журналы просто украли! Позже стали появляться книжки-списки, по предъявлению которых можно было что-то приобрести в известной на всю Москву книжной лавке писателей. Тем не менее чего-то все время не хватало! Пробегая мимо всегда открытой двери нашей фантастической книжной библиотеки при доме на Огарева, я успевала поздороваться с Натальей Давыдовной Житомирской – ее бессменным сотрудником, обмениваться новостями: «Алечка, скажите маме, что «Сто лет одиночества» уже принесли, и она может взять». «Алечка, скажите Серафиму Сергеевичу, что журналы будут завтра. Вы сможете их захватить по пути домой». А музыкальная библиотека, сохранившаяся в доме и поныне, с ее бессменным хранителем Мариной Петровной Савельевой, является, как говорят специалисты, просто национальным достоянием.

Серафим Сергеевич был невероятно самодостаточен при использовании своего свободного времени. Он особенно не рвался в кино, в театр, разве только за компанию и по необходимости. Не стремился никогда попасть в какие-то модные места, куда все хотят попасть, за исключением, конечно, мест, где происходили крупные и интересные для него музыкальные события. Телевизор никогда не был для папы притягательным досугом. Не был он и поклонником зрелищных мероприятий. Читал не вообще, а только по интересу.

Он собрал свою большую профессиональную подборку литературы – это редкие и не редкие нотные издания, и вообще все, что было издано о Чайковском, Рахманинове, Шопене и многих других его любимых композиторах. Большое собрание разных сочинений, удачно «пойманных» в букинистических, привезенных из Польши, Германии, отовсюду, где попадались нужные по творческому духу. Собирал Серафим Сергеевич также литературу, которая свидетель-

ствуем о самых разнообразных его увлечениях. Конечно, целая подобранная библиотека по рыбной ловле: это и прижизненное издание Л. П. Сабанеева, С. Аксакова, и все до последнего номера современные рыболовные журналы.

Было много литературы по военной тематике – об Отечественной войне 1812 года и пережитой последней Великой Отечественной; особая полка с книгами о родной Калуге; подборка книг по шахматному искусству – о шахматистах, шахматных задачах; книги о Москве, которую он знал так хорошо; книги по фотоделу, которые сопровождали его увлечение фотоаппаратами в связи с их техническим прогрессом, хотя сам он никогда не проявлял и не печатал фотографий, но очень много снимал во время командировок и туристических поездок. Удивительным было то, что фотографии складывались стопками, очень часто без подписи времени или имен людей, попавших в объектив, но зато на многих папа карандашом записывал указание на использованную выдержку – 10 секунд, 25 секунд. А имена... Они прекрасно помнили всех! Много книг по автоделу, особенно о том, как ремонтировать автомобили – и это при шофере-то Анатолии! Большое количество карт Москвы и Подмосковья – это реальные рыболовные маршруты и маршруты мечты. Все книги, подаренные мной, обязательно подписывались – «от Алечки» и дата.

Газеты, журналы, толстые и тонкие, в нашей квартире, кажется, выписывались все. Папа часто что-то вырезал из них, раскладывал на будущее в разные тематические папки, перечитывал. Это были современные ему полемические статьи из области, конечно, не только музыки, но культуры вообще: об истории России, о российских исторических памятниках, городах, деятелях науки и культуры. Все то, что его всегда волновало. Эти газеты и статьи и сегодня являются хранилищем информации, ценной не только на дату их выхода в свет. А потому по-прежнему мной не выбрасываются!

Попалась на глаза газета «Советская культура», датированная маем 1957 года, о «Встрече руководителей КПСС и советского правительства с писателями, художниками, скульпторами и композиторами». В подобных перечислениях композиторы, как правило, ряд замыкали, хотя и по ним в свое время прошла критика по поводу несоответствия их произведений «целям и задачам». Однако представители первых трех из перечисленных творческих профессий, создающие «не соответствующие» словесные и зрительные образы, чаще иных подвергались опале.

Незадолго до 19 мая 1957 года родители сообщают мне, что они всей семьей приглашены на правительственный прием за городом, где-то в Подмосковье. Это была та самая встреча творческой интеллигенции с партийно-государственными руководителями во главе с Н. С. Хрущевым, о которой и шла речь в газете. Мне, тогда пятнадцатилетней, собственные интересы и планы по

всем законам подросткового возраста были важнее, и я попыталась отказаться, но папа настоял. Встреча была организована на даче Сталина, так называемой дальней, которая была в бывшем имении Орловых «Семеновское», или «Отрада». Приезд на дачу, проверка документов, парковка машины – все тревожило, а вдруг у нас что-то не так. Когда мы подошли к месту со столами на берегу озера, то увидели, что кто-то из гостей уже плескался в воде, кто-то катался на лодке... Природа этого райского места действительно располагала к общению с ней. Там были и лес и большое озеро. Появление Хрущева, Микояна, Булганина, Шепилова послужило сигналом к началу встречи. Все потянулись к столам.

Стол для детей стоял отдельно по левую руку от главных действующих лиц, но не рядом. Я ищу взглядом своих родителей. Серафим Сергеевич, поняв, что серьезного разговора о музыке не предвидится, тихо отправился на берег озера, привлекательно блестящего водной гладью, ибо после выступления Тихона Николаевича Хренникова, сообщившего о музыкальных новостях большой страны, никаких вопросов и никакой дискуссий не последовало. На берегу озера были заботливо разложены удочки, приглашая гостей порыбачить. Уж что там была за наживка – история умалчивает! Пробыл он там совсем недолго и был свидетелем всей дальнейшей, ставшей впоследствии известной сцены.

«Слово», как я уже говорила, беспокоило Хрущева больше, чем музыка! Идеологический «спор» одного человека, говорящего на сильно повышенных тонах, с «виноватыми» привлек всех присутствующих к главному столу... Совершенно четко помню, как Анастас Иванович Микоян пытается остановить сильно захмелевшего Никиту Сергеевича Хрущева: «Ну, Никита, успокойся...» Булганин сидел молча. Весь гнев Хрущева обрушивается на поэтессу Маргариту Алигер. На фоне всего происходящего она, растерянная, маленькая, хрупкая, казалось, была на грани обморока. Она пыталась из последних сил сама себя защитить, и я, как сейчас, помню ее слова: «Никита Сергеевич, что вы говорите. Я же коммунистка – член партии!» Теперь эта встреча описана много раз бывшими тогда на даче и просто слышавшими о ней. Дан скрупулезный анализ всего произошедшего на этой встрече.

Далее помню – гроза! Неожиданно обрушившаяся на все и всех майская гроза с громом и сильнейшим дождем вызывает сейчас различные метафорические мысли, но тогда она сделала главное – ускорила окончание этой «не теплой» встречи! Руководство, спасаясь от дождя, быстро ушло. Все, буквально «убитые», молча стали тоже направляться к выходу по дороге, ведущей к стоянке. Маргариту Алигер, бледную, со слезами на глазах, кто-то ведет под руку...

Бывает так, что пережитое и зрительно, и физически остается в памяти на всю жизнь. Что осталось у меня – невероятная неловкость, как будто это

все происходило лично со мной! Щемлящая неловкость за пожилого человека (это с высоты моего тогдашнего возраста), потерявшего при всех в столь высоком собрании контроль над собой. Физическое ощущение того, что пережила сама Алигер, так неза заслуженно оскорбленная политической бранью при всех. Домой ехали молча с тягостным настроением...

Лет десять спустя на Николиной Горе при случае стали вспоминать это событие. Папа рассказывал о своих впечатлениях. Такие пьяные выходки людей он видел в своей жизни не раз и категорически осуждал и форму, и несправедливость нападок. Моя свекровь, Елена Борисовна Криль, на даче которой на Николиной Горе одно время жила Маргарита Алигер со своими двумя дочерьми Таней и Машей, рассказывала о ее непростой судьбе.

В антракте в Большом театре.
Таня Алигер, Аня Итенберг, Наташа Хренникова

Однако вернемся к книгам... Дарственные надписи на них – свидетельство взаимного расположения, а не просто формального дарения. Это большие роскошные подарочные издания, привозимые папой с разных декад в республиках, съездов, конференций. Некоторые из них были подарками, торжественно вручаемыми после концертов, на них подписи космонавтов, директоров крупнейших заводов, ГЭС, колхозов, многочисленных военных частей. Все эти автографы не только являются памятью о людях, с которыми сводила судьба Серафима Сергеевича, но и дают представление об уровне общения и о географии встреч на территории нашей огромной страны. Книга была лучшим подарком!

Есть полки с книгами, которые превратились в особо памятные, ибо они с автографами многих деятелей искусства, с которыми Серафим Сергеевич общался. От всех, конечно, поэтов, с которыми он сотрудничал, актеров, певцов и вообще самых разных авторов в различных областях: М. Светлова, С. Щипачева, Л. Ошанина, Б. Ефимова, Н. Добронравова, Р. Рождественского, К. Шульженко, композиторов-друзей, многие из которых удачно опробовали себя и на литературном поприще.

Рядом и сохранившиеся сборники песенного творчества советских композиторов разных лет – на все темы любви и дружбы, встреч и расставаний, по поводу всех официальных дат! Я просматривала эти сборники с огромным интересом, с новым чувством нового времени. «Туликов и Мурадели могут написать и на тексты правительственных телеграмм» – шутка-гипербола Богословского была злорадно подхвачена многими, но шутками своими Богословский мало кого, не только из музыкального мира, обошел! Человек-то он был очень талантливый! Поздравляя в 1994 году Серафима Сергеевича с 80-летием в одной из газет, Никита Владимирович сказал корреспонденту: «Мы знакомы с Туликовым более пятидесяти лет. Уверяю вас, что он не “штамповал официозные” песни, а писал их с душой, искренне веря, что они нужны людям. Наверное, поэтому его мелодии вызвали столь большой резонанс. Серафим Сергеевич большой мастер лирики. Я, например, очень люблю две его песни “Мы за мир!” и “Девчонки, которые ждут”. Очень рад, что он продолжает писать новые мелодии. Пользуясь случаем, предаю самые сердечные поздравления с юбилеем».

Серафим Сергеевич часто наигрывал «Темную ночь», особенно после войны, когда в доме бывали гости и все подпевали. И еще отчим моей мамы, вернувшись с фронта, очень любил, когда Сима играл военные песни.

Песни А. Пахмутовой на слова Н. Добронравова «Надежда» и «Нежность» папа считал большими песенными удачами и очень часто играл их для себя, развивая в концертные варианты. Серафим Сергеевич умел признавать творческие удачи своих коллег. Я помню, как, приходя домой с прослушивания новых произведений где-либо, он любил рассказывать об удачных показах и всегда заканчивал фразой: «Способный, ничего не скажешь! Ему только вперед!»

Время бежало быстро вперед! Возможно, он что-то и не принимал сразу, подходил слишком строго со своими критериями классического песенного жанра, но никогда не кривил душой, а высказывал свое мнение открыто, приводя аргументы. Сам папа на то, что было удачно у него лично, или на поздравления с тем или иным успехом обычно говорил: «Получилось, видимо, удачно!», обязательно добавляя «говорят», или «кажется», или «вроде получилось».

Когда Серафим Сергеевич показывал на специально созданной Комиссии по прослушиванию новых гимнов СССР в середине 50-х годов свой вариант

гимна, то после признания Д. Д. Шостаковичем его варианта лучшим написать текст к будущему гимну выразили желание, можно даже сказать, объединившись, шесть ведущих поэтов: С. Васильев, Е. Долматовский, Н. Доризо, М. Матусовский, С. Островой, Л. Ошанин. Была велика на тот момент вероятность «попадания», как всем казалось. Очень трудно представить текст, написанный таким коллективом! Но это факт! А творческая среда не простая среда – во все времена!

Сохранились специально написанные музыковедами работы, статьи в периодике, рецензии, в которых анализируется творчество Серафима Сергеевича, высказывается мнение и впечатление о нем, о передачах, концертах, о юбилеях и обо всем, что сопровождает творческую жизнь каждого. Все это не только о самом композиторе, но и его соавторах – поэтах.

«Поэт Лев Ошанин в своем тексте стремится показать Ленина великим из великих и вместе с тем самым простым, самым человеческим человеком» (Брянцева В. С. Туликов. – М.: Советская Россия, 1965. – С. 19). Ко мне часто обращаются за разрешением использовать какие-то произведения Серафима Сергеевича. Среди них известная песня о вожде. Горячая тема про прошлое! Сейчас это так легко! Я обычно говорю, что такие песни и с тем же героем писали многие. Ответ всегда один: «Видите ли, в чем дело, другие авторы или правопреемники категорически не дают разрешения». Заслуга или наивность моего отца в том, что он никогда не жил двойной жизнью! Сам же поэт очень гордился таким соавторством и огромной популярностью песни, ибо именно он вложил в нее такой смысл, и заслуженно разделял ее успех и авторские гонорары! Многие творцы в разных областях сейчас стараются не вспоминать о своих творческих достижениях тех лет, о произведениях, которые были созданы в советском духе, и ныне от них незаметно отрекаются. Востребованность – это одно, но умалчивание при разговоре о творчестве – это другое. Такие творческие достижения, как и слова из песни, не выкинешь!

В небольшой папке с надписью «Ценные» лежали первые издания военных песен Серафима Сергеевича, изданный клавишник песни «Неизвестный солдат», которую, как говорил папа, он сам ценил очень высоко, и вырезка из газеты о песне «К дальним планетам» с подписью «исполнялась в Кремле». Одним из значимых моментов своего творчества Серафим Сергеевич считал исполнение в большом Георгиевском зале Кремля именно этой песни на слова Ю. Полухина, написанной по случаю успешного полета в космос летчика-космонавта Г. С. Титова, буквально через несколько месяцев, в августе, в том же 1961 году совершившего второй космический полет после Гагарина. Исполнение туликовских песен в Кремле по разным официальным датам было событием не редким. В данном случае и песня, как он считал, «получилась», и само событие было

столь торжественным и наполненным такой искренней радостью, что сопутствовало творческой удаче в целом. Песня звучала в исполнении двух хоров – Краснознаменного ансамбля Б. А. Александрова и Академического хора под управлением А. В. Свешникова в сопровождении двух оркестров – Большого симфонического и оркестра ансамбля Александрова. Оркестры и хоры располагались по обеим сторонам главной парадной лестницы, по которой на прием 9 августа 1961 года для торжественной встречи Германа Титова поднимались члены Президиума ЦК КПСС, первый космонавт Юрий Гагарин с супругой и многочисленные гости. В тот 1961 год после двух успешных космических полетов слова песни воспринимались вполне реально – «Для смелых сердец высот недоступных нет... нас к звездам ведет и на подвиг зовет Созвездье Кремля!» Торжественное звучание песни «К дальним планетам» в обстановке справедливой гордости всех собравшихся многочисленных гостей за успехи СССР в космосе, конечно, было свидетельством осознания создателями величия своей страны.

Анализируя и систематизируя все найденное в кабинете и пытаясь понять своего отца и ту жизнь с ее правилами «геройских будней», невольно печалилась именно по поводу тех песен Серафима Сергеевича, из которых слов, конечно, не выкинешь. Однако их музыкальная составляющая в своем большинстве была достаточно высока, и именно она и сделала многие из них такими востребованными. В те времена у творческих людей разного калибра и жанра была насущная потребность откликаться на современные им события. Практически на все! Свое вдохновение они черпали в современных им темах и ритмах жизни, в делах их современников. С авторами переписывались тысячи читателей, слушателей, и в своих не заказных письмах они выражали свое отношение и поддержку, делились впечатлениями. Письма, которые еще ждут своей очереди в кабинете в папках, были развернутыми: о себе – авторе письма, о своей, как правило, нелегкой судьбе, об отношении к автору и его творчеству, с просьбой прислать ноты или посмотреть предлагаемый текст для, возможно, новой песни с композитором. А вдруг! Всегда в них были пожелания всего хорошего и, конечно, искренняя благодарность за концерт или прослушанную передачу о творчестве. Передачи «В рабочий полдень», «По заявкам радиослушателей» и живущая до нынешних времен «Песня года»... Их было так

много, что все и не вспомнишь, и в них обязательно назывались имена композитора и поэта. Какое невероятное количество лирических и героико-патриотических песен Серафима Сергеевича прозвучало во всех радио- и телепередачах, в бесчисленных концертах по всей необъятной стране! Это и есть поддержка!

Каждая эпоха имеет свое представление о герое – лирическом и героическом, а потому герой, как и всегда было с героями во все времена, часто не столько реальный, сколько идеальный образ. Само искусство – это часто идеалы. Нет идеалов – что остается?

Образ героя тех лет присутствовал практически во всех областях искусства, а творческие удачи были лишь у немногих, именно у тех, кто делал это не только талантливо, но и, главное, – искренне. Талантливое произведение всегда забирает часть души творца. Пусть в кабинете останется все как есть: книги, ноты, рукописи, афиши, периодика, рецензии – огромный бесценный багаж прожитой долгой жизни!

Эпизод 8. «Кто дома? А Алечка где?»

Когда мой папа был дома, то большую часть времени он проводил за инструментом. Не обязательно работал, иногда просто импровизировал, это было особое состояние внутренней сосредоточенности или расслабления и отдыха, просто размышления обо всем. Быть за инструментом – его самое естественное состояние.

В последние два месяца жизни в больнице, потеряв возможность говорить, он все время разводил руки в стороны, пробегал удивительно тонкими красивыми пальцами, совсем не тронутыми возрастными изменениями, по воздуху, как по клавишам, смотрел на меня, поднимал брови, плечи, поворачивал голову в разные стороны. Немой вопрос глазами: «Где мой рояль? Почему его нет?» Комок в горле – трудно вспоминать!

Папа никогда не закрывал дверь в кабинет. Ему не мешали никакие звуки – ни телефонные звонки, ни разговоры, ни хлопанья дверью, ни звуки нашего музыкального дома. А ведь кто-то подсчитал, что в доме было около ста роялей! Музыкальные звуки неслись отовсюду. Мы долго соседствовали через «пол-потолок» с квартирой З. И. Пашковой-Дунаевской. Эта огромная квартира распространялась и под нашими соседями по этажу Бабаевыми, и фортепианный труд и композиторский рост Максима Дунаевского не остался без нашего семейного «прослушивания», хотя кабинет Исаака Осиповича находился от нас далеко. Переехавшие после обмена в их квартиру музыканты Чугуновы распо-

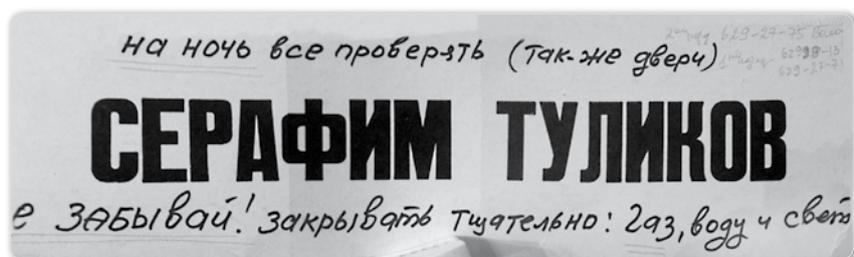
Папа дома

ложили свои инструменты точно под кабинетом Серафима Сергеевича, и их ученики подтверждали почти без перерыва на обед, что никакие музыкальные пассажи никому и никогда сразу не даются. Теперь уже понятно, что в доме обещанной звукоизоляции не было вообще. В каком-то фильме тех лет, типа известного и популярного «Фитиля», выступавшего с острой критикой существовавших тогда исключительно «временных» недостатков, была показана сценка, в которой соседи-музыканты в композиторском доме на Огарева переговаривались через стены или с негодованием стучали палками, метлами за игру в неположенное время. «Пропесочили» по телевизору. Это было целое событие, но без выводов и последствий, кроме, как обычно, по-московски, взволнованного кухонного обсуждения самими жильцами дома и знакомыми их знакомых. Наша знакомая, жившая этажом выше над нашей квартирой, часто говорила папе: «Симочка, я так люблю, когда вы музицируете».

Творческие люди сочиняют всегда и везде. У них нет творческого отпуска! Во время ночного затишья папа, когда не спалось, почти всегда еле слышно перебирал пальцами по чему-нибудь, строго соблюдая правило не играть на рояле после 11 вечера. Часто вскакивал, шел в кабинет, заносил что-то в специальные эскизные тетради. А то просто это «что-то» быстро записывал на любом подвернувшемся клочке бумаги и обязательно клал в верхний карман пиджака. «Папа, потеряешь!» Я, конечно, знала, в чем дело, и скорее подшучивала. «Не волнуйся. Уже это я точно не потеряю», – говорил он и улыбался. Вообще здесь будет к месту вспомнить, как Серафим Сергеевич относился к своим творческим наброскам, записям вообще и к творческому процессу в це-

лом: «Что человек не спит ночью? Он подойдет к роялю. Все спят. Напишешь. Вот хороший вариант! Утром встаешь – что такое!? Как я мог так написать? Самокритика. Самопоедание. Вот, что должно быть в творчестве. Есть себя надо! Это не каждый умеет. Только так можно работать более или менее успешно. Критикуй себя без конца. Не быть довольным!» Он всегда стремился достичь самого лучшего варианта, в своем толковании и понимании, и порой его соавторы не могли его уговорить остановиться в поисках лучшего варианта, считая, что последний наиболее удачный. Он никогда не поддавался ничьим уговорам.

Серафим Сергеевич был очень рассеянный, но не по важным своим делам, в которых его аккуратность и точность поражала, а по всему прочему, что не входило в понятие важности. В Доме композиторов кто-то из оформителей по маминой просьбе написал специальные таблички «Уходя, не забудь...», в которых перечислялись все мероприятия, которые необходимо было выполнить перед уходом из квартиры, да и не только: выключить газ, свет и прочее. В этих табличках в конце перечисления того, чего нельзя забывать, папа очень симпатично собственноручно дописал «отца». Помогало, но не очень. Чайники со свистком и без одного горели нещадно. Часто звонили с концертных площадок с вопросами, не Серафим ли Сергеевич забыл то шарф, то берет, не он ли ушел в чужом плаще. Одевались-то почти все одинаково. Мама, как когда-то в молодости, когда галоши были в большом спросе и их помечали, стала на беретах, шарфах, плащах вышивать красными нитками «С. С. Туликов», что помогало обнаружить хозяина и служило поводом для бесконечных шуток.

Одна из табличек

В своих же профессиональных делах точность и обязательность отца были безукоризненными. Опоздать куда-либо было просто невозможно! На письменном столе всегда стоял перекидной календарь, «добыть» который в течение многих лет было большой проблемой. Ценился тот, где было свободное место для ежедневных деловых записей или примечаний под датой по поводу чьих-либо высказываний. Папа любил их прокомментировать, соглашаясь или возражая. На столе под стеклом были разные фото домашних. Над столом – вырезанный из календаря перестроечных лет храм Христа Спасителя, панорамный

Надпись на обороте: «Река Угра (приток Оки, Калужская область, июнь – июль 2000 г.)
Туликову Серафиму Сергеевичу на память о нашей встрече в санатории “Воробьево”.
Гусаровы Лариса, Виктор. 3.08.2000

снимок, составленный калужским любителем из нескольких фотографий изумительного пейзажа, бескрайних калужских просторов с небольшой речкой, перелесками, уходящим далеко за горизонт, фото со спины грустного мальчугана в зимней шапке, бредущего с ранцем через снежный лес, видимо, в школу. Про последний снимок папа обычно говорил: «Вот и Антошка пошел в школу и на всю жизнь надел ранец проблем».

У нас как-то не было принято вешать фотографии папы с кем-то из известных деятелей. Вот на стене одна из любимых моих фотографий, снятая где-то в Комсомольске-на-Амуре во время творческих поездок: Туликов с аккордеоном, Островский с трубой, вот они сидят на корточках, а босоногий мальчишка в широченных трусах отплясывает под музыку «заезжих» музыкантов – гостей. Родные – портреты маленького Симы с мамой, моей бабушкой, Александрой Александровной Бобоедовой, другая моя бабушка – красавица, мамина мама, папа вместе со своим крестным, приемным отцом Туликовым Сергеем Михайловичем, фото мамы и мои и, конечно, любимого внука.

Всем хозяйством в доме на Огарева руководила мама. Особых помощников в нашей семье никогда не было. Разве только, в течение нескольких лет, Ольга Александровна, которая была добрым ангелом и вечной просительницей у Бога защиты всем. Она была одинокой, сын погиб (никогда не говорила, как и где), всегда работала у кого-нибудь. Была немногословной, незаметной и глубоко верующим человеком огромной души и преданности к нам. Обязательно по дороге заходила в «Неждановскую» церковь и, придя, шла в кабинет к Серафиму Сергеевичу, что-то приговаривая, расставляя какие-то свои знаки: «Серафим Сергеевич, вы на меня не обращайтесь внимания. Я тут по-своему прибираюсь».

С. Туликов и А. Островский
с «местным населением»

Веселая репетиция

А Алечка где?» –
«Я ту-у-ут!»...

Бог даст, Бог даст!» «Да, Ольга Александровна. Я рад. Все знаю, все чувствую». Ему-то было не знать всех обрядов! Подаренный ею «Новый Завет», потертый (похоже, переплет был когда-то темно-бежевого цвета), подклеенный, невесть какого года издания, с чьим-то «антикварным» номером телефона с начальной буквой «К», и поныне излучает, помимо мудрости, такое удивительное тепло, что создает родное домашнее ощущение. Невольно опять возникает все, что связано с этой квартирой и с этим домом: музыкальные звуки отовсюду – самые разные, и шум машин со двора, и дворник Леша с кем-то переругивается, и звонок в дверь и папин голос с обязательным вопросом: «Кто дома? А Алечка где?» – «Я ту-у-ут!»...

Серафим Сергеевич любил ездить на Центральный рынок у Цирка. Туда ездили многие из нашего дома. Там, на рынке, в одном из отделов работал некий Николай Юшин, который оказался неплохим поэтом-самородком. И среди песен, написанных на его слова, есть и такая популярная в свое время, как «Травы, травы...», написанная совместно с композитором В. Шаинским. Но почему-то папа песен с поэтом, который пользовался такой популярностью у «музыку творящих» клиентов, писать не стал.

На рынках папа никогда не торговался, обожал поговорить со всеми продавцами и покупать хозяйственные мелочи – ножи, весы, бочонки, просто так, потому что нравилось, но в хозяйстве они никогда не использовались.

Когда бывали гости, он придирчиво осматривал стол – «курировал», и не дай бог, если на столе, с его точки зрения, было слишком много незаполненного пространства. Папа грозно шел на кухню и заявлял, что еды не хватает, сердился, почему не сказали заранее, не предупредили. Мама, ее подруга Юдифь Михайловна Вязьмина и я почти со слезами на глазах его уговаривали, что совсем наоборот, всего очень много. «У нас в Калуге было принято, чтобы стол ломился». «Папа, ты уже говорил это несколько раз!» – смело возражала я. «У нас в Калуге принято повторять одно и то же несколько раз. Что же тут плохого!» Возразить было нечего. «У нас в Калуге» – всегда было аргументом в пользу не только хлебосольства, но и благородного достойного поведения, и не дай бог, показаться чересчур на-

На Огарева. Игорь, Аля, Антон,
Софья Яковлевна, Серафим Сергеевич, Борис

стойчивым, а попросту говоря, наглым, отнестись к своим обязанностям спустя рукава, хвалиться и – самое страшное – унизиться. Папа часто повторял, особенно в трудные годы «перестройки»: «Не надо лишнего. Лишнего не надо! Надо чтобы было достойно»!

Эпизод 9. «Лавка древностей»

В результате проживания на одном месте в одной квартире с близкими тебе людьми создается мир вещей. Каждая конкретная вещь, хотя и не так «болтлива», как фотография, даже не цветная, но образ ее в памяти более многословен и многослоен, осязаем и оттого становится необычайно одушевленным. Вещь, которая возникает в твоём окружении, порождает разговоры о ней, об истории ее появления, а раньше – ее особого «доставания», с ней связаны необычайное любопытство (что скрывается там за шелестом разворачиваемой бумаги?) и рассказы о том, где и как удачно она была куплена или подарена. Потом начинаются поиски для нее достойного и видного места – самого-самого, а потом ее беспокойное перемещение по квартире, так как появилось что-то новое, а эта, старая, уже потеряла блеск новизны и наш восторг по поводу приобретения. Она отправляется в скрытые от глаз места, покрывается пылью или переезжает в старой коробке совсем в ссылку – на дачу. Порой случается и ее триумфальное возвращение со словами: «Как это мы про нее забыли? Ведь это удивительная вещь! Сонь, а ты помнишь, как мы ее купили...? Конечно! Ты еще тогда бегал срочно в сберкассу!» Да мало ли что! Как в знаменитом романе Диккенса «Лавка древностей»: «Ночь – это мое обычное время для прогулок» – только там по Лондону, а у меня по квартире и по дому, которые мне напоминают не лавку и уж, конечно, не древностей, среди которых можно обнаружить вдруг столик Наполеона или карандаш великого композитора XIX века. Это просто целый мир дорогих сердцу и любопытных вещей, принадлежащих мне и времени, о которых каждый день не помнишь. Именно поздними вечерами, когда дневная суета угмонится и наконец отправляется подремать, вспоминаешь все так ясно и слышишь голоса, и начинаешь все вещи заново узнавать и любить. Прогулки среди старых и не очень вещей прелюбопытнейшее занятие.

Папа очень любил бродить среди «рыболовных» продавцов, сидящих и стоящих на Тишинском рынке со своими удивительными поделками и старыми предметами, могущими принести удачу в рыболовном деле. Там были им куплены удивительные перочинные складные ножи всех времен и народов, весы, короба и коробочки, самодельные ведерки – настоящие шедевры частного

производства, интересные книги... Невдалеке, там же, рядами сидели продавцы всего того, что ныне носит название «блошиный рынок». Сегодня, зачастую стыдясь русской блохи, хоть ее и подковали и прославили, любители всякого старья эти рынки называют не иначе как по-иностранному – «flee market». Хотя в последнее время первичное название этих мест обрело некую гламурность и их посещения стали престижными.

Я принадлежу к тем людям, которым невыносимо что-то выбрасывать без крайней необходимости, и к тем, кому невыносимо, когда кто-то что-то выбрасывает. Во многих семьях дети стремятся поскорее приспособить оставшееся им в наследство жилье, что вполне понятно, и в суете выбрасывается «история» не только их родителей, но и их собственная, что вызывает большую горечь. Для меня старые вещи – память о жизни, прожитой с моими родителями, и о том времени, которое было нам всем отпущено быть вместе с радостями и огорчениями, расхождениями и схождениями. Винтаж! Это как хорошее вино, о чем говорит и само первоначальное значение этого слова, с годами оно отбрасывает все ненужное, оставляя только вкус великолепной выдержки, сохранности и желание почувствовать этот его вкус. «Вкус» старых вещей – для нас это заново посмотреть, потрогать, вспомнить! Когда нам хочется, вещи с нами разговаривают, и совсем неважно, очень полезные они или нет, они знают и помнят много всяких историй, нужно их только разговорить!

* * *

Вот невысокая ваза с выгравированной надписью по поводу получения папой Сталинской премии в 1951 году. Она «пузатой» формы с узким горлом для цветов, ярко-голубого цвета с разноцветными многолепестковыми цветами по всему фону. Цветы совершенно неопределенной породы, и их так много, что не требуется реального наличия цветов в самой вазе. Весь ее облик – сплошная нескрываемая радость по поводу собственного появления на свет и восторг по поводу папиной премии!!! Вот она-то и была долго в «забытье», но ныне занимает почетное место как яркий представитель счастливого плодотворного расцвета советского фарфора. А вот другая ваза – фестивальная награда 1955 года в Польше, о чем опять же свидетельствует выгравированная надпись. Тяжеленный пафосный хрусталь – настоящий. Ее очень берегли, часто мыли в «синьке», чтобы блеск был еще «блестящее», и на ней трещина как в толстой чугуине, и все дома удивлялись ее жизненной прочности и стойкости, и никто так и не вспомнил, откуда эта трещина «взялась». Какая разница, ведь не продавать же!

Папа находил удивительные по тем временам элегантные чайные и кофейные сервизы. Они были очень строгого классического стиля, и доставали их

только тогда, когда были гости, хотя и часто. Но есть один кофейный набор, на который я не могу смотреть без улыбки. Он приехал с папой из Франции. Разворачивая из толстенной бумаги чашки и блюдца треугольной формы, на вид сделанные из голубовато-серого мрамора в очевидно выпуклую темную крапинку, абсолютно неприемлемые для использования, папа нам гордо сообщил, что это из мастерской самого Пикассо, сделанные по его – Пикассо – эскизам! Получалось – как из собственных рук художника. «Герника», «Голубь мира», «Девочка на шаре» да и многое другое из творчества прославленного художника было знакомо и принималось, если и не душой, то как нечто значительное. Я тайно попыталась попить из чашки хотя бы водички. Конкретное применение по назначению, видимо, не предполагалось! Наш сервант, где он скромно стоит до сих пор, с достоинством демонстрирует якобы работу мастерской великого художника, дизайнера и мастера декоративного фарфора, хотя производство последнего, конечно, было поставлено во Франции на мощнейший поток. Ныне краснодарский ООО «Кубань-фарфор» выпускает посуду в стиле Пикассо. Все равно интересно – все-таки папе сказали, что из мастерской самого Пикассо! Он был невероятно доверчивым человеком! Я тоже верю!

* * *

Говоря о мире старых вещей, вспоминаю бесчисленные распродажи на «блошинных рынках» в дальних странах, например, на Портобелло-роуд в районе тихих улочек в сердце Ноттинг Хилла в Лондоне или в небольшом городке Мартинез в Калифорнии, где целая улица торгует предметами, возраст которых всего лишь несколько десятков лет. Людей почему-то тянет в мир вещей, пусть из недалекого, но прошлого. Даже вещи, появившиеся несколько лет тому назад, позволяют каждому вспомнить о чем-то... Почему вспоминаю эти места – просто потому, что там побывала и, бродя по местным улицам вдали от московской суеты, предавалась созерцанию, размышлениям и мечтам. Вот витрина с небольшим столиком, накрытым для чайной церемонии по нашему, не японскому, образцу, правда, осовремененному – без самовара. Как было бы уютно устроиться дома и пить неспешно чай или кофе вот, например, из такой красоты! Толстенный молочник, возможно серебряный, чуть побольше – толстяк-кофейник и две чашки с блюдцами – тонкими с кружевной гравировкой. У нас дома есть похожий – кто-то папе подарил. С благодарностью приняв подарок, он потом нам сказал: «Ну, это больше к маминому калужскому сервизу подошло бы!» Моя мама всегда подарок чистила мелом, он темнел почему-то, видимо, от не востребованности. И никому не приходило в голову пить по утрам из него кофе! У папы были специальные чашки с крышечкой в большом количестве – и для кофе и для чая. Они бились, крышечки

терялись, и был удобный повод подарить новую кружку, особенно удивив папу с мамой той, на которой была напечатана фотография внука или их собственная на ее – кружкином – толстенном фарфоровом туловище! Нынче ведь все с бумажно-картонными кружками, в которые вставлены совсем не соломенные соломинки, – сидят, стоят, идут, едут. Мы, правда, всегда сидели за столом, а вот внук Серафима Сергеевича – Антон – уже с ними, кружками, ходит и едет, но (бальзам на мое сердце!) все же признается, что больше всего любит с чашкой кофе посидеть во дворе университета или рано утром дома за столом!!!

Папа, как и многие люди в его возрасте, страдал от бессонницы, боролся с ней, но ничего не помогало. Он вставал и шел на кухню разогревать чайник. Садиться за инструмент было нельзя – ночь! Папа насыпал в свою привычную кружку щедрой щепоткой «проверенный» индийский чай со «слоном», который давали даже в трудные времена в «заказах», клал четыре-пять кусков сахара и долго размешивал, сколько я себя помню, всегда только одной ложкой, десертной маминой – Александры Шмаковой – с инициалами А. Ш., хорошо сохранившимися, несмотря на возраст, свою затейливую старинную вязь. Долго сидел за нашим кухонным столиком, подперев голову рукой, задумчиво глядя в окно без рассвета. Иногда вставал, шел в кабинет, возвращался... Чай, настоявшись, успевал прожить свою одинокую невостребованную чайную жизнь, окно светлело... Никто никогда не узнает мыслей человека, проснувшегося среди ночи со своими думами! Иногда это творческое бдение, а то и возбуждение от прожитого дня с бесконечными трудами, волнениями... По ночам все «материализуется» в тревожных очертаниях.

* * *

Часы! Наручные, настольные, настенные. Наручных у папы было невероятное множество, особенно с выгравированными дарственными надписями от губернаторов, директоров военных и невоенных заводов, от милиции, от войсковых частей... Часы советские у нас были лучшие в мире, как и мороженое, – самое вкусное в мире. Мы никогда не сомневались, ибо сравнивать было не с чем. Часы всегда считались хорошим подарком, а на съездах обязательным приложением к деловой папке полной всяких писчебумажных принадлежностей, которыми мне «пока» не рекомендовалось пользоваться. Это все представляло собой некую торжественную целостность, которая должна была оставаться незыблемой. Для кого и для чего – не говорилось. Я теперь думаю, что скорее из-за исключительности канцелярского бумажного товара в нее вложенного. Если бы я смогла объяснить и описать те чувства соблазна, которые мной овладевали! Так хотелось воспользоваться симпатичными блокнотиками из папки настоящей кожи и использовать их в качестве чего-нибудь, чего

точно – в мечтах не очень четко определялось. Никто даже и не говорил слова «нельзя», ибо это была очевидная «очевидность». Теперь это свидетельство истории – всех съездов и конференций, в которых Серафим Сергеевич принимал участие. Часы исправно тикали, будильники всех видов будили в 4.30 утра, а то и раньше, если папа отправлялся на рыбную ловлю. Вставал он раньше всех своих рыболовных сотоварищей, ибо всех собирал по пути к «заветной цели» по разным адресам Москвы. Из настольных часов в нашем доме перебивали все образцы часового завода Москвы – квадратные, круглые, классические деревенские с громким уютным тиканьем каждую секунду, тяжелые в пластмассовом обрамлении загадочного фасона в виде ключей и неопределенного оранжево-желтого цвета... Больше всего мы любили часы, купленные папой при въезде на Огарева. Они до сих пор стоят на своем привычном месте, укоризненно помалкивая, ибо требуют не только молчаливого обожания, но и конкретного внимания к их замолкнувшему удивительно мелодичному бою. Часы орловские с боем, настольные, выпуск 50-х годов. Увы, не работают, но есть в задней стенке за дверкой паспорт, который обо всем и сообщает. Сами часы – толстые, закругленно-прямоугольные с возвышением в форме купола, плавно выползающего из прямоугольника, полированные под красное дерево, с круглым ясным циферблатом. Два глаза с бровями-стрелками в разные стороны как бы приглашали завести часы. Ключик за дверкой признавал только одного хозяина – папу, который их заводил не до самого упора, как делали мы, не уважая сложную часовую механику, а так, чтобы их, по словам папы, музыкальность не задыхалась от перекрутки, а имела свободный ход. У них был действительно приятный бой – среднего тона, не тихий и не громкий, не быстрый и не медленный, а такой, чтобы под их привычное домашнее «отбивание» скоротечности временного бытия было приятно засыпать и просыпаться без всякой вины по поводу потерянного времени. Громкий бой всегда как бы укоряет «Ну что ты спишь? Время-то твое уходит!». Настенные часы, доставшиеся папе от его двоюродной сестры Галины Васильевны, были воссозданы им буквально из руин. Мало того что мастер «достроил» недостающие деревянные части их замысловатого декора, папа еще долго искал специальных мастеров, чтобы оживить их ход и бой. Он возил часы из мастерской в мастерскую, приглашал домой по рекомендации разных специалистов – часы поддавались, но ненадолго. Папа говорил, что у них с его мамой в Калуге были похожие – в этом-то и было все дело! Я думаю, что все настенные часы того времени, висевшие в каждом доме, были привычно похожими друг на друга, традиционным домашним атрибутом, но ему так хотелось вернуть, как казалось, именно те самые по похожежности, которые были у него с мамой. Хотя бы воссоздать! А уж воображение поможет!

* * *

Книги, книжки, книжечки... Книга всегда считалась в нашем доме замечательным подарком! Их великое множество... Сейчас я бросаю взгляд, проходя мимо книжных полок, на ту из них, которая, напоминает мне о доме больше всего. «Лавка древностей», возможно, первоначально напоминала книжный магазин, где было самое большое разнообразие всего!

«Книга – лучший подарок» – это незатейливое, столь привычное изречение советских времен, пожалуй, одно из немногих, которое воспринималось тогда всеми без отрицательного саркастического подтекста. Любая, даже небольшая библиотека почти каждой семьи в нашей огромной стране обязательно имела книги, полученные в подарок: за дружбу, за службу, по поводу и без... На форзаце внутри книги, часто чуть наискось, в верхнем правом или левом углу обязательно ручкой могло быть написано: «Дорогому (ой) ... в день ... на долгую память от...». Если это были подписи авторов, то книгами особенно гордились, показывали их гостям, ставили на особую полку, и они сразу превращались в особенные, а то и в библиографическую редкость. Книги, наверное, больше, чем игрушки, напоминают нам о доме и о детстве. Для меня до сих пор остается самой волшебной подаренная папой книга «Малахитовая шкатулка» П. Бажова 1950 года издания. Он купил ее в букинистическом магазине в Ленинграде. Среди всех книг на белом свете она, пусть еще не дожившая до своего антикварного возраста, – одна. Таких счастливых, как я, в стране было сорок пять тысяч мальчиков и девочек – таков был скромный тираж этого воистину сказочного издания по тем временам! Книга в черной с зелеными разводами суперобложке, а ее великолепные иллюстрации прячутся под мато-

Подарок от папы. 1952 г.

выми листами кальки, через которые проступают очертания сказочных видений, завораживающих меня и поныне своим загадочным цветом медной зелени. Завораживает и текст своими чудо-словами, передающими удивительно мягкий уральский говор, – еще более оттеняющий загадочность повествования!

* * *

Книги, книжки, книжечки – записные, телефонные... Они вызывают самые разнообразные чувства, а потому бесценны, неповторимы, полны всяческих историй, прекрасных или грустных, и связанных с ними радостей, обид и разочарований, почти как настоящая книга. В них юмор и бесовщина, непонятные намеки и многозначительные паузы. Телефонную книжку нельзя у кого-либо попросить почитать, и вы никому не доверите свою. Ее можно бесконечно корректировать, зачеркивать в ней что-то, делать новые записи. И вы в полном ужасе, если она теряется! В ней цифрами и краткими записями выражено все, что вызывает у меня светлую радость и печаль....

В истории прежнего поколения, и папиной в частности, роль телефонной книжки была так велика, что потеря ее расценивалась трагичнее, чем потеря бумажника. Восстановить утерянную книжку можно было лишь частично в зависимости от свойств памяти, прочной и не очень, из разных записочек и тому подобного... Это было «хранилище» координат всех знакомых, близких и не близких, деловых и просто так по принципу: «Ну, пока, увидимся, запиши мой телефон!» Визитные карточки тогда были еще большой редкостью.

Телефонные книжки непременно обитали в женских сумочках, в мужских внутренних карманах и портфелях. Некоторые из них достойны были стать замечательным подарком. Моя записная книжка-сувенир «Золотое кольцо» в черной блестящей обложке палехского образца с царем Додоном и Золотым петушком и с фотографиями достопримечательностей этого туристического маршрута была мне подарена родителями во время нашего путешествия всей семьей по этому Золотому кольцу. Таких книжек теперь не делают!

Было еще одно место обитания телефонных книжек. В каждой квартире, коммунальной или нет, большой или маленькой, одним из важнейших мест является телефонный столик или полка. Они всегда оформлялись, хотя и по индивидуальному воображению, но почти одинаково, находились чаще всего в прихожей: салфетка или салфеточка под ценнейшим аппаратом черного цвета для связи с человечеством, настольное или настенное освещение, как правило, неяркое, невольно подчеркивающее интимность предполагаемого общения, бумага, карандаши и ручки. Последние всегда, по только им свойственным правилам поведения, куда-то исчезали, и беседующий, извиняясь, убегал от телефона на часто затягивающиеся поиски. У нас это было обычное:

– Ничего в доме не лежит на месте! Алечка, куда делись все карандаши?! Почему ты никогда не кладешь их на место?

– Почему всегда я?

В коммунальных квартирах номера телефонов и некоторые сведения записывали на стене, что превращало эти монохромные и полихромные скорописные петроглифы в материал для разгадки грядущими поколениям. У нас в квартире был и есть некий столик с ножками с претензией на лапы со всей полагающейся данному месту атрибутикой и всеми присущими ему свойствами. По бокам два кресла, но в креслах почему-то никто не «рассиживался» и разговаривали стоя. У папы в кабинете был, конечно, свой телефон, меняющийся по мере его совершенствования от традиционного диска для набора номеров до кнопочного, и мы все любили болтать «по папиному» в кабинете, если его не было дома. Телефон долго был атрибутом недоступным многим, несмотря на успехи в космосе. Скольким папа помог добиться установки телефона! Это была невероятная проблема. Специальные письма с перечислением заслуг перед страной и описанием сложнейших семейных ситуаций, с приведением доводов, свидетельствующих о насущной необходимости по творческим соображением, со справками от врачей, потом папины звонки и запись на прием к... Очень часто ему удавалось помочь. Вот записные книжки и хранили все нужные телефоны – шаги и для достижения этой цели.

У папы был специальный ящик для хранения записных и телефонных книжек, каждая из которых была им подписана его замечательным красивым почерком... Самая-самая старенькая – с буквами алфавита, написанными еще от руки, с телефонами шестизначными, начинающимися с буквы, да и их не так и много, больше – адреса. Во второй половине ее – этой наипотрепаннейшей, с бахромой – расписание занятий: теория музыки, стихи, диктанты и задания по сольфеджио. Два в одном. Впоследствии телефонные книжки растрепывались, записи налезали друг на друга, и Соня получала задание все переписать в новые, с обязательным папиным указанием: «Соня, ничего не пропусти! Там могут быть невосстанавливаемые!» Существовала еще и специальная книжка по ремонту автомобиля, где практически не было номеров автомастерских, а были бесконечные Толи, Володи, Саши, часто с именами жен и детей, с описанием части автомобиля, по которой тот или иной был особым спецом: мотор, замки, жестящик, наладка колес, смазка и прочее, гаражи всех министерств и крупных организаций. Так чинили автомобили все. Я вспоминаю, какое расстройство вызывали неполадки в автомобиле не только у папы, но и у всех знакомых по причине невероятной сложности доставания деталей и прочего. Не говоря уже о покупке самой машины. Сейчас все решают деньги, и тогда надо было платить, но еще надо было найти – кому заплатить! А телефонная

книга – конкретное и красноречивое свидетельство особенностей той жизни. В одной «прогрессивной» старенькой записной книжке в черной пластмассовой обложке 60-х годов того столетия, наверное, подаренной папе после выступления в «околоаэрофлотной» организации, на ее первой истрепанной странице были даже перечислены адреса и телефоны агентств и представительств Аэрофлота от буквы «а» (Аккра, на улице Кваме Нкрума, 399/4) до буквы «х» (Хельсинки, на улице Теленате, 4). Перечисления городов вызывали угрызения совести – уроки географии тоже очень важны, их нельзя прогуливать. И все, больше никаких реальных ассоциаций! Серафим Сергеевич регулярно, как и вся музыкальная общественность, получал телефонные книги, издаваемые ежегодно Союзом композиторов, со всеми адресами и телефонами не только всех композиторов, но и всех музыкальных организаций, всех музыкальных редакций радио и телевидения Советского Союза и всего прочего, связанного с культурой. Это были телефоны не только формальных секретарей, но и руководящих лиц, и все это в достаточно открытом доступе. Однако и эти книги были еще папой дополнены «наиважнейшей» информацией с продолжением. Какой феноменально огромный круг общения! Пролистывая их сегодня, я не задаюсь целью перечислять знаменитые фамилии деятелей искусств, которые там были папой записаны. Очень известных пока помнят все...

Вот номер телефона Валентина Алексеевича Макарова – очень в свое время известного композитора.

Высоченного роста, брюнет с голубыми глазами. В кабинете у папы всегда висела его фотография с двумя значками Сталинской премии на пиджаке. Ведь раньше просто так кнопкой или швейной булавкой фото к стене не прикрепляли, у нас дома во всяком случае. У мамы был некто Федор Васильевич, по заказу вставлявший фото в рамки, из которых «попавшему» туда образу выхода обратно не было. Он их запаивал там навечно. Выглядело все очень аккуратно и достойно. Я об этом вспоминаю потому, что это не было случайной фотографией на стене в период дружбы. Подарена осознанно, на память. Валентин Алексеевич был несколько старше папы, он из российской глубинки, окончил Музыкальное училище при Московской консерватории, потом был там же вольнослушателем в классах по композиции, по инструментовке и всему другому, как и полагалось для получения композиторского образования. Во время войны Валентин Алексеевич служил во флоте. Мои родители очень дружили с ним

В. А. Макаров

и его женой, которую, кажется, звали Симой. Я помню, как мы жили в Рузе. Это был первый папин приезд в столь дорогое для всех впоследствии место, в самую маленькую из всех дач – в шестую. Дали одну дачу на две семьи, а я, семилетняя, спала на раскладушке и была не в счет. Все время они смеялись, шутили, наперебой что-то друг другу рассказывали, наигрывали на стоявшем там пианино, а не рояле, как обычно, ввиду крошечности самой дачи. Мама очень часто пела его песню на слова Якова Шведова «Рос на опушке рощи клен...». Удивительная напевная, грустная мелодия с прелестными, трогательными простыми словами, которая сегодня в народе называется «свадебной». Она давно не соотносится ни с именем композитора, ни с именем поэта. Считается народной.

Рос на опушке рощи клен,
В березку был тот клен влюблен,
Березка к другу на плечо
Не раз склонялась горячо...

Валентин Алексеевич работал во многих жанрах, но отчетливо помню его хоровую сюиту «Река-богатырь» на слова Якова Белинского, которую они вместе с папой часто играли и что-то свое обсуждали. Сколько же великолепных оптимистических и свежих сочинений он оставил, уйдя из жизни в возрасте 44 лет в 1952 году! Как замечательно, что папина телефонная книга мне напомнила о его друге и великолепном музыканте. Их, конечно, объединяли общие истоки и музыкальное единомыслие.

В одном из клубов Москвы 18 декабря 1953 года прошел концерт, составленный из произведений двух композиторов: В. А. Макарова и С. С. Туликова, но при участии уже только одного Серафима Сергеевича. Это был вечер памяти о большом друге – рассказ и исполнение его произведений. Возможно, были и другие, но я говорю только об этом концерте, афиша которого сохранилась в архиве Серафима Сергеевича.

Шумит, растет кудрявый клен.
Одной березке верен он.
И лишь для клена каждый год
Березка стройная цветет...

Грустная история!

В записной книжке бесконечная смена адресов и номеров телефонов, последний номер, совсем далекий, на английском языке, – еще одного близкого человека нашей семьи. У мамы была подруга Юдя – Юдифь Михайловна

Вязьмина – подруга далеких школьных лет, которая со всеми своими и нашими заботами была почти членом семьи. Супругом Юдифи Михайловны был рано ушедший из жизни замечательный музыкант-самородок Николай Николаевич Вязьмин (1919 – 1968), известный в свое время исполнитель – виртуоз игры на балалайке. Он был автором оригинальных произведений, множества обработок и переложений для этого интересного народного инструмента. Николай Николаевич – дядя Коля – был родом из поселка Красное Сормово Нижнего Новгорода. У него не было никакого специального музыкального образования. Однако как-то где-то он освоил свой инструмент, впоследствии служил в Ансамбле песни и пляски Балтийского флота, выдержал долгую трудную блокаду в Ленинграде, потом вместе с ансамблем уехал в Клайпеду. В Москве он был принят в Оркестр русских народных инструментов Всесоюзного радио и телевидения под руководством сначала Николая Сергеевича Речменского, а потом Владимира Ивановича Федосеева, который сам начинал баянистом этого оркестра. Работая в Москве, Николай Николаевич стал концертмейстером балалаечной группы и периодически выступал с сольными концертами. Ранее самостоятельно и в период работы в оркестре он овладел музыкальной грамотой и стал автором собственных оригинальных произведений для балалайки с фортепиано, баяном и оркестром, осуществил большое количество обработок и переложений. В 1966 году вышло написанное Серафимом Сергеевичем «Каприччио» для балалайки. Хотя и нет посвящения, но мы все знали, что оно было написано специально для Николая Вязьмина. Впоследствии это «Каприччио» превратилось в концертное произведение для оркестра народных инструментов и солиста. Я помню Владимира Ивановича Федосеева и музыкантов-коллег на поминках в маленькой квартире Вязьминых на улице Правды в Москве. Имя этого скромнейшего человека внесено в список музыкантов-виртуозов России, который начинается с имени великого Андреева Василия Васильевича, стоявшего у истоков популяризации и серьезного отношения к балалайке – замечательному инструменту, по праву носящему звание одного из символов русской культуры. История «Каприччио» не заканчивается – его в настоящее время виртуозно исполняет народный артист России В. С. Иванов.

Н. Н. Вязьмин

Теперь существует иная, удивительно компактная форма хранения телефонов и адресов. Удобно! Мобильные телефоны кишат сокращениями: Вл. Тр. пом. – 8 903... Почему же в магазинах такое удивительно красочное, да и, что там

говорить, по немалой цене телефонно-книжное разнообразие все больше иностранного производства. Значит, там они нужны, значит, и они станут свидетелями не только тамошней, но и нашей нынешней жизни!!! Может быть, где-то есть и в твердой обложке на память о наших достопримечательностях и о Золотом кольце. А папины выбрасывать не стану – там еще много можно вспомнить о жизни той – друзья, коллеги, концертные залы, дома творческой интеллигенции... врачи, аптеки, магазины... Правда, уже почти никому нельзя позвонить.

* * *

Кортик. В оружии у нас, естественно, никто дома не разбирался и даже не помышлял об обладании таковым. Хотя папа в охотничьем оружии, видимо, разбирался, так как крестный Сергей Михайлович был охотником, по папиным рассказам, и, конечно, «охотничьи ружья у него были видные», что означало «хорошие, не дешевые». Наверное, и давал попробовать папе, не знаю. Папа в детстве ограничивался ловлей птиц, то ли силками, то ли еще какими приспособлениями, да и удочками для рыбной ловли. И вдруг дома настоящий кортик в красивых ножнах, именной – оружие, хотя и холодное, но колющее. Кортик обычно носили офицеры и гражданские чиновники морского ведомства. Да и вообще в этот роскошный атрибут парадной формы в нынешних условиях генералы, адмиралы и иные могут «принарядиться» по особому указанию, например, на парад... Для меня кортик – это книга «Кортик» Рыбакова, в которой беспокойные, любопытные мальчишки с обязательно по сюжету допущенной в их компанию девчонкой пытаются разгадать загадку старинного кортика. Честно, подробностей уже не помню, но помню, что оторваться от этих приключений было нельзя.

Конечно, наш «домашний» кортик – наградной, но по всем правилам высокой награды – настоящий. Иногда его вынимали из синей коробки, где он торжественно возлежал на красной ткани, напоминавшей мне пионерский галстук. Мужчины осторожно трогали лезвие, приговаривая: «Да... Ну, что ж, оружие...». Каждый прикладывал кортик в ножнах к своей ноге, кто выше, кто ниже, кто справа, кто слева, примеряя к своему внешнему виду. Про специальный пояс с портупеей, в которой носили сей вид холодного оружия, никто не вспоминал. Народ-то все больше гражданский. Однако было очевидно, что мужское начало и в отношении к оружию – абсолютно неперемное условие. Папа гордился такой наградой: «Композитору Туликову С. С. в день 50-летия от Министерства обороны СССР 1964 г.» Министром обороны тогда был Р. Я. Малиновский. А я сейчас, вспоминая, решила, что обязательно перечитаю «Кортик».

* * *

Подарки...Что дарят влюбленные друг другу? Дарят то, что по карману! Карманы бывают разные: маленькие и большие, из очень добротного материала и не очень. Дарят обычно от всей души: чтобы выразить свои чувства, обрадовать и вызвать восторг в глазах и словах любимой, дать понять, что..., намекнуть, поразить, самому получить удовольствие от увиденного восторга и неподдельной радости... Я знаю, что у папы в молодости, как и у большинства студентов, карман был явно маленький, а порой и очень, но подарить ему всегда хотелось как из большого и добротного. Он если и копил, то тратил все накопленное или полученное сразу, не задумываясь о последствиях... Так было всегда. Знаете, есть люди, которые при случае первые достают из кармана деньги, чтобы заплатить, угостить, купить что-то для всей компании. Таким был мой отец. Если идти на день рождения, то Соне поручалось купить самое лучшее, если мне подарок, то не терпелось мне его показать, чтобы увидеть мой восторг и не ждать до дня рождения. А прийти к кому-то в гости в дом с «пустыми», как говорят, «руками» считалось неприличным. Деньги выкладывались до предела! Вот стоит поднос серебряный, а может, и нет, с двумя ручками, соединенными полукруглыми кольцами, для того чтобы объять нечто хрустальное, которое элегантно, наверное, там размещалось и принимало в себя дары природы – фрукты, как полагалось. «Милой Сонечке в день двадцатилетия. 1939, 12 февраля» – гравировка на подносе. Сколько стипендий туда вошло в 1939 году – не две и не три! Сонечка, конечно, была совсем не избалованной и вообще поразительно бескорыстной и такой роскошью поразила очень. Дома эту красоту называли ладьей по причине ее формы и красивых ручек, но не уберегли. Хрустальное туловище-полость разбилось где-то когда-то! Наверное, во время «путешествий» из одной съемной комнаты в другую, но вещь все равно представляет собой нечто цельное и бесценное благодаря надписи, которая теперь уже никогда «не потеряется»!

* * *

В кабинете у папы, что естественно, всегда жил метроном Н. Мельцеля – старинный из старинных, очень «изношенный» по причине невероятного количества прожитых лет и прикосновения самых разнообразных рук. Надпись на шестиугольной табличке – «METRONOME de MAELZEL» с названием всех городов, где венский мастер был известен своим изобретением, четко прочитывается. Табличка, разумеется, не включила весь тот огромный мир, где метроном, как правило, сопровождал музыкальный рост музыкальной части человечества с XVII века. И даже мне служил недолго! Метроном, безусловно, перешел папе от его мамы, из семейства Шмаковых, где все были музыкальными мастерами...

Этот механический дирижер, по одному из преданий, был создан специально в помощь Бетховену, за что великий композитор посвятил шуточный канон в честь Мельцеля в своей Восьмой симфонии. Так ли это? Сейчас, в столь поздний час, это не очень и важно, но хочется, чтобы было именно так! Вынимаю маленький крючок из петельки, откидываю осторожно одну из стенок деревянной пирамидки, сложенной из таких же деревянных дощечек, и передо мной шкала законов музыкальных темпов. Упругая стальная, а раньше деревянная, наковальня с молоточком равномерно отбивает темпы по моему желанию: медленные, умеренные, быстрые... Все человеческие жизни, как музыкальные темпы, – то так, то эдак. Композиторы в своем творчестве используют разные темпы, но живут по темпу, данному им от природы: *Andante*? *Lento*? *Sostenuto*? *Allegro*? *Vivo*? *Presto*? – В конце у всего живого звучит только печальное *Adagio*... Если заглянуть во внутренний разноцветно-музыкальный творческий мир моего отца, притронуться к сокровенным глубинам его нот в тиши кабинета, там будет торжественно и тихо звучать лирическая муза этого человека, вместившая в себя все музыкальные темпы метрономной шкалы Мельцеля. А он сам – метроном, как всякая великая пирамида, большая или маленькая, останется хранителем замечательных музыкальных историй, ибо принадлежит к миру невероятно интересных вещей, которые нас окружают в каждом доме.

Эпизод 10. «Серафим Сергеевич – шефский!»

Концертная деятельность Серафима Сергеевича была неотъемлемой частью всего его творческого процесса. Обычно помимо прочих концертных устройств нам домой звонил из отдела пропаганды Союза композиторов известный и всеми уважаемый Дон Борисович с удивительно ласковой фамилией Лютиков. Все его звали просто Дон, и он был большим мастером своего дела. «Серафим Сергеевич!» «Дон Борисович! Приветствую вас! Весь во внимании!» «Серафим Сергеевич – шефский!» Шефский концерт – значит бесплатный, и таких бывало много. «О чем вы говорите! Конечно! Где и когда? Я всех везу или придет машина?» Машину действительно подавали на Огарева, особенно если концерт проходил далеко. Но чаще всех возил папа, абсолютно безотказно, и по возможности подвозил домой. Собирались все у нас на Огарева – весь цвет нашей поющей эстрады. Во время таких предконцертных репетиций дверь в кабинет обычно закрывалась, ибо в столовой и на кухне был шум, шутки, ощущалось предконцертное возбуждение.

После шефских и не шефских концертов, декад в республиках, встреч со слушателями на рабочих местах, в клубах наша квартира украшалась подарками: шахтерскими касками, моделями самолетов, нефтяных вышек, турбин, всевозможными изображениями с личной росписью, милицейскими фуражками и жезлами, деревянными поделками, настенными панно из разных республик, трогательными рисунками ребят из детских домов, школ, о значках и выпелах я уже и не говорю. Подарки обычно сопровождались привычным и доступным букетом гвоздик или корзиной гортензий. Другие цветы почему-то тогда не были в ходу. Все, что нельзя было повесить на стене в холле, мама аккуратно складывала в коробки. А в холле была целая выставка – из Армении, Грузии, Азербайджана, Донбасса, Тюмени, Ленинграда, с БАМа, из Прибалтики, Болгарии, Польши, Германии, Финляндии, из колхоза такого-то... Вспоминая об этом, я не хочу сказать, что композиторы были бессребрениками. Они получали все, что им было положено по разнарядке того времени. Всесоюзная охрана авторских прав, или, как ее все называли, просто Охрана, подтверждала справедливость ежемесячных выплат рапортчиками, щедро давала аванс, зная, что все это обязательно покроется творчеством известного композитора. Но это было давно. Модели же самолетов, нефтяные вышки, каски, милицейские жезлы, рисунки и другие подарки до сих пор сохранились, и, конечно, разные фото, чаще всего без всяких дат и имен. Родители же всех помнили и знали! А о будущем разве кто думает заранее?!

Если открыть интернет на слове «диплом», то сразу выбрасываются одно за другим современные объявления: купить диплом, продать диплом, заказать диплом... Как стало просто! Я, конечно, о другом: о сложенном вдвое листе – тонком или толстом, в папке или без, государственного образца или какой-либо организации, сообщавшем об успехах и достижениях в различных областях деятельности каждого и выносившем благодарность «тов. такому-то... за...». Сколько таких дипломов-благодарностей накопилось в каждой семье от школы и до самых последних лет жизни... Такие дипломы нельзя было ни купить, ни выпросить, и часто они были неожиданностью для самого получающего, и в любой организации решение о вручении диплома принималось, конечно, не в одиночку. В чем-то одинаковые, они подтверждали пройденный путь, и за их формальным текстом с обязательными портретами и символами стояли судьбы и поступки, простые и героические, скромные и очень большие достижения, и, более того, они просто приносили удовлетворение человеку, получающему их, так как подтверждали, что все сделано им не зря. Да что там говорить!

Я долго оттягивала момент «погружения» в стопку этих папок, покрытых, простите, пылью забвения, накопившихся за многие годы деятельности Серафима Сергеевича, «самосклеивающихся» между собой, не желающих рас-

ставаться, скрепленных судьбой одного человека. Наверное, долго не погрузилась бы, если бы однажды при очередных поисках чего-то из этого бумажного собрания не выпал довольно элегантный сложенный вдвое плотный пожелтевший лист очень хорошей бумаги с замечательным шрифтом и подписью Екатерины Алексеевны Фурцевой – нашего многострадального министра культуры, о котором, несмотря на все противоречия, многие вспоминают с искренней теплотой. Меня особенно помимо всех прочих слов, положенных по случаю и по времени, привлекли слова «... и за музыкально-общественную деятельность». Музыкально-общественная деятельность – это не только твоё личное творчество,

а то, что сделано тобой в плане развития и пропаганды (слово-то замечательное, если его использовать правильно!) той области искусства, которая тебе ближе и которой ты отдал и отдаешь всю свою жизнь. Это, безусловно, про Серафима Сергеевича Туликова. Подтверждением тому служат не мои слова, а огромная «стопа», а не стопка, из дипломов, официальных благодарностей, свидетельств о всевозможных творческих декадах в республиках и в областях, на производствах, в частях Советской армии. И как дополнение – сохранившиеся программки концертов, врученные в качестве подарков фотоальбомы о днях, проведенных дорогими гостями из Москвы. «Свидетельства» этих событий не всегда хранятся вместе с более важными подтверждениями большого творческого пути... Я опускаю весь официоз, сопровождающий эти папки и вложения в них, с высказываниями и прочими атрибутами, формально обязательными для тех лет, когда все знали, что «Искусство принадлежит народу». И дело не в лозунге о том, кому «принадлежит искусство», а в том, что в нем – в искусстве – была потребность! Я постараюсь поделиться тем, что мне показалось очень важным в этих документах, а именно география, даты, участники. Это оказалось единственной возможностью восстановить сами маршруты, встречи, события...

Вот красивая «Программа областного смотра сельской художественной самодеятельности Смоленской области» 1954 года! Пометки Серафима Сергеевича к наиболее понравившимся номерам и доводы – почему понравились, много критического: «Аккомпанемент Чайковскому – неверно, помню – наизусть», «Вок. трио – а исполнителя два... третий дублирует», «не слышно скрипичной партии», «проект заключит. речи смотра» и многое другое. Это же художественная самодеятельность! Несовершенного можно было заметить много,

Дорогой Серафим Сергеевич!

Министерство культуры СССР сердечно поздравляет Вас с пятидесятилетием.

Ваше яркое, жизнелюбивое творчество пользуется любовью не только в нашей стране, но и за рубежом.

Свою популярность приобрели Ваши песни, проникнутые духом патриотизма и пафосом борьбы за мир и дружбу между народами: „Мы — коммунисты“, „Родина“, „Советская Россия“, „Ленин всегда с тобой“, „Мы за мир!“, „Советской страны комсомол“, а также удостоены 1 премии на Всесоюзных фестивалях деловитых песен в Берлине и Варшаве „Марш советской молодежи“ и „Это мы — молодежь“.

Партия и Правительство высоко оценили Вашу многогранную творческую и музыкально-общественную деятельность, присвоив Вам почетное звание Заслуженного деятеля РСФСР и удостоив Государственной премии.

Министерство культуры СССР желает Вам, дорогой Серафим Сергеевич, доброго здоровья и новых творческих успехов на благо нашей Великой Родины.

Министр культуры СССР

Е. Лурица

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Слова Лео КАДЦЕРЕВ

Музыка Серафим ТУХИДЗА

Славься, наш родимый,
Край непобедимый!
Рассветай,
Советский край —
Земля богатырей,
Не опнуть взором
Все твои просторы:
Склоны гор,
Полея узор,
Крутую амь морей.

Ленина отчина,
И солнцу коммунизма
Мы идем
Твоим путем,
Прямим путем вперед.

Верностью смысневая,
Нашею любовью
Твой рассвет,
Земля побед,
От гроз мы защитим.
Высоко над нами
Реет наше знамя.
Наш народ
Могуч и тверд,
В борьбе непобедим.

Силою народною,
Вольная, свободная,
Славься, русская земля,
На века, на века!
Правды мира ты оплот,
Волей партии ты крепка!

Родина героев,
Сердцем мы с тобою.
Никогда,
Страна труда,
Твоя подвиг не умрет,

Силою народною,
Вольная, свободная,
Славься, русская земля,
На века, на века!
Правды мира ты оплот,
Волей партии ты крепка!

Музыкально-редакционная группа

однако это было событие, в котором принимали участие профессиональные люди, чтобы поднять престижность самого события! Произведения самые разные: народные, классические, современных авторов, музыка и проза. Композитор Чайковский, композитор Будашкин, композитор Римский-Корсаков, композитор Верстовский, композитор Блантер... Всех не перечислить. Я насчитала 23 района Смоленской области, от каждого из которых были представлены участники районного Дома культуры или сельского клуба, а то и просто от избы-читальни – коллективы хоровые, народных инструментов, танцевальные, чтецы, исполнители музыкально-литературных композиций, акробатических этюдов... Везде указаны имена руководителей.

Центральный дом культуры Министерства трудовых резервов, в котором работал в течение почти пяти лет Серафим Сергеевич, заботясь о репертуаре самодеятельных коллективов, выпускало специальные сборники «Песни трудовых резервов». Они предназначались среди прочих для ремесленных и железнодорожных училищ. В сборнике обязательное руководство для руководителей хоров. Тираж в десять тысяч экземпляров. Много это или мало? У нас случайно остался один или два за 1949 год.

Вот рабочий вариант программы, при подготовке к Заключительному концерту XI смотра художественной самодеятельности учащихся учебных заведений трудовых резервов г. Москвы. Серафим Сергеевич делает рабочие заметки на полях: «Слабо; оркестровка недоработана; заменить; неплохо; прочувствованно; замедленный темп; мало репетиций; не слышно духовых...» и т. д. Далее приписка о том, какие произведения включить дополнительно, какие заменить. Ничего особенного – заметки как заметки! Только в этом концерте из двух отделений принимали участие молодые люди в возрасте от 15 лет и старше, в общей сложности ученики из двадцати пяти ремесленных училищ города Москвы!

Активное участие Серафима Сергеевича в развитии самодеятельного творчества продолжалось на протяжении всей его жизни, как и у многих других деятелей искусств того времени. Это было естественной потребностью всех. Нашлись планы работы двух московских клубов, которые, как и другие, были тесным образом связаны с именами ведущих деятелей из различных областей художественной жизни Москвы.

Вот, например, случайно сохранившийся план работы Московского дома народного творчества за ноябрь конца 60-х годов: творческая встреча с композитором Туликовым; семинары режиссеров театральной самодеятельности; семинары по методике преподавания на различных музыкальных инструментах (кларнет, аккордеон, фортепиано...), по подготовке хормейстеров, по работе с вокалистами; занятия классическими, бальными и народными танцами (4 – 5 раз в месяц); вечера великих актеров – памяти великой русской актри-

Встреча с артистами народного хора Рязани

сы Ермоловой; вечера исполнителей – вечер фортепианных произведений Бетховена, занятие проводит пианист Гинзбург, лауреат, профессор Московской консерватории; отчеты хоровых коллективов; читка и обсуждение одноактных пьес для постановки в самодеятельных театральных коллективах и многое другое. Сохранился и план работы за февраль 1964 года клуба «Красный луч» – известного в Москве клуба Метростроя: «Советская песня» – Туликов и Покрасс; «Государственный театр имени Вахтангова и его мастера» – Р. Н. Симонов; «Как создается кинофильм» – В. А. Шнейдеров; «Государственный академический Большой театр и его мастера» – А. И. Анисимов; «Великие традиции и мировое значение русской классической музыки» и многое другое.

Привожу и тексты некоторых наградных грамот:

«Всесоюзный оргкомитет награждает Туликова Серафима Сергеевича за активное участие в организации и проведении первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся 1975 – 1977»;

«...За активное участие в организации и проведении Всесоюзного смотра художественной самодеятельности творчества, посвященного 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне – 1984 год»
и т. д.

Все это, безусловно, и было той самой общественной творческой работой, которая являлась естественной составляющей частью творческой деятельности многих и имела необычайно широкий диапазон приложения на ниве бескорыстного служения общественным интересам.

С. Туликов и М. Пляцковский
на встрече

С. Туликов и А. Пахмутова
на встрече со школьниками

Как-то главный редактор журнала «Музыкальное обозрение», в прошлом «Советская музыка», заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Семенович Корев с увлечением рассказывал мне о тесном сотрудничестве музыкального мира всех союзных республик огромной страны. География встреч была обширной, сопровождающие их концерты, серьезные заинтересованные семинары, беседы о музыке – потрясающее творческое общение. Это было всегда праздником, несмотря на возникающие споры, иногда разногласия, а то и творческие обиды.

Папина «стопа» из того времени свидетельствует и об этом. Творческие декады советской музыки, дни литературы и искусства, отчеты творческой интеллигенции перед трудящимися городов и областей были составной частью творческой деятельности практически всех мастеров искусства... В этой же «стопе» дипломы с благодарностями: за активное участие в подготовке и проведении фестиваля советской музыки; за широкую пропаганду искусства среди населения области; за большую работу по пропаганде симфонической и хоровой музыки; за интересные и содержательные встречи с трудящимися республики; за большие творческие успехи и пропаганду советской музыки. И, конечно, афиши, говорящие обо всех участниках тех событий.

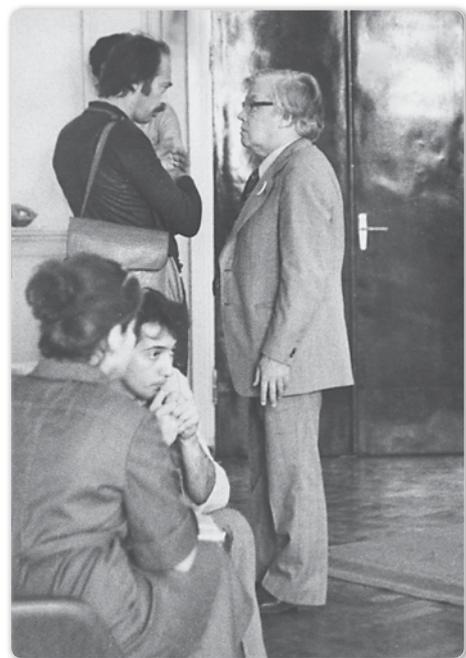
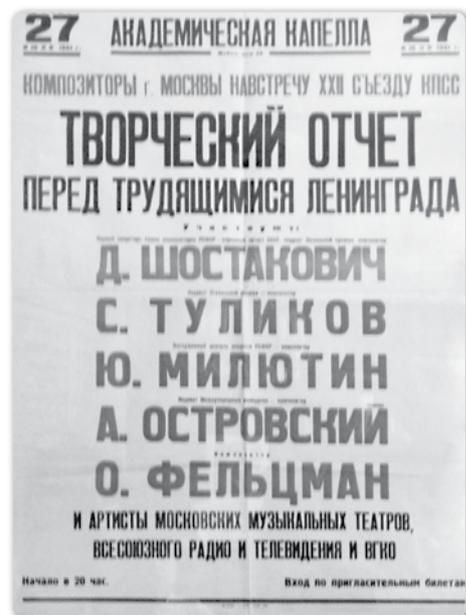
Один пример из десятков. От областного комитета КПСС и облисполкома Туликову Серафиму Сергеевичу: «Уважаемый Серафим Сергеевич! ...Ваши выступления перед строителями Атоммаша, машиностроителями г. Ростова и

Новочеркаска, металлургами г. Таганрога, шахтерами и текстильщиками г. Шахты, тружениками сельского хозяйства области явились ярким свидетельством укрепления Союза искусства и труда...»

Свидетельством укрепления этих связей стали и творческие отчеты композиторов перед трудящимися Калининской, Московской, Новгородской и Ленинградской областей. 1961 год – это была не первая творческая поездка Серафима Сергеевича в Ленинград. От этой поездки сохранились фотографии Ю. С. Милютина, А. И. Островского, О. Б. Фельцмана и С. С. Туликова и единственная афиша тех лет с именем Шостаковича. Я привожу ее содержание, чтобы показать уровень таких музыкальных событий, ибо участие в этом концерте великого композитора в его родном городе Ленинграде поднимало на особый уровень и сам праздник, и всех участников и слушателей, пришедших в Ленинградскую государственную академическую капеллу на творческий отчет перед трудящимися Ленинграда: «Участвуют: первый секретарь Союза композиторов РСФСР лауреат Ленинской премии композитор Д. Шостакович, лауреат Сталинской премии композитор С. Туликов, заслуженный деятель искусств композитор Ю. Милютин, лауреат международных конкурсов композитор А. Островский, лауреат международных конкурсов композитор О. Фельцман».

Некоторые события тех лет по годам:

- Волжский музыкальный фестиваль в Татарской АССР, апрель 1963 года (в рамках декады – авторский вечер С. С. Туликова и А. Я. Эшпая);
- Декада советской музыки в г. Куйбышеве, 1964 год;
- Музыкальный фестиваль в г. Ульяновске, апрель 1963 и май 1969 годов;
- Дни культуры в Томске, январь 1969 года;
- Дни литературы и искусства РСФСР в Азербайджане, октябрь 1972 года;
- Дни литературы и искусства РСФСР в Молдавской ССР, июнь 1972 года;
- Декада культуры на Дону под девизом «Мастера искусства – мастерам высокого урожая», посвященная трудовым успехам хлеборобов Ростовской области, октябрь 1972 года;

Азербайджан.
Перед выходом на сцену

В Киеве. С. Туликов с украинским композитором
А. Билашем (3-й слева)

Возложение венков.
Я. Френкель, Ю. Силантьев,
С. Туликов, А. Эшпай

Г. Мовсесян, П. Аедоницкий, В. Казенин, А. Бабаджанян,
Т. Хренников, С. Туликов, Л. Лядова, Ю. Силантьев в Днепропетровске

- Дни советской музыки в Тюменской области. «Композиторы Москвы – трудящимся ордена Ленина Тюменской области», 1972 год;
 - Донская музыкальная весна, Ростов-на-Дону, май 1978 года;
 - Дни дружбы столиц союзных республик в Тбилиси, Грузия, 1980 год;
 - Украина. Всесоюзный фестиваль советской музыки в Днепропетровской области, июнь 1982 года; V пленум Киевской городской организации Союза композиторов Украины, посвященный 1500-летию Киева, 1982 года;
 - Дни советской музыки в Кировской области, октябрь 1983 года; отдельно в Нолинском районе этой же области;
- Остановлюсь подробнее на Днях советской музыки в Кузбассе, ибо это позволяют сделать сохранившиеся программки.

Обмен мнениями. Слева направо: ..., Э. Колмановский,
С. Туликов, на переднем плане Я. Френкель

«Программа участия в Фестивале советской музыки в Кузбассе группы композитора народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР Серафима Туликова (17 – 23 апреля 1983 года)». Удивило слово «группа». Оказывается, большой «десант» композиторов и исполнителей, прибывший в эти дни в Кемеровскую область, разбившись на концертные бригады, собирался посетить с концертами все большие и маленькие города этого уникального угольного района в мире. Кемеровская область, расположенная на юго-востоке Западной Сибири, стала центром огромного культурного события с лучшими

столичными силами. Серафим Сергеевич уже бывал в этом регионе на крупном производственном объединении «Кузбассэлектромотор» в 1979 году. В этот приезд «десант» был разбит на группы: Э. Колмановского, В. Казенина, Т. Хренникова, Я. Френкеля, А. Эшпая, М. Фрадкина С. Туликова, О. Фельцмана, В. Комарова и В. Калистратова, Е. Рахмадиева, К. Хачатуряна, В. Бунина, М. Таривердиева, Э. Ханка, С. Пожлакова и многих других.

Выступления происходили в центральных концертных залах области – в Большом зале филармонии, Театре оперетты, в драматических театрах. Главными, как видно из самой программы, были выступления в домах культуры почти всех шахт области, в клубах совхозов, в домах культуры алюминиевого завода, коксохимического завода, металлургов, горно-обогатительной фабрики, трикотажной фабрики, завода «Химмаш», мясокомбината, организациях профтехобразования, цементников... Где не было клуба – в актовом зале предприятий и, конечно, в музыкальных школах. Там ждали, там люди с благодарностью встретили артистов, сожалея, что это бывает не так часто, как бы того хотелось. Во всех днях декады, как правило, устраивались и отдельные творческие вечера принимавших в них участие композиторов.

Фестиваль советской песни в Кузбассе

Шефская работа в военных частях – это особый пласт огромной общественной работы творческой интеллигенции в стране. Приведу просто выдержки из некоторых дипломов и благодарностей:

«Уважаемый Серафим Сергеевич!

В день всенародного праздника 40-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота от имени матросов, старшин и офицеров выражаем Вам благодарность за Вашу деятельность ...

*Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
адмирал С. Горшков*

*Начальник Политического Управления
Военно-Морского Флота
вице-адмирал А. Комаров.
21 февраля 1958 г.»*

*«Приказ Министра обороны СССР № 215
26 сентября 1964 г. г. Москва*

Свыше двадцати лет композитор Туликов Серафим Сергеевич проводит большую творческую работу... Отмечая плодотворную деятельность, активное участие в военно-шефской работе и в связи с 50-летием со дня рождения, композитору Туликову С. С. ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ И НАГРАЖДАЮ ИМЕННЫМ ОФИЦЕРСКИМ КОРТИКОМ.

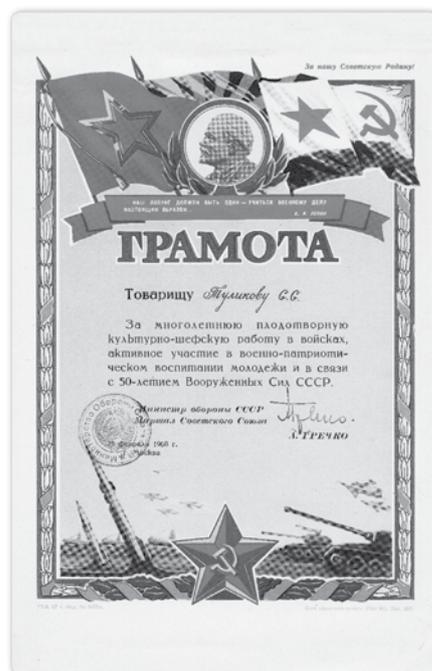
Желаю Вам, Серафим Сергеевич, доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

*Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза
Р. Малиновский»*

«Товарищу Туликову С.С.

За многолетнюю плодотворную культурно-шефскую работу в войсках, активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи и в связи...»

*Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза
А. Гречко
21 февраля 1968 года»*

С высшим командованием.
С. Туликов, Т. Хренников

Обмен мнениями

В гостях у летчиков

С. Кац, С. Туликов, Т. Хренников,
А. Новиков, Д. Покрасс на встрече
с военнослужащими

С. Туликов, певица А. Литвиненко
на встрече с военнослужащими в Союзе композиторов

Мне очень приятны совсем старые афиши конца 60-х годов, когда организовывались концерты совместных выступлений всех композиторов того времени, работающих в жанре песни. Атмосфера была радостная, доброжелательная, веселая. На этих концертах были и смех, и шутки. Рассказывают, что Н. Богословский однажды, выйдя на эстраду первым из двух выступающих композиторов, исполнил все произведения следующего за ним композитора, произнес все его так называемые экспромты-шутки и под бурные аплодисменты удалился со сцены. Вышедший «следующий по программе» начал свой концерт и не понял, почему в зале гомерический хохот... Зал хлопал, адекватно реагируя на выступление появившегося после участника концерта. Об этом рассказывают и сейчас, и будут еще очень долго рассказывать! В те годы композиторское сообщество существовало неким спаянным организмом, во всяком случае – песенное. Огромная, совсем старая афиша 1948 года перечисляет участников Вечера встречи молодежи в клубе завода «Каучук» с московскими композиторами по официальному поводу 30-летия ВЛКСМ: композиторы М. И. Блантер, Б. А. Мокроусов, Л. Д. Бокалов, Н. В. Богословский, В. Я. Кручинин, К. Я. Листов, А. И. Островский, М. И. Табачников, Б. М. Терентьев, С. С. Туликов, Ю. С. Милютин, а также поэты А. А. Жаров, Л. Я. Ошанин, С. Т. Островой, А. И. Фатьянов.

До рыночных отношений еще было далеко, и конкуренция, имевшая, конечно, место – все же артисты, не была столь беспощадной и денежной. Мне возразят, возможно, что все то, что я вспомнила, существует и в наши дни, и современные композиторы тоже объединяются... Значит – традиции живы, и есть повод вспомнить самым добрым словом музыкальную активную жизнь тех лет именно в песенном жанре.

25 мая 2005 года в Государственном Центральном концертном зале «Россия», совсем недалеко от Огарева, состоялся концерт, посвященный 90-летию со дня рождения Серафима Сергеевича. «Любите Россию» – так он хотел его назвать, ибо решение было принято еще при жизни Серафима Сергеевича, а в новых условиях – прозвучало как завещание композитора.

В тоненькой записной книжке, начатой еще 21 июля 2003 года, которая заканчивается записью от 19 октября 2003 года, помимо замечаний о своем самочувствии и необходимых лекарствах, много пометок о жизненно важном для него в те последние месяцы. Замечания по задуманной книге, о трудностях и необходимости продолжения переговоров и отстаивания своей точки зрения по этому поводу, что, как пишет папа, «уже при моем физическом состоянии выглядит на что-то похожее, не иначе как на подвиг!». Записи о подготовке к юбилею в 2004 году. Серафим Сергеевич прекрасно понимал, что надо готовиться заранее за год, а то и два: связаться с дирижером, связаться с оркестром им. Осипова, узнать о партитуре «Сказ о России», просить найти распи-

санные партитуры необходимых произведений в библиотеке Радио, сделать новый клавир для Толкуновой в «ля мажоре» для песни «Каждой девушке счастья хочется», организовать встречу с прессой к юбилею и рассказать о замыслах и много всего необходимого в предъюбилейных планах.

Еще весной 2003 года Серафим Сергеевич, как ему казалось, заранее позвонил в Колонный зал, к которому привык за многие годы, где ему с пониманием и даже теплотой сказали: «Серафим Сергеевич, миленький, мы теперь себе не принадлежим, мы теперь коммерческая организация, сами не знаем, кто нами руководит». Думали о Зале Чайковского, где папе очень нравилось, говорили и о концертном зале «Россия». Мы уже были без мамы, вечной творческой помощницы, и я собиралась максимальное, естественно, взять на себя.

Что такое организовать концерт такого масштаба без «навыков и умений», только с одним желанием, хотя и при обязательной поддержке огромного числа людей, работающих в этой области, – это отдельная история. Воспоминание совсем о другом, о том, чего даже и во сне нельзя было предположить! После всех хлопот, беспокойств по организации концерт состоялся в 2005 году. Именно в этот день, 25 мая 2005 года, в Москве с утра не было света по причине аварии в электроснабжении города. Встало все, что зависело от подачи электроэнергии: метро, троллейбусы. Не было света в городе почти нигде, и, конечно, в концертном зале «Россия» нельзя было проводить ни репетиции, ни вечернего мероприятия. Забившись в угол, судорожно смотрела на календарь, думая о возможности следующей даты. Вероятность сведения воедино всего и всех переходит в состояние не просто все начать с начала, а в минусовую отметку! Не знаю, но кто-то помог – обстоятельства, судьба, Господь Бог, запасной генератор, инженер где-то там, а может быть – сам папа!

В шесть часов стали запускать зрителей в зал. Конечно, проблем для города было намного больше, чем некое культурное событие. Но в масштабах одной моей личности – это было испытанием!!!

Зрители в зале, гости из Калуги в зале и на сцене, теплые, душевные слова губернатора Калужской области Анатолия Дмитриевича Артамонова и коллег – Оскара Борисовича Фельцмана, Олега Борисовича Галахова, участие звезд нашей эстрады, которые работали с Серафимом Сергеевичем, и, конечно, молодых исполнителей и оркестра калужской Детской школы искусств имени Туликова под руководством В. С. Иванова.

На афише, выпущенной к этому концерту, очень дорогой для меня автограф: «Алиса, спасибо за отца. Иосиф Кобзон». В этом простом слове «спасибо» от человека, всю свою творческую жизнь связавшего с советской песней, я прочитываю правильность моих действий и справедливость сделанного.

Р. С. Недавно в суете московских дел я оказалась на Арбате для получения нужной по жизни очередной справки. В переулке Старого Арбата тихо, довольно спокойно и приветливо. Просто было еще рано. Милая дама, которая разрешала мой несложный вопрос, услышав мою фамилию, спросила: «А вы не родственница композитора Туликова?» После выяснения моей непосредственной связи сказала: «Вы знаете, у меня хранится фотография вашего папы».

Где-то в 60 – 70-х годах Эльвира Константинова, так звали эту милую даму, жила и работала в городе Ленинске, ныне известном как Байконур. Байконур связан с космонавтами, конструкторами космической техники, руководителями всем известного космодрома, теперь находится в другом государстве – в Казахстане, на моей родине. История космодрома с середины 50-х годов прошла весь путь строек тех лет, начавшись в пустыне на правом берегу реки Сырдарья под названием «Тайга», потом «Заря», потом поселок «Ленинское» и, наконец, «Ленинск», который имел до 1995 года статус закрытого города. Телевизионная студия, куда приехали известные деятели культуры – композитор Серафим Туликов и певец Сергей Яковенко, наверное, была далека от совершенства. Там ведь главным было не телевизионное дело, а более важное, как и в Капустином Яре, где работал мой дядя Володя. На фото женщина-режиссер заботливо поправляет папе галстук, папа послушно, как-то трогательно замер, а солист Сергей Борисович Яковенко, как рассказывает Эльвира Константиновна, беспокоился о том, что в студии было слишком жарко и Серафиму Сергеевичу могло быть не совсем комфортно. Все прошло замечательно. На заднем плане очаровательная ведущая тех лет – Эльвира Константиновна. Концерт как концерт – ничего особенного! Просто это все было, и как хорошо, что про это вспомнилось!

Эпизод 11. «Не повторяется такое никогда»

Серафим Сергеевич работал со многими поэтами, и они, конечно, все бывали у нас дома, так как работа наиболее продуктивно происходила именно у рояля. Со всеми были теплые дружеские отношения, которые часто переходили и в дружбу семьями. Все это были большие, признанные мастера поэзии – Ольга Фадеева, Александр Жаров, Лев Ошанин, Евгений Долматовский, Яков Бе-

Пляцковские в Рузе

линский, Юрий Полухин, Владимир Лазарев, Владимир Харитонов, Андрей Досталь, Михаил Пляцковский, Николай Доризо, Борис Дубровин, Александра Тесарова, Феликс Лаубе...

Феликс Янович Лаубе работал с папой последние годы в 90-х. Серафим Сергеевич чрезвычайно его ценил, считая, что он был одним из талантливейших поэтов уходящего времени. Обычно он диктовал папе по телефону и новое, и то, что было у них в работе. Вспоминая последний разговор с ним, Серафим Сергеевич не переставал удивляться тому, что, будучи уже тяжело больным, перед отправкой в больницу – серьезная проблема с легкими – Феликс Яно-

вич, сказав: «Пойду сейчас в больницу», тут же добавил слова для песни: «А как легко мне дышится...»

Просматривая, перечитывая сборники их стихов, приходишь к выводу, что само словосочетание «поэты-песенники» ограничивает понимание во многих случаях широты их таланта. В нем проскальзывает некая надменность и снисходительность к данному жанру. Ремесленником можно быть в любой профессии. Настоящие песенные удачи приходят только тогда, когда появляется профессиональное творческое содружество двух талантливых людей: композитора и поэта. С Мишей Пляцковским папу объединяла дружба больше чем творческая, хотя она и не была безоблачной, как это часто бывает между композиторами и поэтами. «Маленький человек с большим портфелем» – как его часто называл папа. Миша был человеком остроумным, смешливым и умел вывести Серафима Сергеевича из состояния озабоченности по какому-либо творческому вопросу.

Карликового пинчера с уже придуманной кличкой «Нотка» Пляцковские подарили папе в 1983 году. «Собакотерапия», «громоотвод», «валокордин», «валидол», как называл ее папа, была обожаемым существом, по-моему, не только у нас в семье, но и у всего огаревского дома. Дом был, конечно, в курсе, что тот, кто часто убегает от Сони и воет в отсутствие хозяев, – подарок Миши Пляцковского. Подарили настоящего преданного друга, а потому Ноткино бес-

Серафим Сергеевич с подарком Пляцковских собакой Ноткой

пardonное поведение вплоть до горделивого возлежания в ногах в спальне у папы свидетельствовало о беспредельности взаимной любви. Этот миниатюрный живой подарок всегда связывался с семьей Пляцковских и приносил столько радости в жизнь моих родителей!

Миша всегда писал нашей семье поздравления в стихах, которых за долгую дружбу накопилось на целую книжку:

Подарила милая Калуга
Безвозмездно, щедро, насовсем
Лично мне – соавтора и друга,
Серафима Туликова – всем.

Необычайно талантливый, музыкальный человек, Миша ушел из жизни очень рано после продолжительной болезни, лишив не только Серафима Сергеевича, но и многих композиторов счастья общения с улыбчивым и жизнелюбивым человеком большого песенного поэтического дара. Удивительные детские книжки, полные ласки и детской непосредственности, подаренные уже моему сыну, стоят по-прежнему за стеклом книжных полок, «улыбаются» своими, как у Миши, «улыбками с хитринкой»:

«Туликовы! Милые! Вам дарю галошу я:
Она чуть-чуть дырявая, но еще – хорошая!»

В 1978 году на своей книжке «Солнышко на память» он написал: «Хорошему парню Антону Гуляеву от автора, который научился петь песенку о том, что “Дружба начинается с улыбки”». Ну и что с того, что автор музыки другой композитор – Шаинский! Песня стала общей для всех. Это – главное.

Просматривая разные издания поэтического творчества Михаила Пляцковского, я задерживалась на его строках, полных вдохновения и настоящего лирического таланта. Вечная тема любви столетиями отражалась поэтами разной величины, и талантливая, душевная поэзия Миши не затерялась за славой поэта-песенника:

Не опускай безмолвно плечи,
Не поднимай усталый взгляд.
Пойми, не может быть и речи
О том, чтоб все вернуть назад.
К тому, что было, нет возврата
В круговороте быстрых дней.
А за любовь одна расплата –
Воспоминание о ней.

Один из своих поэтических сборников Миша так и назвал «Любимые женщины», по одноименному стихотворению, из которого родилась их совместная популярная песня с этим же названием. С Мишей Серафим Сергеевич создал большое число лирических песен, принесших им заслуженную популярность. Среди них «Не повторяется такое никогда», «Бамовский вальс», «Девчонки, которые ждут», «Любимые женщины».

Любимые женщины
Приходят к нам веснами.
Они неожиданны,
Как дождь или снег...

(Михаил Пляцковский. Любимые женщины. –
М.: Правда, 1987. – С. 12)

Сегодня «словоизвержение» в песенном творчестве поражает своей вседозволенностью и словесной распушенностью. Воспитание не только вкуса в песне, а воспитание порядочности требует совсем других образов, другого отношения, другого примера для подражания. Серафим Сергеевич был, безусловно, образцом требовательности к тексту, не допуская категорически словесной пошлости и вседозволенности. Какова будет судьба у созданного произведения – вопрос для Серафима Сергеевича, как и для каждого творческого человека, был далеко не последним, но только не в ущерб строгому вкусу, как он его понимал. А понимал он его в традициях академического консерваторского образования и воспитания и, конечно, согласно тем внутренним установкам, которые были усвоены с детства и предначертаны судьбой. Слова песни были для него не просто зарифмованными строками, а мыслью, переданной поэтическим мастерством, в данном случае поэтом Михаилом Пляцковским.

Теплые воспоминания дочери Михаила Пляцковского – Натальи Михайловны, которая тоже пишет стихи:

«Серафим Сергеевич познакомился со мной, когда я еще сидела в коляске. Он приходил в нашу пятиэтажку, в нашу первую кооперативную квартиру, и они с моим папой – поэтом Михаилом Пляцковским – что-то сочиняли. Кстати сказать, именно Серафим Сергеевич одолжил папе деньги на этот кооператив. А когда я подросла, мы переехали в другую квартиру, и уже в ней я стала понимать, какие известные люди приходили к нам в гости. Вчера их можно было увидеть по телевизору, а на следующий день – на диване в нашей гостиной. Среди них был и

Серафим Сергеевич Туликов. Вот тогда уже и я познакомилась с ним. И осознанно поняла, какой это талантливый человек – близкий друг моего отца. Они с папой очень дружили, и поэтому многие праздники и дни рождения мы отмечали или у Туликовых дома на Огарева, или у нас. Серафим Сергеевич очень любил все, что готовила моя мама Лида, особенно борщ. Сидя за столом у нас в гостях, он всегда нахваливал мамины угощения и все спрашивал: “А как это готовить, а что это такое?” Его жена, Софья Яковлевна, немножко обижалась и говорила: “Сима... можно подумать тебя дома не кормят...” Наши семьи были очень дружны, даже собаки у нас были одинаковые. Два маленьких карликовых пинчера темно-песочного окраса. Мой папа придумал собачке Туликовых имя – Нотка – и принес Туликовым в качестве подарка... Серафим Сергеевич баловал ее, как крошечного ребенка, и она стала главной в его кабинете.

Его музыка всегда отличалась мелодизмом и высоким вкусом. В ней звучит Россия... С папой у них получались замечательные песни. Такие песни могут получиться только тогда, когда поэт и композитор понимают друг друга и чувствуют все окружающее одинаково. Может быть, поэтому им обоим нравилась Старая Руза, куда Туликов уезжал с семьей работать в Дом творчества композиторов, а папа часто приезжал вместе с нами к нему с новыми текстами. Там, конечно, были идеальные условия для работы: изумительные дачи с инструментом, среднерусская природа, из окна – лес, тишина... Там все рождалось легко!

Мой папа умер раньше Серафима Сергеевича, хотя был и моложе его... Я уехала жить в Америку и после отъезда не виделась с Туликовым несколько лет. Однажды, приехав в Москву, решила зайти и позвонила...

Просто соскучилась. В туликовском доме я чувствовала папино тепло. Их дом был родным. На книжных полках стояли папины сборники стихов, его книжки для детей с веселыми надписями для Антоши – внука. Там же и диск, составленный моим папой из песен, написанных им с разными композиторами, но получивший название “Девчонки, которые ждут” по песне, созданной с Серафимом Сергеевичем. Меня в этом доме ждали. Я пришла и, как всегда, стали угощать, расспрашивать, желать добра... Это был последний раз, когда я увиделась с Серафимом Сергеевичем и его женой, милейшей Софьей Яковлевной.

Вот говорят – не живи прошлым, живи будущим. А как же не жить этим прошлым, в котором было так хорошо и уютно. Где рядом были милые, родные люди. Как же их не хватает...»

Огромная папка из архива содержит массу стихотворных текстов, которые присылали Серафиму Сергеевичу в разные времена с предложениями для совместной творческой работы. Возможно, это не самые безупречные поэтические творения, многие не имеют даже подписи, некоторые собраны в небольшие папки – видимо, отобранные. Некоторые с нотными строками. Одно из стихотворений в небольшой папке почему-то запало и в душу, и в память:

Обращение к друзьям

Мы в землю уходим родную
В нежданный и горестный час,
Друзей похороним, горя,
Потом похоронят и нас.
Но пел я заветные песни
И пил я простое вино,
Товарищ, и друг, и ровесник –
Нам всем уходить все равно.

Над каждым по-разному плачут.
А горе, конечно, одно.
Коль жил я на свете, то значит
Грустить обо мне суждено.
Но честно шагал я землею
И был вместе с вами в строю,
Не плачьте, друзья, надо мною,
А песню пропойте мою.

Эпизод 12. «Ты не знаешь, что такое голод. Это еще красота!»

Среди маминых записок периода расцвета «ваучерного бизнеса» нашла такую: «Сдав 6 ваучеров, мы получили 2 акции “Союз Гермес” в Большом театре у Алечки. После собрания на каждую акцию получили еще 2 бесплатно. Одну дали дешевле – по 9 тысяч. Мы имеем 2 старые акции бесплатно + 2 Аля купила еще у себя в Большом театре по 9 тысяч – всего 18. Мы имеем на 2 семьи

8 акций «Союза Гермес». Говорят, что они растут в цене и пока продавать их нет смысла». Можно запутаться в этой записке, но моя мама записала для сохранения в своей памяти «некоторой финансовой уверенности» в происходящем, разделяя мою радость в возможности помочь семье.

Это наш советский бизнес перестроечного периода для доверчивых людей 90-х годов, когда не было ни денег, ни еды. Комментарии моих родителей о главе компании «Союз Гермес» после его регулярного рекламного появления в прессе и на телевидении, заманивающего, как теперь понятно, в свои сети, полны невероятной доверчивости: «Он вполне на вид образованный, интеллигентный, хорошо говорит». Сколько нам – их уже «немаленьким» детям – еще надо учиться на своих ошибках, чтобы избежать подстерегающего нас на каждом шагу мошенничества со стороны вполне на вид приличных людей?! Родители ведь не научили! В трудные времена, когда реформа уничтожила все заработанное, когда появились талоны, распределители, жители нашего огаревского дома ходили на улицу Горького в прикрепленный гастронорм под названием «кишка» за пачкой масла, курицей и философски, порой с юмором, спокойно стояли в очереди – они уже это проходили. Возможно, по идеям реформаторов, эти трудности были неизбежны во имя продуманного ими «научного подхода» к полученному страной наследству. Времена, когда в наш дом носили хлеб из Филипповской булочной, молочные продукты, остались в романтическом прошлом. А про настоящее Серафим Сергеевич обычно говорил: «Ну, разве это голод! Ты была маленькой, не помнишь!» В те военные эвакуационные годы полученный родителями по карточкам хлеб «сощипывался» по кусочкам по дороге домой, мне доставалось что-то молочное и обязательно петушок на палочке, который непонятно из чего был слеплен и каким образом куплен. «Ты не знаешь, что такое голод, это еще ничего! Это еще красота!»

Уже в который раз поколение наших родителей выносило свалившиеся на них «неожиданности» судьбы, выслушивая бесконечные объяснения и оправдания сложившейся ситуации и испытывая следующие за ними разочарования. Реформаторы, видимо, были правы, но слишком молоды, без лично пережитого прошлого и поэтому нетерпеливы в своих действиях. Но сколько можно было нашим родителям готовиться к прекрасному будущему!

В начале 90-х годов Серафим Сергеевич попал в автомобильную катастрофу. Потеряв на секунду сознание, он не сильно ударил две стоящие впереди машины, и не где-нибудь, а перед казино на улице Чехова. «Забылся. Ну что тут поделаешь!», – привычным жестом разводя руки в стороны, искренне отвечал он милиции на сочувствующий вопрос «Ну, что же вы так, Серафим Сергеевич?» Врачи, конечно, запрещали ему садиться за руль задолго до этого инцидента. Не послушался ни нас, ни врачей!

Новые русские не пощадили отца. Составили соответствующие калькуляции с запредельно завышенными ценами, запугивали, приходили домой, стояли за спиной в сберкассе. Заставили все, почти до копейки, снять с книжки и расстаться с «Волгой». Все, что было заново накоплено после денежной реформы, отняли абсолютно несправедливо и в этот раз! Я в это время была в командировке в Египте с Большим театром, в котором тогда работала. После приезда я пыталась это дело пересмотреть, но тщетность всех наших усилий была очевидна! Рассказывая эту историю, папа повторял все время: «Слава Богу, ударил не «мерседес»! Отняли бы квартиру! Ничего страшнее быть не может!» С этими словами он тихо уходил в кабинет, садился за рояль и в течение долгого времени играл, как мы говорили, «про себя и для себя». После всех финансовых крахов папа упрямо и методично возвращался к работе, никогда не жаловался, не обращался ни с какими просьбами даже в самые трудные годы к своим «родным» организациям. Начавшийся безумный стихийный коммерческий «переворот» выпустил на сцену музыкального творчества и тех, кто набирал очки, развенчивая прошлое советского искусства, высмеивая его, оглупляя, превращал многое в бизнес нового типа и, естественно, не задумывался о личностях за этим стоящими. Укорить, пнуть, принизить, вычеркнуть. Массовая культура прошлого принижалась, так как возникла новая, в которой царила пошлость! Думать не надо! Все очень просто и легко! Но ведь настоящая культура требует работы!

Постепенно усилиями многих или немногих вышли «на сцену» и талантливые люди во многих областях искусства. В те времена, в 90-е, старшее поколение держалось в высшей степени достойно: не суетилось, не пряталось, и главное – не унижалось. Как же это страшно, когда из твоей жизни вдруг исчезает все то, что оправдывает твое существование в стране и на земле! Целое поколение оказалось без прошлого, достойного памяти ныне живущих – всех нас!

«На пороге уходящего века (из прочитанного, услышанного, осмысленного). С. Туликов» – это отдельные высказывания, в основном перестроечного периода, и чуть позже о том, что относилось ко времени окружающей действительности и, конечно, к наступившему возрасту. То ли собственные, то ли выписанные откуда-то. Трудно сейчас сказать. Да и важно ли это? Однако четко прослеживается отношение к тем годам, которые внесли столько потрясений и бед в жизнь старшего поколения, «хлебнувшего» их сполна. Они несли, возможно, и надежды, которые не успели реализоваться в какой-то степени или для которых еще не пришло время...

- 1. Дни сливаются в безостановочном спрессованном потоке времени.*
- 2. Звания и ордена даются на основе особой общественной полезности и важности работы награжденных.*

3. Деградация вкусов – искаженное представление путей развития. Утратили ценности. Привить заново – десять лет. Разлагающая волна, выкорчевывание всего на корню. Отдана дань дешевому ширпотребу. Главный порок «опьянения» – утрата контроля над собой.

4. Человеческая жизнь состоит из взлетов и падений, из радостей и горестей, поэтому надо спокойнее встречать и неизбежные горести и трудности! Эмоциональное же принятие радостей, а отсюда такое же эмоциональное принятие горестей может привести к роковым последствиям.

5. С возрастом у человека обостряется чувство собственного достоинства, которое сдерживает визиты с прощением чего-либо, с принесением этого в жертву достоинству.

6. Беден не тот, у которого ничего нет, а тот, кому мало того, что у него есть.

7. Шикарные магазины Москвы – не для радостных покупок народом, а как своеобразные психологические «муляжи», для придания городу «европейского» вида. Купить что-либо – дорого, недоступно, разве только для олигархов. Обман!

8. Надо учиться управлять своим старением!!! Иммуниет к постоянным бедам.

9. Одержимость славой ослепляет и толкает переходить положенные границы (на среднем материале). Определенная самодостаточность позволяет ощущать необходимый «психокомфорт» в трудных условиях.

10. Интеллигенция – носитель духа, мысли и чести своего народа. Сейчас происходит разрушение (сознательное!) традиций русской интеллигенции, геноцид русской культуры!

11. Жизнь такова, что населяющие Россию люди лишь соперники по выживанию.

Серафим Сергеевич в середине 90-х очень часто спрашивал меня, где можно достать бумагу. Я с готовностью ему отвечала, что я куплю, постараюсь достать. «Да нет, мне надо много! Тонны две!» Я даже не стала переспрашивать, решив, что это какая-то навязчивая оговорка. И вот я нахожу письмо из издательства совершенно невероятного содержания с числом и подписью, из которого следовало, что Серафим Сергеевич, отказавшись от гонорара, пытался добиться в издательстве издания сборника своих песен о России. И некто, умудренный «житейским и профессиональным» опытом, предлагает ему лично достать(!) две тонны бумаги(!), и тогда издание сборника вполне возможно. Они с удовольствием это сделают. Жестоко и несправедливо, на мой взгляд, даже с учетом тех трудностей, которые переживали все: и организации, и, как говорится, физические лица!

«Уважаемый Серафим Сергеевич!

К сожалению, вынуждены Вас огорчить: в связи с сокращением лимитов на бумагу по плану 1991 года Ваш авторский сборник снят с производства. Если бы Вам удалось достать бумагу (при объеме сборника 8,0 п. л. и тираже 10 000 экз. нужно около 2 тонн офсетной бумаги № 1), издательство смогло бы выпустить Ваш авторский сборник.

С уважением, зав. редакцией массовых жанров и детской литературы.

Подпись. 22/X 90 г.»

Серафиму Сергеевичу, даже при моей самоотверженной помощи, достать такое количество бумаги было бы явно не под силу. Это задача не физического лица! И можно было бы корректно указать объективные причины невозможности напечатать сборник, сократить тираж, в конце концов, как стало принято, сказать о возможности личной оплаты небольшого тиража. Серафим Сергеевич, безусловно, принял бы новые реальные правила игры. В 2010 году вышел нотный сборник «Серафим Туликов. Песни», приуроченный к 50-летию Союза композиторов России. Сборник включил в себя около 100 лучших песен композитора, и о России, и лучшие лирические песни. Времена меняются, но дождаться перемен, увы, суждено далеко не всем!

Эпизод 13. «А ты сделай, как надо! Тебе никто ничего не должен!»

Мы, дети нашего огаревского дома, и я в том числе, конечно, были воспитаны всей окружающей нас обстановкой, находясь в ауре огромного музыкального средоточия особенных людей. У нас практически не было двора в его московском понимании. Мы бегали по «музыкальной прямой» – от храма к храму, а между ними – жилой дом композиторов, в котором помещались уникальные книжная и нотная библиотеки, редакция «Советская музыка», медпункт с почти домашними, без преувеличения, врачами, рядом с домом – Союзы композиторов (московский, российский, СССР), далее – дом профессуры Московской консерватории. Вниз по улице Брюсова (ранее Неждановой) уже виднеется и Консерватория. Количество проходящих, входящих и выходящих знаменитостей музыкального мира, как правило, передающих привет родителям, было делом привычным. Я помню, как известнейший скрипач Леонид Борисович Коган – житель соседнего консерваторского дома – привез диковинный фотоаппарат, из которого моментально «вылезали» фотоснимки. Он с удовольствием демонстрировал это чудо нам во дворе. Многим детям, его окружавшим,

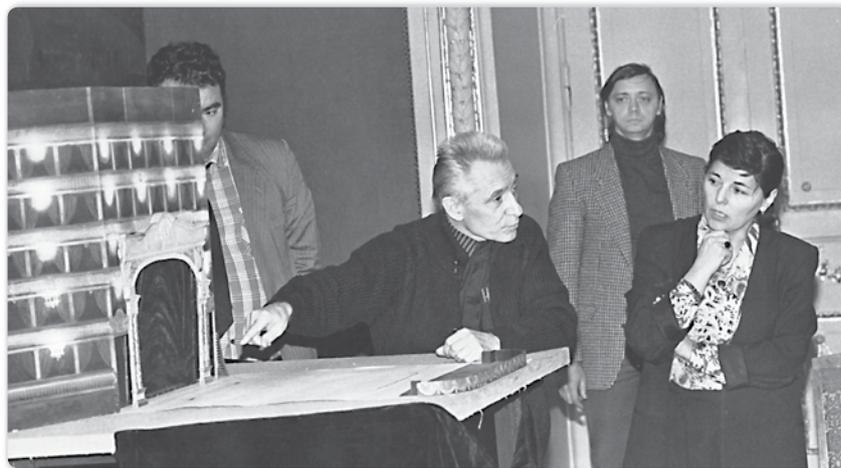
удалось такую фотодиковинку с собственным изображением заполучить. Удивительно приветливый композитор Арам Ильич Хачатурян, встречая меня или маму, обязательно спрашивал: «Когда Серафим напишет концерт»? Он знал и ценил «пианизм Серафима». Вот звонит Зоя Ивановна Пашкова-Дунаевская моей маме: «Сонечка, Максим приглашает Алечку поиграть в шахматы». Я понимаю, что это лишь предлог для Максима, так как в шахматы я играть не умею, правда, меня об этом никто и не спрашивал, и я иду «дружить» с большим удовольствием. Вот идет музыковед Иван Иванович Мартынов с супругой: «Здравствуйте Алечка, как Вы (в его устах это звучит только с большой буквы) поживаете?» Пробежать мимо и на ходу сказать: «Да ничего, нормально» – категорически невозможно. Останавливаюсь: «Спасибо, Иван Иванович, хорошо!» Его супруга добавляет: «Что же вы не приходите играть в теннис? Мы будем очень рады. Передайте привет Симочке и Сонечке». Евгения Петровна Фельцман: «Как жизнь?» Отвечаю: «Х-а-а-шо!» Я долго не выговаривала букву «р», но так как о «языковой» деятельности тогда еще мыслей не было, то это совсем не беспокоило, и мы с ней весело смеялись. С буквой «р» я с возрастом справилась, но наше дежурное приветствие с Евгенией Петровной так и осталось на все времена.

В нашей семье мои дни рождения никогда не предполагали ухода родителей из дома для «раскрепощения» собравшихся сверстников. Эти дни рождения для меня памяты именно потому, что «взрослые» знакомые моих родителей обязательно принимали в них участие. Аркадий Ильич Островский и папа обычно выполняли роли, естественно, танцевальных «таперов». Я вспоминаю, как приехав из заграничной поездки, Аркадий Ильич учил танцевать твист. «Как тушить сигарету!» – и ловко демонстрировал, как это делается. Он покурил, хотя врачи ему это делать запрещали. В нашей компании тогда никто не курил, но освоили все движения мгновенно. Андрей Аванесович Бабаев всегда учил меня на кухне варить настоящий восточный кофе, сопровождая этот процесс классической фразой: «Главное, Алечка, клади как можно больше кофе!».

Подарки обычно где-то «доставались», кто-то «приносил» или где-то «выбросили». За два три дня до моего рождения я слышала тайные переговоры родителей, в которых папа обычно просил не дожидаться дня рождения, а подарить сейчас: «Ну, Сонь, какая разница! Давай сегодня!» Ему просто не терпелось увидеть мое сияющее лицо.

В том году, когда мы переехали в новый дом на Огарева, я на второй день в школу не пошла. Причина была простая, но очень для меня редкая – проспала. Около двух часов дня в дверь раздаётся звонок. Папа открывает дверь и через несколько секунд подходит ко мне: «Алечка, что случилось в школе?»

Там в холле стоит весь твой новый класс!» Мои будущие друзья из школы № 131, где учились все дети из нашего дома, подумали, что новенькой из «элитного» композиторского дома у них не понравилось, и решили выяснить, почему. Да, наш дом был, наверное, действительно по тем временам элитным из-за жителей его населявших, но все дети и внуки из этого «элитного» дома выросли достойными людьми. Меня баловали подарками, поездками, но звонить куда-либо и просить билеты, говоря «я дочка такого-то...», категорически запрещалось. На все наши с мамой жалобы на случавшиеся, как нам казалось, несправедливости школьной и институтской жизни или при написании диссертации, да и вообще, папа всегда говорил: «А почему они должны? А ты сделай так, как надо. Тебе *никто ничего* не должен!» Выделяя слова «никто» и «ничего». Слова эти, хотя и безликие, не имевшие определенного лексического наполнения, принимали вполне конкретные очертания, ситуация прояснялась, да и что надо делать, было яснее ясного. Тебе доверяют – это означало, что ты не подведешь, что ты добросовестно относишься к своим обязанностям, что ты профессионально отвечаешь тем требованиям, которые к тебе предъявляются. Моими скромными успехами, конечно, папа гордился, но никогда их не преувеличивал, считая, что должно быть именно так, а не иначе.

Ю. Григорович и Ю. Ветров.
Презентация декорации для предстоящих гастролей Большого в Лондоне.
Перевод для группы иностранных журналистов в Москве А. Туликовой.

Фото А. Бражникова

Переводы, устные и письменные, для журнала «Советская музыка» в том числе, и участие в международных музыкальных симпозиумах в республиках СССР, а также в самых разных столь популярных в то время московских международных выставках, работа с делегациями, скромные научные статьи – все было предметом обсуждения в семье.

Большой театр и моя работа там вызывали у папы невероятную гордость. А один случай запомнился особенно, так как на торжественный вечер в связи с юбилеем Юрия Николаевича Григоровича где-то в январе 1997 года мы собирались пойти всей семьей. Серафим Сергеевич не был близко знаком с балетмейстером, но они обменивались обычными теплыми приветствиями в совместно посещаемых присутственных местах.

На сцене Большого театра с журналистами из Лондона и группой от Большого театра – Ю. Ветров, М. Курилко-Рюмин, А. Колесников, С. Селиванов, переводчик А. Туликова (вторая слева). В центре Ю. Григорович.

Фото А. Бражникова

Несмотря на сложные отношения администрации Большого с главным балетмейстером, к его юбилею готовились и, конечно, думали о достойном подарке. Думали все! Я, случайно оказавшись на какой-то выставке в Манеже, в одном из павильонов увидела замечательные гжельские сервизы, выполненные на небольшом фарфоровом заводе в Москве. Пришедшая мне в голову идея создания чайного сервиза на тему «Большой театр и балеты Ю. Н. Григоровича» нашла горячую поддержку в дирекции. Через несколько месяцев заказ был выполнен в двух экземплярах. Был создан сервиз на двенадцать персон, расписанный кобальтом, с видами Большого театра, орнаментальными росписями по мотивам росписей потолка театра, с вензелем Ю. Н. Григоровича из лавровых венков, а на каждой из чашек было написано название одного из двенадцати балетов. Все эскизы предварительно обсуждались в театре. А у нас

дома все очень горячо интересовались тем, как идут дела, и, конечно, выражали искреннее желание увидеть все своими глазами. Заказ был выполнен великолепно. Но, увы! Творческая и нетворческая борьба в театре привела к тому, что в тот момент все расстроилось и задуманное не состоялось. Администрация менялась, а гений Григоровича – нет, он вечен! Все-таки, говорят, что один из сервизов находится у него, что более чем справедливо. Жене Григоровича, солистке Большого театра великой Наталье Бессмертной удалось его то ли выкупить, то ли просто взять у театра. Так говорят! Фото сервиза было даже в газете, а теперь подробности и в Интернете. Где другой – кто его знает?! Почему рассказываю здесь об этой истории и о других, возможно, не имеющих прямого отношения к творческой жизни Серафима Сергеевича? Да потому что переживали вместе, и оценки родителей, в основном отца, были очень трезвыми и справедливыми, без снисхождения во имя сглаживания сложностей возникавших ситуаций. И в этот раз Серафим Сергеевич, не зная подробностей, прокомментировал самое главное именно так, как и должно: «Нельзя так разбрасываться талантами! Он же делает “погоду” Большому!».

Вашингтон. Посещение Белого дома артистами балета Большого.
Супруга Буша старшего с переводчиком А. Туликовой

Раньше поездками за границу очень гордились, а благодаря работе в Большом театре я действительно побывала во многих странах. Мои родители обязательно меня провожали и встречали, а папа хранил все проспекты и журналы гастролей, хотя моя фамилия и стояла почти в самом конце списка. Он очень гордился тем, что я там приносила пользу и была, как он говорил по советской привычке, «на хорошем счету». Они с мамой невероятно любили мои рассказы,

а папа обычно сетовал: «Ты зря не записываешь все более аккуратно, это может пригодиться!» Сам-то он был верхом аккуратности и вел великолепные записи. Чтобы следовать советам, надо дорасти до того периода, когда тебе придется давать советы! А советы, полученные нами от родителей ранее, начинают материализовываться слишком поздно!

Организация гастролей – это как перемещение крупнейшего завода самолетами, пароходами «за моря и океаны». Из этого броуновского движения, кажущейся совершенно непонятной суеты и каких-то в самый последний момент почти абсолютно неразрешимых ситуаций вдруг возникает момент, когда все замолкает – открывается занавес и начинается чудо Большого! Даже находясь внутри этого процесса, узнав, пусть и совсем немного, о том, как все приходит в движение, не перестаешь удивляться. Я помню, как в Австралии за несколько часов до начала спектакля-балета «Анна Каренина» выяснилось, что нет фонаря для последней сцены, причем какого-то особенного. Фонарь доставили, но это было похоже на действия по принципу «если бы парни всей земли». Его нашли где-то далеко и буквально передавали из рук в руки – в машину, вертолет, самолет и т. д. Наконец он на месте – к моменту начала действия.

Много приходилось переводить и письменно и устно. Помню, как надо было срочно перевести наипростейшую телеграмму из Москвы. Смотрю на текст и (о ужас!) не понимаю одного слова: «Встречайте zhokch аэропорт... время, место». Словари такого слова не знают, австралийцы пожимают плечами. Сажу в зале на репетиции с выражением отчаяния на лице. Ощущение позора проникает во все клеточки моего организма! Рядом после балетного класса присел со мной рядом Асаф Михайлович Мессерер. «Алисочка, деточка, что с вами случилось? На вас нет лица?» Рассказываю. «И это все. Пусть на этом кончатся все ваши несчастья. Это молдавский ансамбль “Жок”, который тоже приезжает на гастроли в Австралию». Ну, не знала я такого слова, каюсь, не было приписано ни слова «ансамбль», ни «группа» – только одно загадочное слово zhokch. Родители дома смеялись до слез!

В Большом театре вид на зал с приглушенным светом огромной люстры из Царской ложи, куда иногда удавалось заглянуть, пробегая по делам, был поистине сказочно завораживающим сном, из которого не хотелось выходить...

Все эти нехитрые заметки-рассказы любили мои родители, а Серафим Сергеевич невероятно сожалел, когда я ушла из Большого. Вздыхая, говорил: «Огромный кусок твоей жизни, но диалектика – все меняется, а в театрах каждые десять лет, как правило!»

Эпизод 14. Большая драма небольшой семьи

Калужская церковь в честь митрополита Московского святителя Алексия «выделялась своим внешним видом: простота архитектуры и высокое шатровое покрытие, которое увенчано одной главой. Колокольня в “итальянском стиле”» – так ее описывает Дмитрий Иванович Малинин, калужский краевед 20-х годов прошлого столетия. Ни вражеские нашествия, ни пожары не сломили ее каменных стен. В 50-е годы ей пришлось уступить место многоэтажным домам, как это часто случалось по всей России. Именно в этой церкви сохранялись документы, относящиеся к истории рождения моего отца, которые впоследствии нашли свое постоянное место хранения в Государственном архиве Калужской области. Они относятся к событиям столетней давности, даты в них, как мы обычно говорим, по старому стилю, да и правописание отличается от нынешнего:

«Метрическая книга, данная из Калужской Духовной Консистории в Калужскую Алексеевскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1913 год.

Часть первая»

За номером по счету 22 браком сочетавшихся от 2 октября 1913 года:

«Крестьянин Смоленской губернии, Ельнинского града, Стригинской волости Григорий Терентиевич Бобоедов, православный, первым браком, 30 лет, Калужская мещанская девица Александра Александровна Шмакова, православная, первым браком, 22 лет».

Таинство совершали: подписи протоиерея, дьякона и псаломщика.

«Поручители: по жениху – крестьянин Смоленской губернии Василий Терентиевич Бобоедов и калужский мещанин Сергей Михайлович Туликов, по невесте: калужские мещане: Павел Иванович Шмаков и Иван Александрович Шмаков» (ГКУ «ГАКО». Ф. 33. Оп. 4. Д. 545. Л. 19. 86 об., 87).

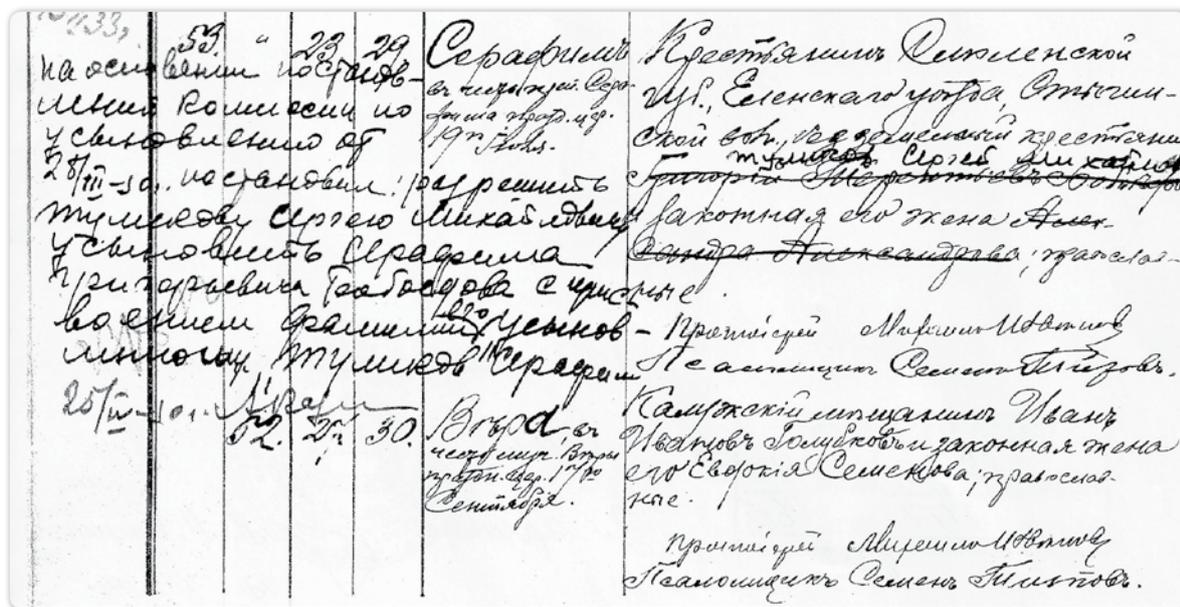
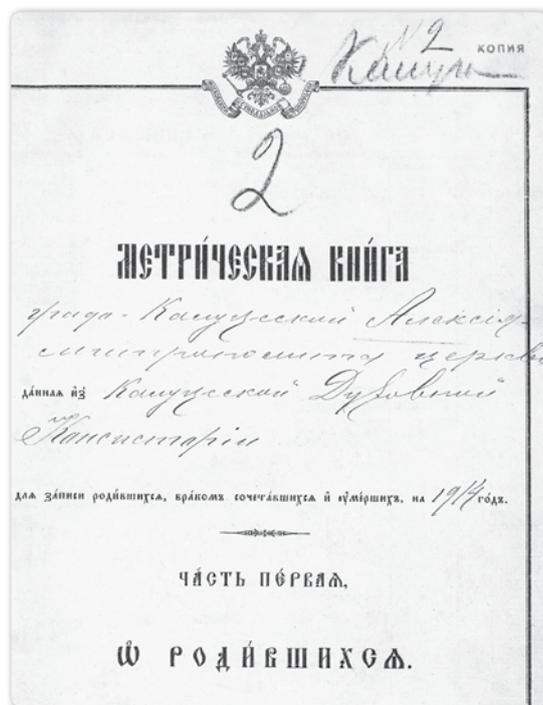
Все честь по чести: точное указание звания, имени, отчества, фамилии и вероисповедания жениха и невесты, которым браком сочетаются. Поручителями со стороны жениха был отец любимой папиной двоюродной сестры Галины Васильевны – Василий Терентьевич Бобоедов и будущий усыновитель вскоре родившегося Серафима Сергей Михайлович Туликов. Со стороны невесты – братья Шмаковы.

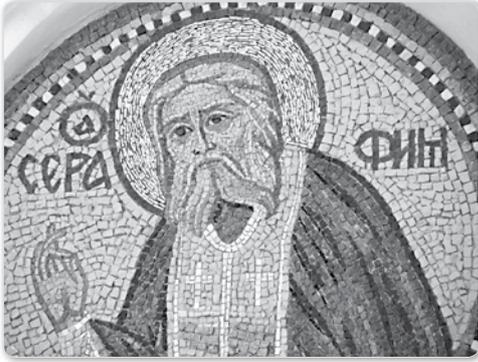
«Метрическая книга, данная из Калужской Духовной Консистории в Калужскую Алексеевскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1914 год.

Часть вторая»

В графе «счет родившихся» под номером 53 мужского пола от 23 дня июня рождения и 29 дня июня крещения наречен именем «Серафим в честь преподобного Серафима, предстоящий праздник 19-го июня, родители – крестьянин Смоленской губернии, Еленского уезда, Стригинской волости, безземельный крестьянин Григорий Терентьевич Бобоедов, законная его жена Александра Александровна, православные. Восприемниками при крещении были – калужский мещанин Сергей Михайлович Туликов и московская мещанская вдова Анна Терентьева Сергеева» (ГКУ «ГАКО». Ф. 33. Оп. 4. Д. 547. Л. 18. А. 46 об., 47).

И в этом же документе уже в 30-е годы по всей его левой стороне, не соблюдая аккуратно-го разделения на графы, как по живому ножом, сплошное зачеркивание. Имя отца родившего перечеркнуто и сверху написано «Туликов Сергей Михайлович». Зачеркнуто имя матери по причине не совсем непонятной – то ли из-за ухода из жизни, ибо усыновитель только один – Сергей Михайлович Туликов. Слева запись: «на основании постановления Комиссии по усыновлению от 28/III – 30 г. ...постановил: разрешить Туликову Сергею Михайловичу усыновить Серафима Григорьевича Бобоедова с присвоением фамилии его усыновленному “Туликов” Серафим».

Серафим Саровский

Само качество записи 1930 года уже совсем иное! Отчего так! В записи об усыновлении поверх прежней поспешность и небрежность, все вкривь и вкось, и зачеркивание, и все то, что с собой принес новый стиль 20 – 30-х годов. Казалось бы, и не так много времени утекло с того 17-го года, но уже исчез красивый каллиграфический почерк записывающего про главные события в жизни всех в книгу вносимых. В той каллиграфии – искусстве красиво писать – за-

ключалась некая торжественность момента, радостного или печального, ощущалась неспешность и гармоничность согласно церковным обрядам.

Родившегося по новому стилю 7 июля, по старому – 23 июля мальчика называли Серафимом. Как свидетельствует запись о рождении, имя дали по ближайшему святому, коим оказался преподобный Серафим Саровский – 19 июля (1 августа). Серафим Саровский возглавил список из шести известных персон России с именем Серафим, который завершается именем Серафима Туликова. Это ни в коем случае не для сравнения, а для того, чтобы сказать, сколь редким было и есть такое имя! Серафимами, как всем известно, назывались шестикрылые ангелы небесного Божьего войска. Впоследствии в одной из дружеских эпиграмм, посвященных Серафиму Сергеевичу, был использован этот образ: «...и шестикрылый Серафим на перепутье нам явился». Необычайной красоты величественная церковь Иоанна Предтечи в Калуге, на ее наружных барельефах, в нишах великолепные мозаичные изображения святых, среди которых и Серафим, поднявший руку для благословения.

Конечно, в 1914 году Александра Александровна до рождения и крещения своего сына не могла не видеть этого великолепного изображения, которое оказалось связанным с именем ее сына. Почему все это вспомнилось? Ранним утром 2011 года в Калуге, подойдя к этой церкви, что недалеко от гостиницы, где я остановилась на несколько дней, я подняла глаза, чтобы увидеть эту красоту во всем великолепии ясного солнечного осеннего дня, и мой взгляд прежде всего «зацепил» слово «серафим». То ли мы находим случайности в окружающей нас действительности, то ли случайности совсем «не случайно» нас подстерегают и лишний раз указывают на то, что в жизни все взаимосвязано и имеет свое объяснение, только надо всмотреться в эту действительность и прочитать указанное.

Александра Александровна стала первой заниматься с папой музыкой. Все Шмаковы вообще были музыкальными. Вместе с Александрой Александров-

ной сын всегда стоял рядом на клиросе в хоре церкви Благовещения Пресвятой Богородицы за старым острогом. Безусловно, церковная служба, как большое театральное действо, производила впечатление и на взрослых, и на детей, а потому оставляла след на всю жизнь. К большому сожалению, и эта церковь была закрыта в 1930-х, обезглавлена, во время войны повреждена бомбой, а потом окончательно разобрана. Все следы прошлого, связанные с этой церковью, для тысяч и тысяч ее посетителей бесследно исчезли. Говорят и пишут, что сам храм представлял большой интерес в архитектурном отношении. На Знаменской, где папа жил у Туликовых, была церковь Иконы Божией Матери Знамение, отсюда и название улицы. Папа часто называл ее «нашей». В «нашей» – это всегда звучало как что-то очень родное, почти домашнее. Эта окраинная калужская церковь, скромная в архитектурном своем воплощении, славилась богатым внутренним убранством: росписью своих куполов, иконами, настенной живописью. Она и сегодня выглядит такой трогательно уютной, как будто ее миновали все исторические «огрехи» перестроек, и никогда не смолкал звон ее колоколов, которые созывали всех жителей этой окраины на службы. Я думаю, что именно эта церковь стала для папы связующим звеном с самым важным в его калужском детстве – с немеркнущим образом матери, с периодом совместной жизни с ней, хоть и недолгой, у Туликовых на Знаменской.

Уже на Огарева папа часто заходил в церковь Успения Божьей Матери, молча, без обсуждений, по душевной потребности, как правило, по-настоящему идущей из детства. Ее колокольный звон раздавался во всей нашей квартире и не мог не вызывать щемящей тоски по матери, по детству. А когда папа уже не слышал отчетливо ее праздничные и будничные звоны, то на мои «послушай» сам себя вслух утешал: «Нет, не слышу! Но все равно звучит все в ушах, никуда от этого не деться!»

После ухода из семьи отца, Григория Терентьевича Бобоедова, маленький Сима, оставшись вдвоем с матерью, безумно ее ревновал к любому мужчине, в котором почему-то чувствовал для себя потенциальную опасность. «Я, конечно, своим детским эгоизмом испортил маме ее будущие возможности устрой-

Знаменская церковь,
что на ул. Зеленой, в Калуге.
Лето 2004 г.

Фото М. В. Чупринина

ства жизни! Она ведь была довольно интересной женщиной, с неброской красотой, удивительно благородным внешним видом. Если к ней кто-то подходил, и я каким-то шестым чувством понимал, что к ней проявляется повышенный интерес, то начинал неистово капризничать, и мама, конечно, это понимала и ради меня немедленно прекращала разговор. Во всех прочих иных случаях я оставался абсолютно безучастным и продолжал свои детские игры». «Ну, вот, поди ты, откуда это!» – обычно искренне добавлял он.

Серафим Сергеевич очень часто говорил о том, что, потеряв мать, он, к сожалению, не успел получить от нее всего того, что она могла бы ему дать в плане будущего воспитания: «Мама мне дала очень много, но сколько же она могла бы мне еще дать, если бы не оставила меня так рано!». Александра Александровна была удивительно скромной женщиной строгих моральных устоев, особенно явных на фоне провинциальной жизни, когда все все друг про друга знают, необычайно гордой и самолюбивой. У нее был безупречный строгий вкус, как вспоминал папа, и с удовольствием добавлял, что его мама очень хорошо шила и иногда брала заказы. «Ну, если шили у Шурочки – как все звали маму – то это было большой удачей!» – в голосе была явная гордость. «Но, ведь, у мамы было слабое здоровье. Она, как говорили раньше, была сердечницей. Работать не могла много!»

Александра Александровна по отношению к сыну сделала главное в его судьбе – она первой обнаружила у сына музыкальные способности и невольно определила весь его жизненный путь, в котором он достиг, как почти всегда комментировал сам папа, «кое-каких успехов»! «Мать была для меня всем – без ее разрешения, легкого кивка головой, я не мог в гостях что-то взять со стола. Мамины указания во время наших занятий были такими замечательными откровениями, разбирая вместе с ней гаммы, этюды за роялем, я с восхищением следил за ее руками – быстрыми и легкими».

Отношение папы к своему отцу на всю жизнь осталось переполненным обидой за мать и полное пренебрежение к его сиротской судьбе! Маленький Сима подбегает к дому, возле которого стоит подвода, груженная некоторыми привычными домашними вещами отца. Рядом с подводой стоит мать. «Мама, мы уезжаем? Куда?» «Нет, Симочка. Папочка от нас уезжает!» Это был отъезд от сына на всю жизнь. Ни вопросов, ни помощи, ни желания повидаться... «Как отрезал! Я для него в жизни не существовал. Но в чем я-то был виноват? Он оставил меня крохой! Всю свою жизнь я хотел доказать отцу, что я добился всего сам, несмотря на все превратности судьбы, и главное – его полное неприятие меня как своего родного кровного сына. Ну, ты хоть поинтересуйся! Ты же отец!» – последнее папа обычно особенно выделял и, помолчав, очень часто добавлял: «Бобоедов – фамилия звучная, громкая, но – не судьба!»

«Да и вообще, – обращаясь ко мне, – мы все на самом-то деле Бобоедовы!» У деда Серафима Сергеевича, то есть моего прадеда, Терентия Дорофеевича Бобоедова, было восемь детей от двух жен. А по линии папиной мамы, у опять же моего прадеда – Александра Александровича Шмакова – было шестеро. Невероятное количество родственников бывало в российских семьях – не сосчитать, скольких двоюродных братьев и сестер могло бы у меня оказаться, и они ведь фактически существовали!

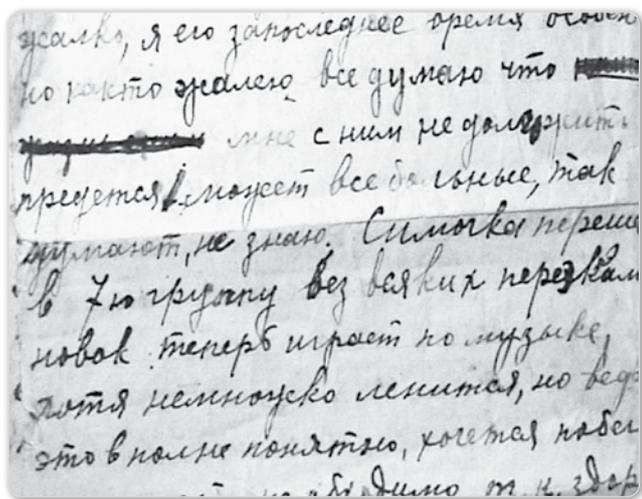
Уйдя к ближайшей подруге жены (случай сколь банальный, столь и трагический), Григорий Терентьевич нанес жестокий удар не только ей – больное сердце Александры Александровны не выдержало, но и своему сыну, причинив ему на всю жизнь невероятную, ничем не заглушаемую боль. Простить это отцу Серафим Сергеевич так и не смог.

«Последнее письмо мамочки на Кавказ своей родной сестре, присланное мне в 1960 году ее дочерью, моей двоюродной сестрой, Нюшей Заруцкой», – написано папиной рукой на конверте:

«...Здравствуйте, дорогие Симочка, Сонечка и Алечка. Крепко вас целую. Я чувствую себя все слабее и слабее – старость. Вот я решила выполнить свой долг. Дело в том, что у меня сохранялось все эти года последнее письмо твоей мамочки, и вот я решила сама переслать его тебе. Думаю, что после меня, оно особенно дорого будет тебе. У тебя была хорошая, горячо любящая тебя мама. Получила письмо от Володи, в котором он написал, что был у вас. Спасибо тебе, что ты моих детей принимаешь по-родственному...»

А вот и приложенное письмо Александры Александровны Бобоедовой-Шмаковой своей сестре Анне Александровне на Кавказ – все в нем проникнуто сердечностью, теплотой, скромностью и неотвратимостью конца:

«Дорогие Анюта и Паша! Шлю привет вам и крепко целую. А также шлю привет и целую Нину, Надю, Любочку и Володю, и Марию Матвеевну. Дорогая Анюта, спасибо тебе за привет. Ты не сердись на меня, что я так редко пишу. Все как-то складывается – раньше работа, а теперь болезни, так что все неприятности, а их у вас своих, наверно, довольно... Анюта, ты, пожалуйста, пиши про детей, в особенности про Любочку и Володю, как они играют и шалят, какие номера выкидывают. Мы с Симочкой хохочем с наслаждением... О себе скажу, что из больницы я выпи-салась, но не подумай, что я выздоровела. Нет, а только больничный воз-дух и все окружающее страшно действует на нервную систему и сердце, а так как болезнь моей ноги имеет большое отношение к сердцу, то надо,

Знаю, я его последнее время особенно
но как-то знаешь все думаю что
~~лучше~~ мне с ним не делаться
предется, может все больше, так
думают, не знаю. Симочка перешел
в 7-ю группу без всяких переэкзамен
овок. Теперь играет по музыке,
хотя немножко ленится, но ведь
это вполне понятно, хочется набегать

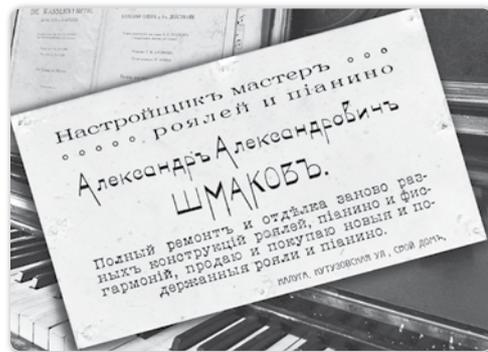
чтобы сердце было покойно. В больнице я пролежала 1 1/2 мес. И очень ослабла и похудела, и ногу не вылечили. Лечили электричеством – не помогло, несмотря на то, что электрический кабинет в Калуге хорошо оборудован, и какие виды ни применяли – все не действовало, если бы вы знали, какие боли я терпела, то рада была бы умереть, но очень Симу жалко, я его за последнее время особенно как-то жалею. Все думаю, что мне с ним недолго жить придется. Может, все больные так

думают, не знаю. Симочка перешел в 7-ю группу без всяких переэкзаменований. Теперь играет по музыке, хотя немножко ленится, но ведь это вполне понятно, хочется побегать, а ему это необходимо, т. к. здоровье его тоже неважное. За зиму простудится и болеет, а уж летом надо пользоваться воздухом и солнцем – единственное лечение детям.

Дорогие Аня и Паша. Спасибо вам за приглашение ехать на Кавказ лечиться на курорт, но для меня это мечта, т. к. средств у меня нет, а что касается работы, то у нас только успевают готовить места для ответственных работников и главков, для служащих, и то редко, когда место есть. Мне теперь нужна покойная жизнь, тогда я еще поживу. Когда я покойна, и нога моя успокаивается, а когда плачу, а это бывает частенько, или разволнуюсь, то у меня усиливается боль в ноге. Лекарства-то дают только успокоительные для сердца. Порошки и микстуры, от них я больше сплю, а для ноги растирание и ванны. С ваннами приходится возиться со мной, но Маня взяла это на себя. Ей приходится таскать воду, греть самовар, так что канители много. Я не хотела ехать из больницы, все-таки, я думаю, не особенно приятно иметь больного человека и ухаживать за ним, тем более неизвестно, сколько он пролежит. Но Маня и Сережа даже настаивали, чтобы я к ним ехала. И действительно, я чувствую себя несколько лучше, свежий воздух и улучшилось питание, а в больнице я ничего не ела. Ну вот, кое-как написала. Устала ужасно. Не знаю, разберете ли вы. Лучше не могу. Шура и Сима».

Мастерская музыкальных инструментов Шмаковых находилась в полуподвальном помещении, где они и жили. Папа вспоминал, что в те годы там было очень сыро, протопить по-настоящему было невозможно, а потому здоровье почти у всех Шмаковых было очень слабое. Анна Александров-

на со своей семьей, как считал папа, потому и прожила долгую жизнь, что судьба ее перебросила в другой климат и условия – на Кавказ. Сама мастерская была, видимо, не маленькая – там работали все братья Шмаковы, что свидетельствует о явной музыкальности всей семьи и наличии слуха, столь необходимого при настройке любого инструмента. Найденная известным калужским музыкантом и краеведом Владимиром Константиновичем Крупичатовым карточка-реклама, по-нынешнему – визитка, сообщает, что Александр Александрович Шмаков, проживающий по улице Кутузовской, в своем доме, – мастер роялей и пианино, осуществляет полный ремонт и отделку заново разных конструкций роялей, пианино и фисгармоний, покупает и продает новые и подержанные рояли и пианино. Музыка и звуки настройки разных инструментов слышались целый день, но это никак не отражалось на благосостоянии владельцев. Сырость дома, проживание в тесноте, свидетельствовали о том, что жили совсем не богато! Новая жена Сергея Михайловича Туликова Елизавета Федоровна после смерти Марии Александровны – тети Мани – не передала папе то небольшое имущество его мамы, которое все годы бережно ею для него сохранялось, а папа, конечно, и не попросил. Имущество... Возможно, слово слишком громкое в данном случае, и не о его действительной емкости и ценности идет речь, а о папином большом всю жизнь сожалении, что от матери так мало у него осталось дорогих его сердцу вещей.

Визитная карточка дяди
Серафима Сергеевича
Фотоколлаж А. Пашина

Трагедия потери матери, утраты всех небольших памятных вещей, связанных с ней, усугубилась потерей и места ее захоронения на калужском кладбище. Кто виноват – Сергей Михайлович, его вторая супруга, война, сам? Когда спохватился, уже было поздно – никаких следов: ни места, ни бумаг в кладбищенской церкви. Это было раной незаживающей, с годами еще более обострившейся. Утерянная могила казалась предательством памяти матери.

В архиве нахожу черновик письма от 23 июня 1974 года в ответ на письмо Елизаветы Федоровны Талецкой-Туликовой – второй жены Сергея Михайловича Туликова.

«Уважаемая Елизавета Федоровна!

Письмо Ваше от 26 июня с/г с адресом на Союз композиторов СССР (!?) и Министерство культуры СССР (!?), а не на мой адрес, к тому же почти не заклеенное, мне доставила в Рузу мой секретарь. Должен при-

знаться, что я крайне удивлен тоном Вашего послания, надо полагать, как результатом тех обвинений и укоров, которые Вы излагаете.

Упреки в забвении крестного и его могилы оскорбительно несправедливы, потому что, во-первых:

Во время пребывания в Калуге я ни разу не забыл пойти на кладбище и поклониться могиле крестного, и не только ей, но и месту приблизительного захоронения моей горячо любимой матери – Бобоедовой Александры Александровны – редкой по своей душевной красоте и честности человека, святой великомученицы. Но не только могила ее, но и могила ее сестры – моей тетки, настоящей и первой жены крестного – Марии Александровны, и даже приблизительное место захоронения всей династии Шмаковых безнадежно заброшены и утеряны крестным с Вашей любезной помощью. То место, которое он мне показывал в 1947 году по приезде из эвакуации в Калугу, уже было весьма сомнительным, поскольку на нем произошли быстрые последующие захоронения.

Во-вторых, фамилию родившего меня отца Бобоедова Г. Т., как Вам известно, я предал забвению за его «заслуги», а фамилия Туликова Сергея Михайловича постоянно звучит по радио и телевидению, что также является памятью не меньшей, чем любое, даже самое лучшее надгробие.

Я не буду развивать свои доводы тем, насколько охрана Вами могилы крестного является более или менее скромной услугой за все блага, полученные Вами от усопших. Считаю необходимым перейти к делу. Могилу надо срочно привести в порядок, и поэтому в ближайшее время моя супруга придет в Калугу с моей сестрой Галиной Васильевной Бобоедовой-Штокман, и они вплотную займутся этим вопросом. Материальных затрат Вам производить не следует, но всякого рода консультации были бы весьма желательны.

Желаю Вам доброго здоровья и благополучия.

Серафим Туликов».

Вот совсем небольшая заметка папы уже последних лет пребывания на отдыхе в калужском доме отдыха:

«2/VII – Посетили туликовский дом. Хозяин очень приветливо открыл ворота. У него хорошая хозяйская хватка: куры, кролики, три собаки и прочая живность. Уговаривал остаться на чай, но мы спешили, а стоило бы остаться. Новый каменный дом точно перекрывает дом туликовский. Он хорошо знает Нину и Павла Васильевича Сарапова. От Нины он в торговле. Прелестная, интеллигентная женщина! Очень рад был нашему посещению. На кладбище положил цветы на постамент общий и поставил три свечи в церкви...»

Нахожу еще одно письмо-черновик (Москва. Февраль, 92), написанное Валентине – дочери старшей сестры папиного отца Анны Терентьевны Бобоедовой:

«Дорогая Валечка,

*Спешу поздравить Вас со знаменательным днем рождения и пожелать самого наилучшего в жизни и в отношении к Вам Ваших близких. ...Я в курсе дел Вашей жизни, в курсе Ваших привычек и заповедей – все это говорит о старых добрых и, конечно, русских традициях, знакомых мне при встрече с моей крестной – Анной Терентьевной, светлейший облик которой, особенно при разговоре с Галиной Вячеславовной, неизгладим в моей памяти. Ваша мама была сверхобаятельной. Помню ее очаровательную улыбку с ямочками на щеках, раскатистый смех, редкую приветливость и сам внешний облик истинно русской женщины. А также дядю Семена, у нее жившего, человека редкой простоты и душевной красоты, и благородства. Такие люди, к сожалению, уже, вроде, и никогда не вернуться, особенно теперь, в это страшное время. Помню, как при моем с мамой единственном появлении на Боровской, в фамильном доме Бобоедовых, незрячий дедушка, Терентий Дорофеевич, воскликнул: “Никак, мой Симочка пришел?!” Они все любили нас и очень жалели маму, так жестоко и беспощадно обиженную и загубленную личной судьбой, да и здоровьем. Очень хотел поехать в Калугу, обойти все дорогие места и тихо и глубоко погрустить. **Город для меня – сплошная печаль**, и лишь приокская Знаменская и отношение Туликовых дали мне возможность как-то забывать свое сиротство. Его я почувствовал, когда поехал один в Москву сдавать экзамены в Консерваторию и меня провожала любящая меня, как родного сына, тетя Маня и один старичок – друг дома. И когда я приехал на сутолочную площадь Киевского (тогда Брянского) вокзала, то понял, что я все же круглый сирота, хотя родной отец уже жил в этом городе. По окончании Консерватории в 1940 году, женился, потом оказался в Алма-Ате, потом опять Москва, и с той поры с течением времени я понял, что все превратности судьбы оказались благополучными.*

Сейчас, в сегодняшнее время, наша профессия композитора оказалась не самой почетной, как было, но жизненные творческие начала оказывают ощутимую поддержку. В одном письме всего не скажешь. А в жизни в дальнейшем были критические ситуации. Я закончу, надеясь в дальнейшем досказать... Сердечный привет и пожелания здоровья Елене, которую Галя, по-моему, любила. Ост. Серафим».

Серафим Сергеевич часто бродил в Калуге по Пятницкому кладбищу в поисках, как ему казалось, большого дерева, от которого надо отойти чуть влево

Дорогой Серафим
 Сергеевич!
 Благодарю Вас за
 добрую память.
 Эта книга мне
 напомнила о давно
 минувших днях, А
 портрет Вашей мамы
 с сыном взволновал
 меня.
 Светло Шурра мы все
 родственники фразам,
 а моя мама ее очень
 любила и переживала
 за ее судьбу.
 Желаю Вам дальней
 шие успехи в Вашем
 благородном труде
 и еще желаю Креп-
 кого здоровья и счаст-
 стья в жизни.
 Для меня благодарный
 Вас.
 Ваша двоюродная
 сестра В.С.Муромова
 24/11-84г.

от главной аллеи, а потом... Он во-
 дил меня по всем местам, все пы-
 тался вспомнить, глаза на мокром
 месте. Я, как могла, успокаивала: но
 ведь в таком вопросе не может быть
 покоя ни от чьих-то добрых советов,
 ни от собственных мыслей! Ведь са-
 мым лучшим памятником своей ма-
 тери он был сам и его творчество,
 как бы ни звучало это обыкновенно!
 Это очевидно со стороны, пусть даже
 и близкого заинтересованного чело-
 века! Но... это просто правильные
 слова, суть которых трудно оспорить!
 Только правильные слова! Каждому
 человеку обязательно нужен крохот-
 ный клочок земли, где лежит прах
 его родителей. Это по неписаному за-
 кону создает некое равновесие в жиз-
 ни, а без него одна сплошная мука!
 Большая драма небольшой семьи!

Эпизод 15. «Спросите у Софьи Яковлевны. Она была со мной...»

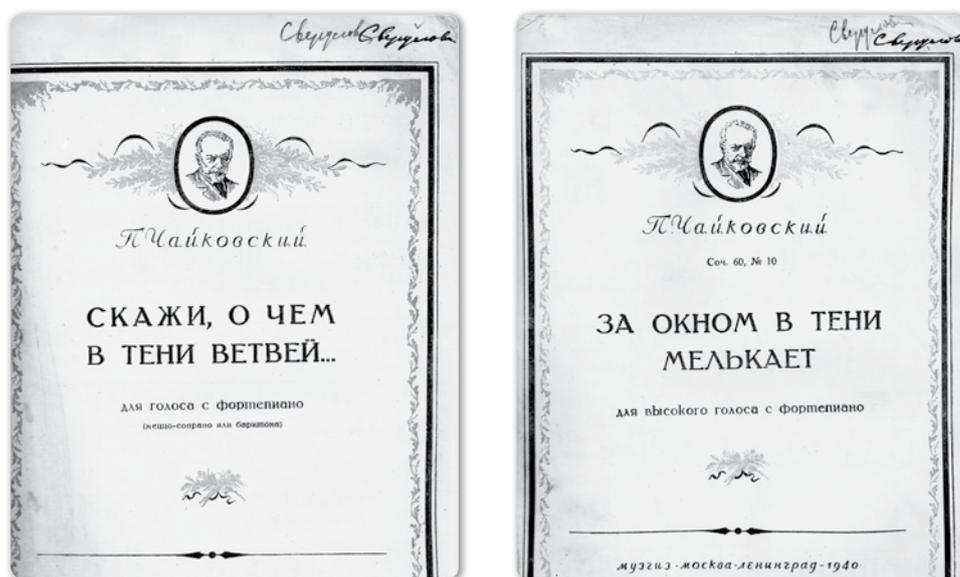
Хранителем, ценителем, человеком, принимающим на себя все удары слож-
 ных профессиональных перипетий своего супруга, его характера, была, конечно
 же, мама. Она была хозяйкой в нашей огаревской квартире, была одновремен-
 но и секретарем, и монтером, и вообще чинила в доме все, что поддавалось ее
 женским рукам. Софья Яковлевна всегда выглядела «профессионалом» на фоне
 Серафима Сергеевича в овладении всей хлынувшей в нашу квартиру японской
 техники. Она, конечно, была и первым ценителем музыкальных творений отца.
 У мамы был очень хороший слух, неплохой голос, они и познакомились в хоре,
 где мама солировала, а папа был музыкальным руководителем. «Вот и Софья
 Яковлевна сказала, что это получилось удачно», «Спросите у Софьи Яковлевны.
 Она была со мной, все видела и слышала», «Сонь, Сонь!» – раздавалось в квар-
 тире целый день.

Вообще кажется, что супружеские браки того времени были более прочные, чей-то развод воспринимался в нашей семье неким неординарным событием, его обсуждали и искали причины распада семьи с неизменным восклицанием: «Ну, как же так!?» Разлады в семьях обычное дело, при разладах выясняющие отношения супруги часто не замечают рядом детей. Не до них – главное доказать в ходе ссоры по всякому поводу, что прав именно ты. «Вода и камень, лед и пламень» создают больше проблем в житейских буднях, чем не проблем, а посему – внутренняя схожесть, а не расхождения объединяют людей больше, тогда и меньше причин для внутренних драм! Каждая семья – это отдельный мир со своими законами и правилами. Но романтическое начало всегда прекрасно, в каких бы ситуациях оно ни возникало!

Софья Яковлевна

Сохранившиеся письма моих родителей за 1939 – 1940 годы свидетельствуют и об этом. Ничего особенного. Обычные письма любящих друг друга людей: бесконечные упреки в адрес почтовых служащих, «спрятанная» ревность влюбленных, которая не была чужда моему отцу на протяжении всей его жизни, трогательные стихи, там же и забота о самых близких в его маленькой калужской семье: о тете Мане – Марии Александровне и крестном – Сергее Михайловиче, первые после Консерватории творческие шаги, первые военные переживания.

Ноты Софьи Яковлевны (в девичестве Свердловой)

Еще до войны

Письма

1.

«Миленькая!

Представь себе, как только мы уехали с вокзала, стали продавать билеты и, конечно, к моему приезду они прекратили продажу. Все же решающая схватка не миновала, и в беспощадном штурме мне удалось взять билет с плацкартой. Доехал благополучно и, как только открыла дверь тетя Нюша, приехавшая из Орджоникидзе (Анна Александровна – тетя Нюша, сестра матери. – А. Т.) набросился на нее с приветствиями. Больную тетю Маню (Мария Александровна – сестра матери. – А. Т.) застал в совсем неожиданно хорошем состоянии: она уже довольно отчетливо говорит, ходит по комнате без сопровождения и находится в прекрасном душевном состоянии (конечно, для больной). Ужасно хочет показать мне, что она уже почти здорова и дело за пустяками. А пустяки, если их можно так назвать, все-таки не дают возможности ей двигать рукой, нога уже подает бóльшие надежды. Так как будто бы все идет по-хорошему. Дядя Сережа остался переночевать только из-за меня и, проведав меня, поспешил уехать на работу. Теперь я его не увижу до следующего возвращения моего в Калугу. Здесь я пробуду всего лишь до 12-го включительно и поеду в Тулу с тетей Нюшей, чтобы там посадить ее на поезд прямого сообщения в Орджоникидзе. Так что в отношении отдыха и говорить не приходится. Там будет несколько сложнее, чем при поездке в Калугу. Из Тулы я должен попасть 15-го в Москву и именно там я, наверное, и отдохну. Уже успел искупаться в Оке прямо с поезда; сейчас пойду в центр и возьму билет на Тулу, и, как можно скорее, на реку – “испить” из нее все, что позволяют эти какие-нибудь три дня. После обеда думаю немного поработать над “Колыбельной”, т. к. вчера с вокзала я звонил Вале Родину, который потом пришел с нотами и с нескрываемой улыбкой на лице заявил мне, что “Колыбельная” одобрена к печати и требует лишь некоторых поправок.

Дорогая девочка! Я, наверно, твои письма не застаю, т. ч. если ты не успеешь послать до 11-го числа, то и не посылай, т. к. я письма все равно не получу. Письмо, посланное тобой после 7 – 8 часов вечера 11 числа, придет 13, когда я буду уже в Туле. Сейчас, когда я пишу тебе эти строки, то тетя успешно бодрствует и, по-моему, даже излишне. Как бы ей хуже не было, хотя врачи заставляют ее быть в движении. Она даже много смеется! Ну, как будто, это все, что у меня есть за такой сравнительно короткий срок. Отдыхай больше и меньше разъезжай, а то у тебя к моему приезду опять голова заболит. Крепко целую тебя (в чем ты бесспорно убеждена)».

2. Из Калуги в Поленово, 8 мая 1939 г.

«Золотце мое дорогое!

Вчера приехал в Калугу вечером и тотчас же спросил, есть ли письмо. Увы, от тебя ничего не было, и только сегодня утром в постели оно чуть не на голову мне упало, т. к. мы спим с Валькой (Валя Родин) в коридоре у почтового отверстия в двери. Очень рад за тебя, что ты все-таки вырвалась из Москвы и хотя бы отдохнешь...

Милая девочка! Когда ты пишешь, что у тебя плохое настроение, мне делается еще хуже. Ведь ты прекрасно понимаешь, каково мне, когда чувствуешь, что девочка, которую ты так хочешь видеть, находится где-то далеко от тебя и в свою очередь тоже грустит. Трудно объяснить это состояние. Вчера, например, перед отъездом в Калугу, я лежал в гамаке около пруда. Нарочно ушел от всех, чтобы отдаться своим мечтам. Место очень красивое, нечего и говорить, самый настоящий среднерусский пейзаж. Ты должна это почувствовать, т. к. сама красоту эту непосредственно созерцаешь. И вот в это время на меня напал “поэтический амур”, и я мысленно набросал. Я тебе напишу, но только предупреждаю, что это может тебе показаться слишком нелепым, смешным и наивным, т. к. подобного ты от меня еще не видела. Ну что же, как умею. Вот они:

*Последний луч угас,
Уж ночи – дуновенье.
И в этот тихий час
Приди хоть на мгновенье!
Пока ты не со мною,
Я в прошлом нахожусь.
Не чувствую покоя
И гложет душу грусть.*

*Мне, кажется, везде
Ты близко от меня.
Но только лишь во сне
Увижу я тебя.
Тарусские равнины,
Оки родной берега,
Пускай они, родимые,
Ласкают за меня ...»*

3. Из Поленова в Калугу, 12 августа 1939 г.

«Симонька, родненький!

Мне просто трудно передать ту радость, которая охватила меня при получении твоих писем... Что я только не передумала за эти дни! Я уже думала, что ты меня не любишь больше, что тебе не до меня, т. к. ты слишком долго не писал. Как мучительно было каждый день ждать от тебя писем, а их все нет и нет ... Я дружу с одной девочкой, Тamarой, которая учится в Харьковской консерватории. Мы почти все время с ней, в компании бываем очень мало. Она мне много играет. Сима! Она мне играла “Ноктюрн” Листа... Если бы это играл ты! Мне, кажется, я расцеловала бы твои руки, твои пальцы. А теперь, когда я знаю,

что у тебя болит палец, то мне больно, и мне кажется, что у меня у самой все болит. Родненький мой, нас с Тamarой здесь замучили, все время заставляют ее играть, а меня петь. Мне же достается больше, т. к. и в лесу, и на лодке, и на террасе, где бы мы ни были, я должна петь. Ты же понимаешь, такая “певица” и такой “талант” остаются неиспользованными. Симуся! Пиши мне чаще, не дожидаясь моих писем, потому что они идут так долго, 3 – 4 дня. Разве можно столько ждать ... Целую крепко, крепко, твоя Соня».

4. Из Калуги в Поленово, 18 августа 1939 г.

«Голубонька моя!

Получил твои два письма и крайне возмущен безобразной работой почты. Если так будут идти письма все время, то, конечно, мы оба будем совершенно напрасно волноваться. А ты уже думала, что я тебя разлюбил?

Неужели ты думаешь, что я способен и именно на такие вещи, чтобы сразу ни с того ни с сего забыть о тебе.

Миленькая дорогушечка!

Мне было очень приятно, когда я читал твои письма, что могу увериться, что ты там себя солидно ведешь и ничего не позволяешь. Но я хочу, чтобы тебе было весело и твоя верность не шла в ущерб твоему веселому настроению. За все это время, могу похвастаться, я сделался неплохим поваром. Мы с Вале́й готовим каждый день обед и стараемся, чтобы тетя Маня меньше работала, заботясь о нас. Сегодня я, например, ходил на базар за всяким снадобьем. Веселое дело.

Вот уже искупался, пообедали и пойдем с Вале́й на футбольный матч Калуга – Одесса.

Время проходит очень быстро, и скоро уже надо подумывать о билете в Москву. Ты пишешь, чтобы я приехал 29 числа, но я, наверное, останусь до 30-го, а приеду 31-го, так как у крестного выходной. 29-го он придет вечером и будет весь день 30-го. Скорее всего я побуду с ними 30-го числа, т. к. их уже долго не увижу: самое раннее – во время зимних каникул. Присылай скорее свои фотографии. Я очень хочу посмотреть на тебя, какой ты выглядишь образца августа 1939 г.

Ты пиши, от какого числа ты уже получила мои письма. У тебя в Поленово слишком «волохитный» адрес, туда, видимо, не особенно спешат доставлять письма. Будешь писать домашним, передай привет и обязательно вашей Марусе. Я почему-то ее сейчас вспомнил, особенно ее улыбку. Будь здорова, моя девонька. Целую тебя. Твой Серафим».

5. Письмо из Москвы в Алма-Ату. 9 августа 1941 г.

«Мой милый котик!

Сейчас встал, попил чаю и сижу за письмом тебе. Невероятная тоска по моему коту еще больше усиливается, когда остаешься совсем один. Хотя я этого стараюсь по возможности избегать, но все же такие минуты неизбежны. К счастью, не было бомбардировки, а то было бы совсем жутко. Эти два дня, т. е. сегодняшняя ночь (под 9-е) и прошлая, были спокойными. В ночь (под 6-е) я ночевал у Вальки. Одной из самых яростных была позапрошлая ночь (под 7-е августа). Было что-то жуткое, хотя я в укрытие не пошел. Требовалось большое самообладание, чтобы инстинктивно куда-либо не укрыться.

Сегодня пасмурная погода и, что будет под ночь, трудно сказать, но я лично думаю, что бомбить будут опять. Я тебе коротко писал о своих делах (открытками я посылал, рассчитывая, что скорее дойдут, т. к. письмо открытое и проверять особенно не должны), но для гарантии опишу еще. Был я у Цфасмана, он говорит, что “Марш” был исполнен 2-го числа во фронтовой передаче, и просил меня подать счет в музыкальный отдел. Марш прозвучал очень хорошо. В Музыкальном отделе я встретил Дементьева Н. И., который сказал, что по его отделу народного творчества был передан по радио мой марш в исполнении духового оркестра под управлением Петрова, и ему также он понравился.

Теперь я пошел в Музгиз, где редактор меня принял, сообщив, что марш был прослушан в ЦДКА в духовом оркестре Петрова и, очевидно, будет принят к изданию. Он меня просил зайти через 3 дня и скажет, что делать дальше.

В Союзе композиторов уже подписано утверждение о принятии меня в члены Музфонда и через 2 дня просили прийти для окончательного оформления, получения членской книжки. После этого с членской книжкой и паспортом я должен пойти в районное отделение госбанка и открыть счет для перевода мне денежных сумм.

Заходил к хозяйке на квартиру, там была Галя, но я с ней ни слова не промолвил – уж больно противно с такой дрянью разговаривать, благо в этом нет особой необходимости. Она попросила у меня в долг 30 рублей, я, конечно, ей не отказал. За квартиру я пока решил отдать 150 рублей, чтобы с ней не обострять отношения, и без того натянутые ввиду приближения новой прописки. Денег у меня уже ничего не осталось, т. к. я ей отдал 30 рублей, 30 рублей ушло на дорогу, и вообще в этот день я отдал 18 рублей за починку желтых ботинок, и остальные тянул все эти дни на еду, воду и трамвай. Ну, а получение всех этих средств будет,

конечно, но не так скоро. Мне нужно будет представить эскизы в Союз обещанных мною вещей, за которые я буду получать творческие поступления из Музфонда».

6. Письмо от 16 ноября.

«Милый котик!

Письмо это ты получишь после телеграммы, которую я тебе дал сегодня. Не можешь себе представить мое состояние, когда я почувствовал, что могу не увидеть тебя. Меня призвали в армию в момент снятия с учета, за день перед отъездом к тебе в Алма-Ату. Хожу совершенно сбитый с толку, ибо не знаю, когда теперь я тебя увижу... Поверь мне, моя жизнь меня уже не так беспокоит, лишь бы дождаться момента и увидеть тебя. Я от тебя после Пензы не имею ни одного письма. Я тебе послал 3 открытки, 2 письма и 2 телеграммы. За это время от тебя получил только одну телеграмму и 2 открытки. Жди моей телеграммы с места назначения. Завтра, 17 ноября, я должен буду явиться к 8 часам с вещами... Теперь у меня к тебе единственная просьба – как можно чаще мне писать, ибо это единственное отрадное, что будет в моей жизни. Жуть, жуть. Клянусь тебе, что если бы не ты, я все случившееся воспринял бы совершенно спокойно.

Гонорар за произведения “Марш” и песня “Идут полки...” в Музгизе тебе должны перевести на Алма-Ату. 300 рублей, которые я должен был отдать за дорогу, ты получишь от Елизаветы Эммануиловны, у которой ты получишь сие письмо. С дороги я тебе напишу... все подробно... но здесь сообщу, что меня чуть не убило бомбой. Я отделался легким испугом, ибо стоял в доме на Неглинной. Выйдя, через пять шагов за дверь на улицу, я видел, как около меня кучами лежит масса изуродованных, убитых и искалеченных людей... Так что испытал я черт знает что, и все один, один и один. Как же это...».

Конец у письма, написанного на четырех плотных листочках из блокнота, нет. Судьба вмешалась, полученная ранее эвакуационная справка в последний момент подтвердилась, и папа отправился к нам в Алма-Ату.

Вспоминая невольно о жизни других семей композиторского сообщества нашего музыкального дома, да и не только, понимаешь, что большинство жен посвятили свои жизни полностью своим талантливым мужьям. Да и для тех, кто работал, деятельность мужа была, наверное, главной. Они никогда в большинстве своем не жили, как говорится, в роскоши, несмотря на материальное «советское» благополучие тех лет, а потом пришли трудности перестроенного

Я бы все время галбко был дружен
 с приобретением вещей, так как не
 хотелось бы как вещи, которые
 требуют больших денег, и в том
 же смысле костюм, который
 совершенно невозможно
 купить иметь минимум 10 тысяч
 рублей здесь даже дороже, не говоря
 уж про все самое лучшее ве-
 шие, обувь, горю, и мука, хлеб
 дешёвые. Нашгород - 70р. кг. Карпуки
 - 45р. Мука белая 100-110р. кг.
 Хлеб - 50р. кг. Сахар - 250р. кг.
 Всё такое ценно. Желко думать
 бабовница, капуста

периода. Пройдя со своими мужьями путь
 всех «взгод» и невзгод, сыграв в их судьбе,
 я думаю, безусловно, положительную роль
 и пытаюсь поддержкой и самопожертвова-
 нием сгладить неизбежные в творческой
 среде конфликты, останавливая их порой
 от неверного шага, они отличались и все-
 прощением, и терпимостью, и преданно-
 стью. В одном из писем мама пишет из Ка-
 захстана времен эвакуации: «...Сыты мы
 все время, только трудно с приобретением
 вещей, которые требуют безумных денег.
 Первое – это Симе костюм, который совер-

шенно приобрести невозможно.. Нужно иметь минимум 10 тысяч рублей...». Конечно, папа ведь начал выступать! Так это и осталось в ее жизни самой первостепенной заботой во всем! Будучи человеком очень активным и общительным, с неплохим голосом и с явной склонностью к организаторской деятельности, мама, безусловно, могла бы найти свое профессиональное место в жизни, но, думаю, это вызывало отрицательное отношение у Серафима Сергеевича с самого начала их совместной жизни.

Характер у творческих людей, как говорят, не из легких! Хотя трудно четко определить «плохие» и «хорошие» его свойства.

Мой отец был человеком бесхитростным, деловым, но ни в коем случае не дельцом, он не лишен был честолюбия, как и любой творческий человек. Он не ходил по редакциям, если не было надобности, не стремился очаровывать и рассказывать «байки», что при прочих равных условиях позволяло установить, как говорится, «хороший контакт», и абсолютно не имел «продюсерской хватки» даже в понимании того активного творческого периода 50 – 80-х годов... Он очень любил шутки, смех, но в официальной обстановке или, как бы сказали, в учреждениях своего профиля никакого «панибратства» никогда не допускал. Был консервативным в своих пристрастиях, и творческих и житейских, и очень решительным в принятии бескомпромиссных решений без дипломатических раздумий, проявлял и жесткость в некоторых вопросах, что часто приводило к ошибкам и просто к недоразумениям. С одной стороны, темперамент иногда так его захлестывал, что тормоза переставали работать, с другой – выдержка, сдержанность. У него было острое чувство необходимой справедливости во всем, поэтому, наверное, часто расстраивался. Человеком он был предельно скромным, неприхотливым, точным и аккуратным во всех своих делах. В нем сочетались удивительная доверчивость и порой удивитель-

ная недоверчивость и подозрительность, отсюда и чувство ревности, которая, как говорят, всего лишь глупое дитя гордости. Все это означает, что он был человеком нелегкого характера. А кто из них, творческих людей, имел легкий характер!

На мои возражения по поводу случавшейся недержанности, несправедливости с его стороны, которая объяснялась, видимо, и напряженной деятельностью, да и непростым характером, мама отвечала одним и тем же: «Алечка, папа человек талантливый. Надо прощать». Талантливых людей ведь нельзя оценивать по их недостаткам, слабостям. А наш композиторский дом и все окружение – мир очень талантливых людей! Мы все знаем, какое существует сочетание и «несочетание» в огромном разнообразии «музыкальных» характеров, но при каждом из них – удивительная женская терпимость и всепрощение, которые в каждой семье хотя и разные, но такие одинаковые!

Нашла конверт с записью от 30 мая 2003 года: разные телефоны, как всегда, нотные строки и слова из статьи актера и режиссера Евгения Матвеева. Быстро выписано то, с чем сам согласен по вопросам творческого отношения к действительности тех лет и фраза Матвеева: «... мне не надо Новодевичьего, хочу лежать в тишине, под березкой!» – с пометкой «Правильно!». Разговоров никогда и не было, но часто при печальных событиях папа любил процитировать завершающие строки из известного пушкинского стихотворения, всегда особенно выделяя слова «к милому пределу» и «равнодушная», что часто вспоминает и Игорь, папин ближайший друг ...

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Пришел 2004 год. «Ну что, дочка? – спросил меня каменщик на месте вечного покоя. – Как писать-то будем? Народный артист чего, Советского Союза?»

Жена и дочь композитора

Сейчас же все то ли стесняются, то ли приспосабливаются к новым условиям? А решать-то надо сразу! В моей работе нет ничего хуже перебивки надписи!» Я сказала ему, какой она должна быть. «Вот, правильно мыслишь, страна-то была огромная!» А по-иному и быть не могло.

Похоронив отца, я приняла решение перенести мамино захоронение 2002 года, чтобы место их упокоения было рядом. В сделанной на памятнике отцу надписи за простым на первый взгляд содержанием суть большой жизни, прожитой вдвоем в течение шестидесяти одного года. Прожить столь долгую жизнь вместе, разделяя каждый шаг и вздох, без раздоров, без разногласий и прочих недоразумений, противоположных воззрений невозможно. Чувство

ревности, проявившееся когда-то в детстве, преследовало его всю жизнь, порой омрачая и собственное существование и существование близких ему людей. Он, я совершенно уверена, и сам понимал беспочвенность своего беспокойства, сам страдал, причем, как это и бывает, страдал сильнее других. Это чувство слишком сложное, чтобы разбирать и анализировать и его, и поступки им порожденные. В песне «Жизнь моя, любовь моя», написанной на слова поэта А. Пришельца, есть такие слова: «Ах, любить красивую, век не знать покоя». История совсем не новая! Это изматывающее чувство, как ловушка, поймав один раз, неважно, по какой причине, не отпускает свою жертву, заставляя мучиться всю жизнь. Оно – это чувство – родится вместе с любовью, но умирают они не всегда вместе. «Прости», – сказал отец, расставаясь в феврале 2002 года на всю оставшуюся вечность со своей женой – наивернейшей, наипреданнейшей спутницей жизни.

Эпизод 16. Мамина семья

Моя мама очень любила вишни. И, когда они по сезону появлялись в доме, она с сожалением каждый раз говорила: «Ну, они совсем не такие, как у дедушки». И из всех «винных продуктов» мама предпочитала только собственноручно приготовленную вишневую настойку. Мы с папой, бессовестные, посмеивались каждый раз, глядя на вишни, в ожидании ее комментариев. Вся мамина семья была родом из Винницы. У деда Матвея была большая семья, большой дом и вишневый сад, красоту которого в период цветения вряд ли можно забыть, а вкус вишен – дополнение к той красоте. Многие из старшего поколения представляют себе события в Виннице в годы войны. Деду Матвеем и его жене никуда ни скрыться, ни убежать не удалось – танки уже шли по главной дороге той улицы, где они жили. Расстреляли ли, угнали ли – этого никто не знает. О судьбе дома, его вишневого сада тоже ничего не известно – то ли сожгли, то ли вырубili... Три сестры, до этого уже повзрослевшие и самостоятельно жившие, избежали кровавой бойни в родной Виннице. Но колесо истории прошло и по ним. Средняя сестра Белла

Подружки в обязательных для тех лет модных беретах. Соня 3-я слева в верхнем ряду

Фаня и Соня с отцом

Матвеевна была арестована в 1936 году и отправлена «под Красноярск», откуда вернулась в 1946-м, в 1949 году ее снова забрали «для уточнения ранее недовьясненного!?» Она была всего лишь скромным сотрудником в канцелярии Министерства транспорта. Ее сын носил революционное имя Марат. Такое имя стало популярно еще в довоенное время и связано с основателем революционной диктатуры и террора, вождем Французской революции Жаном Полем Маратом. А сколько было улиц и переулков в честь Марата, уже не говоря о кондитерской фабрике в Москве! Мальчишкой ее сын погиб в первые дни войны, бросившись под вражеский танк с гранатой. Конечно, за Родину, за Сталина, хотя этого никто точно не знает, но ведь тогда иначе и быть не могло. Такая героическая преданность сына не спасла мать. Другая сестра, Татьяна Матвеевна, где-то в степях в эвакуации потеряла сына и

мужа, они умерли от голода. Моя бабушка, Рива Матвеевна, оказалась более удачливой. В Москве, выйдя замуж, родила двух девочек – Соню и Фаню. Жизнь с первым мужем не очень складывалась. Ее второй брак с Евсеем Константиновичем оказался более надежным. Евсей Константинович полюбил и красавицу жену, получавшую в свое время за эту красоту призы местного значения, полюбил девочек и родившегося в этом браке мальчишку Игоря, отдавая им всем и свою душу и зарплату. Московская жизнь семьи из пяти человек протекала в здании бывшей гостиницы у Земляного Вала, которая была превращена по правилам того времени в многоквартирный дом. Толстые стены, небольшие окна. Во весь этаж согласно гостиничной традиции тянулся длинный коридор, в котором было около тридцати комнат по его одной из сторон. Кухня поражала мое детское воображение деревянным столом длиной метров в шесть с единственной на всех, конечно, раковиной. Вдоль каждой стороны стола по строгому распределению среди хозяек и творилась еда согласно продуктовым возможностям каждой. Бабушка славилась своими кулинарными способностями! Обычно все замешивалось в комнате, а потом выносилось на кухню. В своей комнате не более 16 квадратных метров на втором этаже этой бывшей гостиницы они жили впятером вполне, как всем тогда казалось, нормально: у подрастающих дочерей в комнате умудрялась толпиться молодежь,

всех гостеприимно привечали, кормили чем Бог послал, но очень вкусно со-стряпанной хозяйкой. В семье очень любили оперу и часто ходили в Большой театр, особенно с младшим Игорем. Мои будущие бабушка с дедушкой часто вспоминали, что первое их свидание было связано с «Евгением Онегиным» и Собиновым в партии Ленского.

Девочки учились в известной в то время московской школе имени Радищева, которую все называли «Радищевка» и которую курировала сама Крупская. Учились там ребята по простому принципу проживания рядом.

В начале войны Евсей Константинович оказался с семьей в Казахстане в эвакуации. Мобилизован был в Казахстане, воевал в пехоте красноармейцем, демобилизован офицером запаса. За военную службу имеет два ордена Красной Звезды (1943 и 1944), орден Отечественной войны 2-й степени, медали: «За боевые заслуги» (1942), «За оборону Сталинграда» (1942), «За освобождение Белграда» (1945), «За победу над Германией» (1945). Если Главнокомандующим объявлялась благодарность всему фронту, то всему личному составу, участвовавшему в освобождении городов, выдавался личный документ за подписью войсковой части, в котором указывались конкретные города Молдавии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Такой документ был и у Евсея Константиновича. Сохранился в семье даже выданный ему, как и всем участникам войны, билет до родного города Винницы, так им и не использованный. Видимо, уже ехать было не к кому. В Казахстане его жена и младшая дочь Фаня работали на заводе. Моя мама, в «ожидании» моего появления на свет освобожденная от работы, вспоминала, что, возвращаясь домой, обе сразу засыпали, а Фаня засыпала сразу за столом. Евсей Константинович вернулся в конце войны из Германии в чине капитана с наградами. Прогуляться с отцом по двору, грудь которого украшена орденами, для мальчишки, Игоря, было высшей радостью.

Мой папа всем полюбился в этой семье, особенно главе семьи, ибо сам Евсей Константинович вообще был человеком равнодушным к музыке и любил помимо серьезной музыки военные песни, которые достигали всех фронтов и его не миновали. Во время застолья, уже, конечно, после войны, я отчетливо помню, как он пел своим небольшим теноровым голосом и все подпевали: «...Эх, дороги... Пыль да туман, /Холода тревоги да степной бурьян...» (А. Новиков – Л. Ошанин) или «...Играй, играй, рассказывай, тальяночка, сама, о том, как черноглазая свела с ума...» (В. Соловьев-Седой – А. Фатьянов). А слово «тальяночка» ассоциировалось у меня с девушкой неземной красоты, так как я не знала, что это гармонь. Зять, то есть мой папа, если рядом был инструмент, обязательно аккомпанировал. Военные песни – святое!

Дочери выбрали своих спутников жизни по любви. Это было нормой, ибо кроме молодости и надежд ей присущих ни у невест, ни у женихов ничего и не было.

Фрегер Володя и Фаня

Фаня со своим мужем Володей у меня навсегда связаны с невероятным количеством узлов, коробок, сумок, число которых росло по мере пребывания их у нас дома во время командировок в Москву. Они все время сверяли свои покупки с длинным списком! Дело в том, что они жили в «Кап Яре», или Капустином Яре, в 90 километрах от Волгограда Астраханской области, ныне Знаменск, а ранее наисекретнейший полигон, о котором сообщал подробно «Голос Америки». Местом строительства полигона были выбраны непригодные для хозяйственной деятельности земли – пыльная, выжженная солнцем степь в низовьях Волги. Все правильно, так было нужно! На полигон первые офицеры прибыли 20 августа 1947 года, как свидетельствует история. Разбили палатки, организовали кухню, госпиталь... Вместе с гвардейцами прибыли и военные строители. Среди них была молодая семья военного инженера Фрегера Владимира Борисовича, в свое время окончившего Военно-инженерную академию имени Куйбышева, – наидобрейшего, наиспокойнейшего человека на свете, изобретателя и мастера на все руки. Условия были наитяжелейшими, если вообще можно говорить о каких-то условиях в голой степи, где и огороды давались, как потом рассказывала и писала в письмах моей маме Фаня, с большим трудом... Мама и папа всегда понимали, в каких условиях приходилось Володе с семьей жить, и помогали как могли. Молодая семья, как и большинство семей на будущем полигоне, начинала с создания семейного уюта в землянке, так как строительства жилья для персонала началось позже, поэтому жили строители и будущие испытатели в голой степи, в палатках, землянках, временных постройках. У нас раньше так было всегда – сначала дело, а потом быт, люди. Все было в письмах сестре в Москву – а кому еще все можно рассказать? Письма – простые листы бумаги, ну сколько их можно хранить!? Хранили, как правило, любовные, связанные с чувствами... А быт и так был везде не из легких! Какая обида, их бы сейчас все собрать, просто переплести и издать, ведь письма – это дневники! Там, на месте, не хватало многого, поэтому покупалось все в Москве, и не только себе, а по списку «всем, всем, всем...». Мама, в свою очередь, была бесконечно обеспокоена посылками в секретный полигон и не только сестре, но и «всем, всем, всем...» друзьям. Сверхтяжелая работа, даже ради великой цели, не проходит без следа! «Послеполигонная» жизнь не давала о себе забывать, оставив ощутимый клубок болезней, которые

требовали лекарств, лечения... Мама с папой были в вечном поиске лекарств, тогда их нужно было не покупать, а доставать в знакомой аптеке. После демобилизации в чине подполковника Владимир Борисович, поселившись с семьей в Пятигорске, продолжал изобретать и получать авторские свидетельства и всю оставшуюся жизнь быть «в строю».

С взрослением молодого поколения нашего семейного сообщества Серафим Сергеевич помогал по мере востребованности всем: и учиться, и работать, и лечиться, и жить в условиях иных, не по родительскому невольному примеру. Помогал от всей души – его авторитет и известность позволяли это делать. Без поддержки зачастую было очень трудно решить многие проблемы. Он искренне радовался жизненным успехам всех близких ему маминых родственников. Одним словом, папино сиротство хотя бы отчасти восполнялось жизнью, заботами, радостями и огорчениями принявшей его маминой семьи.

Вспоминая всех и каждого в отдельности из окружавших тебя людей, понимаешь отчетливо еще и еще раз, что нет людей неинтересных судеб. Правда, прошедшая жизнь, когда ее вспоминаешь, да еще оставляешь это на бумаге, превращается из этапов в несколько лет и десятилетий лишь в небольшие пропущенные через сердце зарисовки. Зарисовки – это всегда коротко о чем-то, картинка в памяти, которые, как в камере обскура, видны в цвете, но как ни уменьшай диафрагму изображений из прошлого, полной резкости и глубины не получается. Они от этого не становятся менее важными, а след – пусть и незаметный с первого взгляда – безусловно, значителен в памяти самой жизни – ее делах и событиях, и в людях, ее творящих. Нужно только вспоминать и хранить письма!

Эпизод 17. Встречи, разговоры...

Со многими музыкантами и людьми самых разных профессий у нашей семьи были добрые отношения. Во многом это заслуга мамы, которая умела сдерживать конфликтные ситуации, часто брала удар на себя, понимая, что иначе нельзя. Как говорится, «вечный громоотвод»! Она вообще не умела ни долго сердиться, ни копить отрицательных эмоций по отношению к кому-либо, была дружна со многими, общительна, открыта. Отец был более закрытый, но общение, конечно, очень любил.

* * *

По праздникам семьи Туликова, Островского, Бабаева вместе ходили в почти «свой» ресторан «Арагви». Ныне легендарный ресторан закрыт на

У Хренниковых. Стоят И. Безродный, Н. Хренникова. Сидят Т. Хренников, С. Туликова, С. Прокофьев (сын), С. Безродная, С. Туликов

На 70-летию у С. Туликова.
С. Туликова, Н. Богословский, А. Пахмутова, Н. Добронравов

реконструкцию. «Арагви» был открыт в 1938 году, и его часто посещали актеры МХАТа. Этот самый знаменитый и популярный ресторан в Москве всегда был полон посетителей из-за доступных цен, и таким он оставался вплоть до конца 80-х годов прошлого века. Теперь там нашли фундамент и стены княжеских палат XVII века, что само по себе исключительно интересно, но очень жаль, что грузинские мотивы интерьеров, вероятно, исчезнут.

Иногда складывалось так, что в праздничные дни после семейных обедов в Арагви нас еще кто-нибудь приглашал в гости. «Ходить в гости» обязательно подразумевало торжественно накрытый стол, полный разных специальных угощений, созданных кулинарной изобретательностью хозяйки. Как-то раз случи-

лось так, что отказаться было никак невозможно. Решили пойти, но деликатно скрыть предыдущее пиршество, чтобы не обидеть хозяев и не поставить их и себя в неловкое положение. В основном, просили об этом папу, зная его бесхитростность. И вот все устроились за обильным столом в гостях, и Серафим Сергеевич тут же сообщил, что мы все только что из-за стола. Мама очень осторожно, наступая ему на ногу под столом, пыталась остановить папу хотя бы от дальнейших подробностей. Но, увы: «Соня, ну что ты меня останавливаешь? Мы же действительно только что из Арагви». Гомерический хохот и хозяев, и гостей. А вечер в этом доме тогда удивительно удался!

* * *

Конечно, самым большим ударом в отношениях, сложившихся в те годы между друзьями и коллегами, был чей-то ранний уход из жизни. Такими трагедиями для нас стали уход нашего соседа – композитора Андрея Аванесовича Бабаева в 1964 году и очень близкого друга тех лет – композитора Аркадия Ильича Островского в 1967 году, автомобильная катастрофа в 1968 году, унесшая две жизни – композитора Александра Павловича Долуханяна и жены композитора Эдуарда Савельевича Колмановского, обаятельной Тамары.

Узнав о смерти Островского, будучи в Праге, Серафим Сергеевич всю ночь ходил вокруг гостиницы и не мог успокоиться. Все это были трагические уходы по причине их невероятной преждевременности и абсолютной внезапности и невозможности потери.

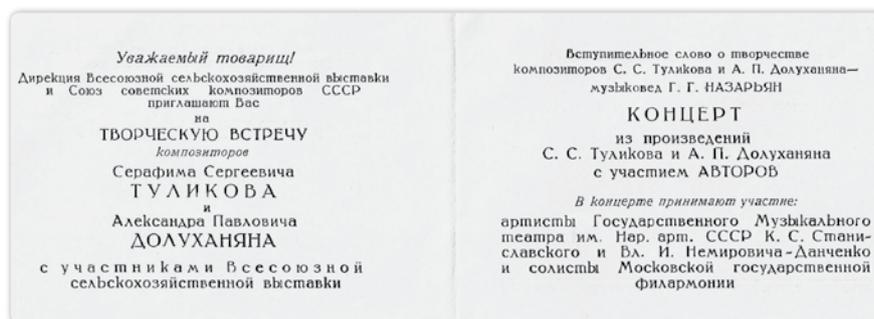
* * *

Мы были в дружеских отношениях с семьей композитора Долуханяна – с Александром Павловичем и Калерией Николаевной, как говорится, в радости и в горести... Но лучше пусть об этом расскажет сама Калерия Николаевна:

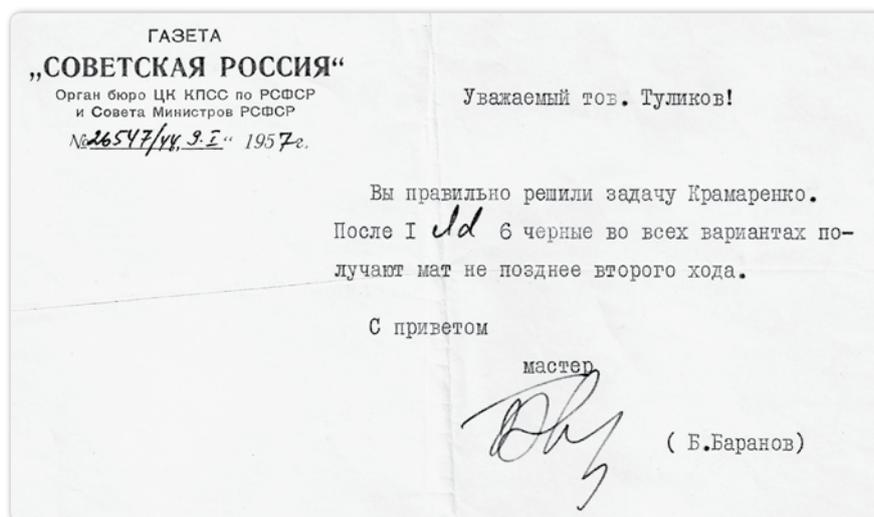

Софья Яковлевна и Калерия Николаевна

«Сима Туликов, Серафим Сергеевич, – скромнейший человек, популярный композитор... Моего мужа с Серафимом Сергеевичем связывала дружба и частая совместная концертная деятельность. Они оба были увлечены шахматами, хотя Серафим Сергеевич больше любил разбирать партии, чем играть... Супруга Туликова, Соня, была моей подругой до конца ее жизни». Калерия Николаевна совершенно права. В подтверждение ее слов я нашла пригласительный билет на творческую встречу композиторов Серафима Сергеевича Туликова и Александра Павловича Долуханяна.

Приглашение на совместную творческую встречу

Более того, сохранились письма, всего три, из газет «Вечерняя Москва» и «Советская Россия», сообщающие, что «уважаемый тов. Туликов» правильно решил «предложенную нами шахматную задачу». Мы с мамой даже и не знали об этом.

Композиторы, как правило все, имели «побочные» страсти – у нас рыбная ловля, а в семье Долуханяна – шахматы, что помимо всего прочего и связало Александра Павловича крепкой дружбой с Тиграном Петросяном. Александр Павлович был шахматистом серьезным, мастером высокого класса состав-

ления шахматных задач-этюдов. С удовольствием вспоминаю рассказ Калерии Николаевны о шахматных страстях жильцов нашего огаревского дома, к которым присоединялись и другие композиторы – «не жильцы»: «Во время матча на звание чемпиона мира между Ботвинником и Петросяном болельщики в нашем доме даже заключили пари, кто выиграет. Зачинщиком пари был Александр Павлович, который, конечно, болел за Петросяна. Спорили все наши – Туликов, Бабаев, Бабаджанян, Блантер, к ним присоединились Френкель, Шигодский и многие другие. Сделали ставки (чисто символические) на игроков. В матче победил Петросян. Проигравшие принесли деньги Долуханяну, и он, доложив львиную долю своих, заказал для всех кабинет в ресторане «Арави». Матвей Исаакович Блантер, который болел за Ботвинника, на приглашение ответил так: «За мои деньги будете надо мной издеваться. Ни за что!»» Автору великой «Катюши» можно простить все, Матвей Исаакович был человеком, видимо, своих страстей, о которых мы не знали, но очень в нашем доме уважаемым. Классик – огромный талант.

И про горести вспоминает опять сама Калерия Николаевна: «В тяжелый период моей жизни немало сделала для меня и семья Туликовых. Когда случилось несчастье, я стала метаться по квартире, не зная, что делать, и бросилась к Симе и Соне Туликовым. Дверь у них была открыта, там уже, узнав о трагедии, многие собрались.

Серафим Сергеевич относился с необыкновенным вниманием и теплотой к моему сыну. Коля приходил к Туликовым как к себе домой и, войдя в квартиру, сразу шел в кабинет, который и сейчас для него самое любимое место. И в кабинете у себя, и у нас в квартире, в кабинете Александра Павловича, Серафим садился за инструмент и играл практически полное собрание сочинений Долуханяна, а потом только – свои вещи. Коля подпевал».

Калерия Николаевна и Коля – это дорогая для меня связь времен между нашими семьями.

* * *

Знакомых было много, но близких людей, тех, которые могли вести с ним, как папа говорил, «душевные простые разговоры» было немного. Подстроиться было невозможно! Сам человек должен был быть настроен на его волну!

Во время игры гроссмейстеров.
Разбор партии. А Бабаев, С. Туликов

Серафим Сергеевич не любил высокомерности и показного хвастовства, беспричинного «умничанья», с его точки зрения, его влекло к тому собеседнику, который проявлял простую сердечность и заинтересованность. Папа не умел лицемерить, был правдив до чрезмерности, не любил обременять людей своими просьбами, а если и приходилось звонить, просить о чем-то, то переживал и готовился к таким звонкам долго. Как-то в Российском авторском обществе одна из сотрудниц старшего поколения, теперь уже большой начальник, мне сказала: «Мы хорошо помним Серафима Сергеевича. При такой известности он был удивительно скромным человеком».

* * *

Особые отношения связывали Серафима Сергеевича с моей свекровью – Еленой Борисовной Криль-Гуляевой. Елена Борисовна детство и юность провела в Тимирязевской академии, где ее отец, Борис Александрович Криль, был профессором, а потому и жил, и работал там же. Тимирязевская академия была не только научным центром, но и культурным сообществом образованных и интеллигентных людей. На домашних концертах в семье Криль любили бывать известные музыканты того времени. Мать Елены Борисовны – Людмила Николаевна – брала уроки музыки у брата Николая Карловича Метнера, с семьей которого дружил ее отец, Николай Михайлович Козлов, а сама юная Эля, как все звали ее в детстве, занималась у Эфраима Григорьевича Гельмана в Гнесинском техникуме, где были платные занятия. В это же время фортепианные занятия у Гельмана посещал будущий известный композитор и бессменный председатель Союза композиторов СССР Тихон Николаевич Хренников. Очарование юной Эли было безграничным. Молодые люди, конечно, хотели общаться с ней, а юный Тихон иногда провожал Элю, галантно неся ее музыкальную папку. Теплые отношения сохранялись всю жизнь. Впоследствии, когда Тихон Николаевич стал председателем дачного кооператива на Николиной Горе, а Елена Борисовна – его секретарем, они обычно свои деловые разговоры предваряли симпатичными воспоминаниями об «Эфраиме», сопровождая это смехом и называя друг друга по-прежнему – Тихоном и Элей. А у Серафима Сергеевича с Тихоном Николаевичем были профессиональные и дружеские отношения на протяжении всей жизни.

В Тимирязевке, на домашних концертах в большой профессорской квартире Бориса Александровича Криля, любили бывать известные музыканты того времени. На этих концертах часто выступало известное тогда трио: пианист Давид Соломонович Шор, скрипач Давид Сергеевич Крейн, виолончелист Рудольф Иванович Эрлих. Кстати, виолончелист Эрлих был чешского происхождения, а сам Борис Александрович тоже имел чешские корни, и его фамилия по отцу звучала

как Крыл. Бывал у них и Константин Николаевич Игумнов, который играл с Людмилой Николаевной в четыре руки. Игумнов впоследствии сыграл огромную роль в судьбе Серафима Сергеевича. Очень часто бывал у них в доме тогда молодой, а впоследствии видный композитор и профессор Московской государственной консерватории Николай Петрович Раков, родом из Калуги. Николай Петрович часто катался в Тимирязевском парке на лыжах и обязательно заходил в гости к профессору – кроме музыкальных вечеров его привлекала и красавица дочь.

Впоследствии судьба свела Серафима Сергеевича с внучатой племянницей композитора Николая Карловича Метнера – Татьяной Борисовной Назаровой-Метнер. Будучи председателем Московского союза композиторов, он помог ей в устройстве ее личных квартирных дел, что отражено в ее письмах к папе. Стоящая у Серафима Сергеевича в кабинете фотография Николая Карловича Метнера и Сергея Васильевича Рахманинова в Лондоне (тогда малоизвестная и, конечно, копия) – ее царский подарок. Как я теперь понимаю, это из большой фотографии, на которой оба великих музыканта сидят со своими женами по краям. «Глубокоуважаемый Серафим Сергеевич! Сердечно поздравляю Вас с воистину славным юбилеем, а чудесную Софью Яковлевну – с дорогим именинником. Желаю Вам от всей души как можно больше сил и здоровья для Вашего светлого творчества. Свой музыкальный подарок я надеюсь вручить Вам при встрече. Бесконечно благодарная Вам Татьяна Метнер (Назарова)»!

Все эти события, встречи, знакомства случайные, но они, безусловно, сыграли свою роль и в отношениях близких мне людей. Но главное, конечно, «музыкальность» душ, настроенных в одном ключе. Елена Борисовна ценила в Серафиме Сергеевиче «удивительную», как она говорила, искренность, абсолютное отсутствие фальши в чем-либо, неумение притворяться в выражении своих чувств и проявление порой абсолютно детской доверчивости. Она действительно любила его творчество, интересовалась им, и ей было приятно, когда папа лично что-то проигрывал из новых сочинений. Очень часто Серафим Сергеевич, закрыв дверь

С. В. Рахманинов и Н. К. Метнер

Всей семьей в Большом зале Консерватории: Борис, Алиса, Антон, Елена Борисовна, Софья Яковлевна, Серафим Сергеевич

Люлю и Антон на Николиной Горе

в кабинет, что было для него необычно, пристраивал телефонную трубку максимально близко к роялю и играл что-нибудь из обсуждаемой ими классики или просто свои новые сочинения. Вот такие в моей семье сложились отношения сватьев, то есть отца жены сына и матери мужа дочери. Современные молодые люди, наверное, и не знают этих слов, указывающих на отношения людей, возникших в результате брачного союза: отношения между родственниками обоих супругов.

После рождения Антона Елена Борисовна получила имя Люлю, а Серафим Сергеевич – Диди. Так, вслед за Антоном, их и стали звать все наши знакомые. Вот письмо моей свекрови Елены Борисовны, адресованное папе:

«Дорогой Диди!

В одной из Ваших песен, которая мне очень нравится, есть слова: “Суровая, доверчивая Русь”, и мне кажется, что их можно отнести и к Вам. Они также сочетаются в Вас, как и в нашей Отчизне. “Суровость”, которая, казалось бы, Вам не свойственна, появляется в Вас, когда Вы встречаетесь с ложью, фальшью, беспринципностью, и здесь Вы непримиримы. Ваша доверчивость связана с доброжелательностью к людям. И хотя она часто доставляет Вам разочарование, обиду, она все равно с Вами, она Ваша. Я с большим уважением отношусь к Вашей цельной натуре и к истинно русской душе. От всего сердца желаю Вам здоровья. Ваша Люлю».

* * *

Одним из ближайших друзей Серафима Сергеевича был мамин брат Игорь – доктор технических наук, видный специалист в области химического машиностроения, но еще и человек широчайшего гуманитарного самообразования, большой любитель и знаток классической музыки, да и всего, что связано с различными областями науки и культуры. Папа часто говорил, что Игорь мог бы стать музыковедом, если бы у него было желание изменить род своей профессиональной деятельности. Притяжение было обоюдным. Нескончаемые беседы о музыке, об истории, о современных политических перипетиях были им необходимы как воздух. Его личные воспоминания в этой книге заняли свое место и явились бесценным вкладом в общую картину описываемого времени и его действующих лиц.

«6.10.1990.

Дорогие Сонечка и Сима!

Приветствуем вас из Михайловского. Кругом благословенные места, немного холодно и дождливо, но радость душевная на каждом шагу. В гостинице тепло и уютно, питание хорошее, много чтения, а главное гуляем... гуляем, гуляем и гуляем. В этом году непрерывные дожди и даже Сороть вышла из берегов, все затопила и выглядит не так, как на открытке. До скорой встречи. Игорь».

Я бесконечно чувствую, как Игорю сейчас не хватает Серафима Сергеевича.

* * *

Научно-исследовательское судно «Профессор Штокман»

Галина Васильевна Штокман – двоюродная папина сестра, урожденная Бобедова. Ее муж был известным ученым с мировым именем – физик-океанолог Владимир Борисович Штокман, который считается родоначальником большинства физических лабораторий Института океанологии АН СССР. Помню, как мы всей семьей переживали, когда в Финляндии было готово к спуску на воду научно-исследовательское судно Института океанологии, названное в честь ученого «Профессор Штокман». Естественно, на это событие пригласили и его здравствующую тогда супругу из Советского Союза. Галина Васильевна, по существующей традиции, должна была стать «крестной матерью» этого судна. Увы, ее, как тогда говорили обезличенной фразой, «не выпустили», конечно, без всякого объяснения. Тетя Галя даже и не обиделась, а приняла это как данность того времени, в котором жила. Удивленные финны прислали подробный фотоотчет. В 1988 году геофизики этого исследовательского судна официально подтвердили открытие газового месторождения на шельфе Баренцева моря,

Галина Васильевна

что недалеко от Кольского полуострова. Столь громкое ныне газовое месторождение получило название «Штокманское». Владимир Борисович был разносторонним, высокообразованным человеком, на профессиональном уровне занимался коллекционированием живописи, в основном природы среднерусской полосы, которую любил страстно, был специалистом в кинологии. Он был очень красивый, несколько суховатый в общении человек. Темы природы, достоинства живописи московских художников 40 – 50-х годов объединяли его с Серафимом Сергеевичем. После ухода из жизни Владимира Борисовича в 1968 году тетя Галя стала фактическим членом нашей семьи. Невероятная «собачница», как и ее муж, тетя Галя иногда брала к себе нашу Нотку, поведение которой под присмотром, хотя и временной, но настоящей «собачницы», было совершенно иным по сравнению с огаревской вседозволенностью. Ноткино поведение под этим «присмотром» папа называл лаконично – «не разгуляешься». Галина Васильевна и Серафим Сергеевич были даже внешне похожи друг на друга: все-таки они были Бобоедовы! У папы сохранились тети Галины старые документы, фотография ее отца. Среди них два примечательных: первый – выдан в 1930 году для поступления в учебное педагогическое заведение с подтверждением того, что ее отец Бобоедов Василий Терентьевич работает в должности помощника мастера цеха на калужском паровозо-вагоноремонтном заводе, а второй – из Калужского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о том, что Бобоедова Галина в списках лиц, лишенных избирательных прав по г. Калуге, не значится. Горячее дыхание неизбежного времени!

Последние годы, особенно с рождением Антона, Галина Васильевна была с нами постоянно – очень ровная и спокойная по характеру, она привнесла в нашу семью много теплоты и заботы. Она «отвечала» за глажение Антоновых пеленок, и, если не могла прийти, невероятно сокрушалась, зная, что уж я-то точно не буду этого делать. С ней я делилась самым сокровенным.

В. и Г. Штокманы

В Доме творчества в Рузе в 10-й даче. Галина Васильевна, Борис и Антон

Порой они могли с папой часами вспоминать Калугу и калужских знакомых, описывая друг другу разные события, находя в них новые, ранее пропущенные подробности, что уводило в бесконечную вечную память о совместно пережитом. Одним словом – Калужане с большой буквы! Часто обсуждали и взаимоотношения Серафима Сергеевича с его отцом, ее дядей. «Симочка, – часто говорила тетя Галя, – у вас с отцом были схожие характеры – очень самолюбивые и отец, и ты – сын. Но ты мог бы сделать первый шаг!» Она была в чем-то права! Папа оставлял это обычно без комментариев. Молчал. Боль и обида за мать все перекрывала. Он, конечно, думал иначе. Очень часто иррациональное, как нам кажется, поведение даже близких нам людей не поддается нашему личному рациональному, опять же, как нам кажется, анализу. Но это ведь так!

Письмо Серафиму Сергеевичу:

«Москва 1.V11 74 г.

Дорогой Симочка!

Посылаю тебе газеты, которые вышли в Калуге 7.VII и по моей просьбе пересланные мне. Думаю, что тебе интересно их иметь для памяти. Очень жаль, что я не смогла поздравить тебя лично в такой торжественный день, но как будто злой рок преследует меня или кто случайно подстраивает мне всякие осложнения с памятником Владимиру Борисовичу. А очень хочется видеть тебя, Соню и Алю с семьей. Будьте же здоровы, веселы и отдыхайте хорошенько!

Целую тебя и Соню. Ваша любящая Галя!»

Галина Васильевна свято соблюдала традиции встреч учеников и коллег ее талантливейшего мужа в течение всех 22 лет жизни без него.

Письмо моему сыну Антону в Тулу, по месту его армейской службы.

«Москва, 29/V 1988.

Дорогой Антоша!

Со мной случилась ужасная нелепица.

Ты знаешь, что 14 июня день смерти дяди Володи, и в этот день, вот уже 20 лет ко мне почтить его память приходят его бывшие сотрудники – работники того отдела института, которым он тогда руководил. Часть из них ушли из института, часть перевелись в другие отделы, часть создали свои лаборатории, но неизменно 14 июня и 2 марта они все собираются у меня, как дети, потерявшие отца, приходят к матери. Я им за это благодарна и очень ценю их посещения. Пришли в этом году, и все несли цветы: кто розы, кто пионы, кто гвоздики, так что ваз уже не хватало. Пошли в ход кувшины и банки. А 15-го пришли дедушка с бабушкой, Добровольские. Мои соседи, тоже добавились 16-го, с ними жасмин. Вся квартира в цветах! А на улице дождь, дождь! Окно не откроешь, и некуда деваться от запахов!!! Короче, у меня началась аллергия, да такая, что я до сих пор не оправилась... Надо было все цветы выбросить и все, а как бросить. **Ведь это ему, Владимиру Борисовичу, принесли!».**

Галина Васильевна ушла из жизни в 1990 году. «Галя, Галя, ну что ж ты так! Зачем?» – приговаривал все время папа, когда узнал о Галиной смерти. Невосполнимая для него утрата...

* * *

Я вспоминаю к нам приезды калужан, с которыми у меня связано как бы ощущение «гостеприимства» наоборот. Я не говорю о хлебосольстве с нашей стороны, что естественно и иначе быть просто не могло. Приезжая к нам, они окружали Серафима Сергеевича таким искренним уважением, такой неподдельной теплотой и сердечностью и приглашали к себе с таким настойчивым гостеприимством, что хотелось ехать к ним в гости сейчас и немедленно. А уж как был рад Серафим Сергеевич их приезду! В течение нескольких лет навещал нас калужский журналист Юрий Иванович Зельников, собравший большой материал о Серафиме Сергеевиче, в котором особенно ценны воспоминания о Калуге, часть из которых публикуется и в этом издании. Часто бывали представители Детской школы искусств № 2 имени С. С. Туликова во главе с ее директором Игорем Борисовичем Жуховцевым и Татьяной Георгиевной Ивановой. Вот уже много лет Татьяна Георгиевна сама возглавляет школу и,

подвижнически преодолевая все организационные трудности, создала замечательный мемориальный музей Серафима Сергеевича при горячей поддержке всех, особенно Городского управления отдела культуры Калуги, возглавляемого Яной Вячеславовной Васиной.

Трудом всего коллектива школы – профессионалов на ниве музыкального просвещения – это детское учебное заведение превратилось в культурный центр города. С Татьяной Георгиевной и ее супругом Владимиром Сергеевичем Ивановым мы стали друзьями. О Владимире Сергеевиче папа всегда говорил: «Большой, серьезный музыкант!». В настоящее время Владимир Сергеевич – заслуженный артист России, возглавляет Оркестр русских народных инструментов им. Е. Тришина.

Не раз навещал папу Типаков Александр Иванович, талантливый композитор, ныне работающий на ниве культурной жизни всей Калужской области. Быть большим музыкантом и организатором многочисленных культурных мероприятий, возглавлять региональное отделение Союза композиторов России – задача не из простых! Я помню это по опыту Серафима Сергеевича, когда ему пришлось сочетать и руководство Московским союзом и творчество. Господь спрашивает много с талантливых и активных. Удивительно сердечными бывали встречи с Александром Ивановичем и в Калуге и в Москве. Во время бесед на нашей маленькой кухне, по московским обычаям, обсуждалось все, что касалось и творческих дел и личных воспоминаний.

«Музыка Серафима Сергеевича, – писал о творчестве Серафима Сергеевича А. Типаков, – меня сопровождала с раннего детства. И прежде всего это его замечательная песня “Жизнь моя, любовь моя с черными глазами” и “Ленин всегда живой”. Детские воспоминания почему-то связаны с этими совершенно разными произведениями. Одно патриотического содержания, а другое – чисто лирическое, нежная тонкая лирика. Основу его любого сочинения составляет целый комплекс – гармония, полифония, естественно, мелодизм. Но мелодизм не главное, ибо нельзя выделить какую-то одну составляющую часть из написанных им сочинений. Все это нужно рассматривать в комплексе».

В записной книжке Серафима Сергеевича, найденной мной совсем недавно, заметки, сделанные в последние летние месяцы его отдыха в Калуге. Среди разнообразия внесенных нотных строк есть и его записи о молодом калужском

Ю. Зельников, С. Туликов,
А. Типаков

Т. Парамзина, С. Туликов, композитор С. Дусенок, Маша Христина, Алеша Степанов – сейчас студент Музыкального училища при Московской консерватории

композиторе С. В. Дусенке, который является членом Калужского регионального отделения Союза композиторов. Речь идет о его обработке семи народных песен для смешанного хора. Возможно, Серафим Сергеевич был на концерте, так как по времени это тот последний август 2003 года, когда он отдыхал в Калуге, а может быть, это были наброски для рецензии того же времени. Удалось разобрать: «Есть определенная закономерность в том, что автор держит контрапункт в правильном стилистическом направлении. Работа выполнена профессионально, с сохранением общего национального колорита и не искажает общую картину каждой из общеизвестных песен. Обращает на себя внимание умеренная “густота” полифонической ткани, которая не перегружает произведение, и оно должно быть положительно встречено слушателем». И далее совет: первую песню, возможно, убрать, что избавит, в свою очередь, всю работу от излишних наскоков досужих, въедливых и чрезвычайно «нахрапистых» музыковедов и критиков, как обычно «зубастых и языкастых». Надо или не надо – дело автора, но совет был добрый.

Калужский журналист Александр Кравченко – неспешный, обстоятельный, автор удивительно хороших лирических стихов и текстов. При поддержке Министерства культуры Калуги с минимальными техническими возможностями Александр создал фильм «Признание в любви» о творчестве своего земляка – композитора Туликова, вложив в эту работу свою творческую душу.

Александр, сначала по приглашению Татьяны Сергеевны Ивановой – директора Детской школы искусств, а затем по собственной инициативе всегда, когда был рядом с Серафимом Сергеевичем, включал камеру. Теперь это бесценные документы!

Я вспоминаю душевные беседы с калужанами не по делу вовсе, а просто про жизнь. Сидели в столовой, а то и по-свойски на нашей маленькой кухне как с очень близкие друзья. Удовольствие от общения с «единоверцами», если можно так выразиться!

С. С. Туликов с губернатором А. Д. Артамоновым

Удивительно теплое, неформальное отношение было к Серафиму Сергеевичу со стороны главы региона Андрея Андреевича Кандренкова – первого секретаря Калужского обкома партии, губернаторов Калужской области Сударенкова Валерия Васильевича и Артамонова Анатолия Дмитриевича. По приглашению Анатолия Дмитриевича Серафим Сергеевич не раз бывал на отдыхе в санатории под Калугой, и он обязательно выбирал время, чтобы его там навестить и побеседовать, чем, конечно, несказанно папу радовал. Мне кажется, что помимо симпатий и уважения к его творчеству привлекали готовность Серафима Сергеевича к общению, заинтересованность в беседах о Калуге и его искренние пожелания на будущее: советы по благоустройству городского парка, памятного ему с детских и юношеских лет, а то и забота о необходимости создания в Калуге областного симфонического оркестра. Такие доверительные беседы, сердечная искренность и взаимное уважение – удивительные качества каждого из собеседников!

С калужанами. Первый ряд: С. Туликов, А. Туликова, Т. Иванова, второй ряд: Н. Крылова, П. Зюськов, В. Белобровский, И. Жуховцев, В. Соловьев, третий ряд: Э. Никифорова, Н. Троицкий, В. Иванов

Из выступления губернатора Калужской области Анатолия Дмитриевича Артамонова в концертном зале Россия в Москве в честь 90-летия со дня рождения С. С. Туликова 25 мая 2005 года:

«Серафим Сергеевич очень любил калужскую землю, свою Родину. Песня “Родина”, которой завершил свое выступление Иосиф Давыдович, это то, что Серафим Сергеевич всегда сам говорил о Родине. Именно любовью к Родине пронизано все его творчество. Он говорил всегда, что русские люди особенные, они отличаются именно большой любовью к Родине, отличаются тем, что умеют, если это надо, отдать за нее свою жизнь. Эту любовь он пронес через всю жизнь, через все свое творчество. Последние годы он бывал у нас в Калуге очень часто, и его 85-летие со дня его рождения мы отмечали в Калуге. На отдыхе всегда, как мальчишка, с таким трепетом ходил на Оку, и был счастлив, когда мы ему такую возможность предоставляли. Он всегда гордился калужской землей. Она особенная. Кроме того, что она святая, она еще и очень плодovitа. Она дала нашей стране много известнейших имен. Такой яркой звездой на этом небосклоне, конечно, сияет звезда Серафима Сергеевича Туликова».

Безусловно, калужская земля богата и известнейшими именами и делами. Вклад калужан во все области российской истории неизмерим.

* * *

Переплетение событий, неожиданные встречи и последующие отношения всегда придают судьбе каждой личности уникальность и, главное, определяют систему моральных координат этой личности. А добрые отношения бывают только при условии совпадения этих координат.

Совпадение таких моральных координат, сформированных общей калужской историей происхождения и всеми вытекающими последствиями, было у Серафима Сергеевича с Василием Захаровичем Власовым. Василий Захарович был родом из села Кареева Тарусского района Калужской области. Калужане! Крупный ученый, профессор, член-корреспондент АН СССР и член всяких других важных научных обществ. С его дочерью Ириной мы вместе учились в школе. В кабинете Василия Захаровича впечатляли наглядные цилиндрические и сферические тонкостенные оболочки, книги и огромный письменный стол. Перешедшие от всего этого окружения «гены» математических способностей к его дочери Ирине я почувствовали при совместном решении математических школьных «головоломок». Родители подружились очень быстро, и совместное времяпрепровождение, подкрепленное еще и общностью дочерних проблем, было порой просто необходимым. Поездки по Подмоскovie в поисках чего-то «поприличней» для девочек – и мы с Ирой ходим в одинаковых «гэдээровских» немецких вельветовых пальто, но разного цвета.

Ирина Власова и Аля Туликова в Рузе

Мои родители торжественно презентовали нам с Ирой билеты на открытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов на стадионе в Лужниках. Это был июль 1957 года. Мы, увы, туда не попали. Мы перетрясли все мои учебники, тетради, портфель – билетов не было. Моим переживаниям не было предела – это же было невероятное событие тех лет! Потом стало совершенно

Серафим Сергеевич,
Елена Ильинична Власова
и Софья Яковлевна в Рузе

очевидным, что билетами просто воспользовался кто-то очень «предприимчивый», так как я с гордостью их всем показывала.

Окутавший нас родительский фон, конечно, скрывал от нас главное в их отношениях: притяжение талантов из разных областей друг к другу. Очень часто, мы это знаем, творческие люди науки и искусства становятся друзьями. Василий Захарович и его супруга Елена Ильинична были с музыкой вполне «на ты». Замечательное трио (Василий Захарович – на мандолине, его ученик, тогда ректор Московского технологического института пищевой промышленности доктор наук Николай Федорович Гатилин – на скрипке и Серафим Сергеевич – за роялем) – сопровождало Елене Ильиничне при исполнении ею народных украинских песен. И, конечно, «концерт»

не обходился без песни Серафима Сергеевича «Жизнь моя, любовь моя». Такое замечательное «ансамблевое» музицирование не раз привлекало гостей академического научного дома Власовых. «Василий Захарович, вы вполне можете перейти на музыкальное поприще. Мы с вами не пропадем!» – шутил Серафим Сергеевич, явно с удовольствием принимавший участие в таких импровизированных домашних концертах.

Они были схожи своей судьбой, пробившимися талантами провинциальных парнишек, сполна вкусивших все то, что сопутствует покорению столицы для того, чтобы оказаться на вершине своих самостоятельно выстроенных судеб.

Среди многих именных школ Калужской области существует Тарусская средняя общеобразовательная школа № 2 имени ученого В. З. Власова. Неизмеримо богата талантами Калужская область, а потому ей низкий поклон за память о своих именитых земляках!

А у нас с Ирой в наших семьях хранятся картины художницы М. Кеслер, работы которой пришлись нашим родителям просто по душе. Замечательные цветы в вазах и просто так – незатейливые, но вся композиция дышит таким ощущаемым теплом и реальностью, что в доме всегда есть цветы, принесенные родителями.

* * *

С Володей Кокониным и его сестрой Светланой первыми познакомились мои родители в Рузе в Доме творчества композиторов. Как-то во время студенческих зимних каникул тишину композиторской столовой нарушил неве-

роятный ничем не сдерживаемый смех. За круглым столом сидела дружная компания студентов Консерватории. Кто-то, подражая Аркадию Райкину, рассказывал что-то, и они заразительно смеялись. Конечно, я оборачивалась в их сторону, потому что тоже хотелось хохотать вместе с ними. Это был Володя Коконин, который очень похоже и очень смешно пародировал многих общих знакомых и известных людей. Свой тогдашний «Галкин»! После обеда папа с ними разговорился. Папины воспоминания о Консерватории 30 – 40-х годов им были, безусловно, интересны, да и своим хотелось поделиться с известным человеком «из наших» – консерваторских. А потом у столовой возникла снежная скульптура, вылепленная под руководством Володи, – «Обнаженная с виолончелью», и вся композиторская публика была в восторге. Так в нашу жизнь вошли Владимир Михайлович Коконин и его сестра Светлана, которые с тех пор называли папу и маму «дядя Сима» и «тетя Соня». Не было праздника в нашем доме, большого или малого, чтобы не присутствовали Володя с женой. Окончив Консерваторию по классу кларнета, Володя поступил в аспирантуру и, как говорится, «загремел в армию», где отслужил положенное, описывая позже с невероятным юмором эту ситуацию и подкрепляя свой рассказ песней Туликова и Пляцковского о «Девчонках, которые ждут». Они ее там пели как своеобразный гимн солдатской жизни. После возвращения его из армии Серафим Сергеевич, как и многие Володины друзья, старался ему помочь с устройством в новой, неармейской жизни. Это всегда нелегко! Но Володя сам прошел по конкурсу в оркестр Большого театра, откуда и началась его блестящая карьера по ступеням столь сложной и тонкой сферы, как культура: от артиста оркестра и далее через разные ступени к значимым и высоким постам – директор Госконцерта, директор Большого театра. Блестящий организатор от природы, с отличным образованием, высокой эрудицией, он по праву занимал все свои должности и сделал на этом поприще много полезного.

Софья Яковлевна, Серафим Сергеевич, Моисей Рыбак – журналист «Эхо Москвы», стоит его жена Валя, сидят в кресле Юля и Володя Коконины, сзади Аля и Боря

У Володи было невероятно много разных увлечений. Он один из первых увлекся съемкой и созданием своих фильмов, фотографией. Впоследствии были организованы даже выставки его фоторабот. У нас, в семье Туликовых, благо-

даря этому собрался большой архив фото- и кинодокументов, а у папы в кабинете до сих пор висит сделанный Володей мой большой портрет. Увлекаясь джазом, он собирал записи и удивительно стильно оформлял коробочки, те старые, для хранения ленточных кассет. Его фантастическая по тем временам коллекция маленьких автомобилей служила для моего сына стимулом получить хорошую отметку, чтобы «отправиться в гости к дяде Володе и играть в машинки». У нас ли на Огарева, на даче на Николиной встречи Нового года, да и вообще все застолья с ним были наполнены таким искрометным весельем, что представить наши молодежные и «взрослые» родительские «сборища» без Володи было невозможно! О разных этапах своей жизни и друзей он «сотворял» книжки со стихами, смешными текстами, фотографиями, рисунками. Конечно, мои родители его очень привечали. Серафим Сергеевич очень хорошо отзывался о Володиных авторских программах «И все это музыка» на «Радио России», которые он посвящал пропаганде достижений отечественной и музыкальной культуры, что было очень близко самому Серафиму Сергеевичу. Прекрасная русская речь, насыщенность и красочность материала, харизматичный голос делали такие передачи очень популярными. У Володи был безусловный литературный талант. Одной из многих причин того, что твои друзья становятся и друзьями твоих родителей, являются взаимное уважение, общие интересы. И это возможно, несмотря на различие во взглядах по причине разного возраста на многие стороны современной жизни. Культура у нас у всех должна быть общей!

Эпизод 18. Я дочь и рыбака тоже

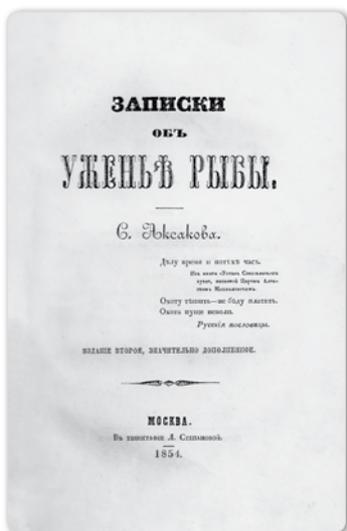
В консерваторские годы Серафим Сергеевич написал романс на стихи А. С. Пушкина «Аквилон», который получил первую премию на конкурсе студенческих работ. «Зачем ты, грозный Аквилон, тростник прибрежный к долу клонишь...». Аквилон у древних римлян не что иное, как северо-восточный или северо-западный ветер. Он-то и принес непогоду в пушкинское стихотворение! Выбор был не случайным для юноши 20 лет, с детских лет жившего на берегу Оки и преданного рыбалке в течение всей своей жизни. Обычно каждое утро Серафим Сергеевич подходил к окну – смотрел, сколько градусов на улице и какой ветер. «Ну, н-е-ет, сегодня клева не будет!» Ветер – северный!» или какой-то другой, не подходящий для рыбной ловли. Какой клев, когда все

дни были расписаны! Не только творческая, но и общественная жизнь его была очень насыщенной. Это присутствие в секретариате Союза композиторов, в Музфонде, выполнение обязанностей председателя Московского союза композиторов и депутата Моссовета, обязательное присутствие на всевозможных общественных мероприятиях и, конечно, большая концертная деятельность. Однако любимая рыбная ловля – «уженья» – была не отпускающей страстью на протяжении всей жизни. Примечательно, что такую же сцену «с ветром» я наблюдала и у композитора Людмилы Алексеевны Лядовой, когда приходила к ней в квартиру в нашем огаревском доме по поводу ее статьи для книги «Дом старая лей – Огарева, 13». Закрывая в одной из комнат форточку, Людмила Алексеевна – заядлый рыбак, возвращаясь, как бы сама себе сказала: «Ветер-то северо-восточный». Я с пониманием улыбнулась. Заядлые рыбаки!

Мои родители не были накопителями, даже если финансовые возможности и позволяли. Они жили «сегодняшним» днем. Ни дач, ни ценностей особых не наживали. Попытки купить, построить дачу закончились ничем, хотя и существовал композиторский дачный поселок где-то в Абрамцево. Правда, пытались несколько раз жить «съемной» дачной жизнью. Проведя за свой счет газ и свет в снимаемый домик на Николиной Горе, заплатив к тому же «за постой», отказались от этого навсегда. Серафим Сергеевич не мог там усидеть ни дня. Он уезжал на привычные любимые Сенежские просторы сразу на несколько дней, потом придумывал новые рыболовные маршруты, собирал свою рыбацкую компанию и уезжал. Родители решили, что «не очень нам и нужна дача и нечего на ней сидеть». Дача воспринималась не как появление солидной собственности, вклад денег, забота о своем будущем возрасте, а как нечто, что привязывает и заставляет «на ней сидеть»... О вкусах и пристрастиях не спорят, и они никогда об этом не жалели. Были в то время вполне доступные известные санатории и дома отдыха, где творческие люди отдыхали от столичной жизни, а потому дачная жизнь у нас не обсуждалась. Родители, правда, с удовольствием приезжали на дачу моей свекрови на Николину Гору в гости, любили наши «террасные» посиделки, а вечером уезжали домой на Огарева.

На рыбалку

Серафим Сергеевич был членом многих рыболовных обществ. Он знал все рыболовные магазины, рыболовные толкучки на рынках Москвы. По воскресеньям, как правило, ездил на Птичий рынок, находившийся тогда еще в Москве, в центре, где продавались не только нужные рыболовные приспособления, сделанные умельцами, но и всякий прикорм, а главное, что привлекало его там, – это разговоры с понимающими людьми. Постепенно в течение всей жизни он создавал и свою рыболовную библиотеку. Все журналы «Рыболов-спортсмен», «Рыбоводство и рыболовство», переплетенные и аккуратно сложенные, всевозможная самая разнообразная литература всех

направлений очень мило дополнялись всевозможными фигурками рыбаков, деревянными и стеклянными, открытками по теме, при случае подаренными друзьями. Из букинистических магазинов – Сабанеев и Аксаков. Вот и я почему-то открыла «Записки объ уженъ рыбы» Сергея Тимофеевича Аксакова 1854 года издания, кстати – отца будущих славянофилов. Это второе и дополненное после 1847 года издание начинается посвящением его братьям и друзьям:

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, –
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы
В царство рыб и куликов:
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы.

Это стихотворение-посвящение Аксакова всем рыбакам и очень точная характеристика многих ощущений с этим увлечением связанных, которые я вспоминаю и по собственным впечатлениям и рассказам папы. Это просто про него! Воистину – «чудотворец и целитель», который позволял папе уходить в мир природы и спокойствия и в свои незабываемые «молодые годы» на Оке.

Не могу не процитировать и великолепное описание природы, где лежала папина закладка: «На зеленом лугу, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов под шатром исполинского осокоря, или кудрявой

ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или лежат неподвижно наплавки ваши – уходят мнимые страхи, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды. Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всей пошлостью человеческой речи» (с. 12).

На берегу Москвы-реки в Рузе

По этому поводу много написано и издано, но попавшаяся мне папина книга с закладками позволила лишний раз изумиться удивительной прелести описания и убедиться в мудрости и вечности высказанных замечательным писателем соображений. Закладка оказалась в правильном месте. Я не «любител-рыболов», но, как дочь человека, для которого «удочка и ужение» были составной частью его душевного мира, с большим увлечением прочитала этот изумительный трактат об ужении, о природе и вполне свободно «плавала» в терминах этой первой книги, изданной на русском языке для «охотников до ужения», коих «много на Руси». Аксаков вспоминает: «Прошлого года привезли мне в подарок из Гавра много чудесных лес, очень тонких и полупрозрачных, имеющих в то же время (покуда они сухи) какую-то упругость и звонкость струны... В Гавре их называют американскими. Рыба берет на них очень охотно. Может быть, это волокна какого-нибудь американского растения» (с. 28). Может быть, но, вероятно, это уже что-то из серии технологических чудес того времени. Эти «заморские чудеса» оставались всегда востребованными в области «уженья» в нашей семье, что мне доподлинно известно:

и многие иные места с условными названиями, нахождение которых без папы уже и не определишь. Многие из этих мест – закрытые водоемы, и даже при некоторой известности папы требовались специальные пропуски, и хлопотать надо было заранее. Приходилось регулярно писать специальные прошения на имя... и от имени... на разрешение пользоваться водоемом таким-то, где рыбы было не больше, но давали лодки и прочие всякие удобства – мечта для рыбака тех лет! Нашелся черновик с исправлениями и поисками наиболее убедительных доказательств. Разобралась: «Генеральному директору Управления водно-канализационного хозяйства Мосгорисполкома т. Храменкову С. В.

Уважаемый Станислав Владимирович!

Секретариат Союза композиторов СССР просит дать разрешение народному артисту СССР, лауреату Госпремий СССР и РСФСР композитору Туликову Серафиму Сергеевичу на право спортивной любительской рыбной ловли. В прежние годы Туликов С. С. длительное время пользования такой возможностью без малейших замечаний и предупреждений».

Подпись – «Председатель Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников» и, конечно, все регалии председателя. Серафим Сергеевич вообще и в других делах старался жить по правилам «без малейших замечаний и предупреждений». Эти просьбы бывали целыми событиями с черновиками писем, подписями, вызваниванием нужных секретарей. В результате выдавалась некая бумажка не очень «казистого» вида, но очень папой вожденная. Именно она всегда искалась среди прочих документов первой – как самая важная! «Что вы, это же пропуск на Учу! Терять ни в коем случае нельзя! Немедленно надо найти!» Учинское водохранилище в Московской области и поныне зона строгого контроля, но земля вокруг продается, и добыть разрешение, чтобы порыбачить там, большая проблема, но в новых условиях!

Очень часто в записках проскальзывает сожаление о том, что из-за занятости нельзя выехать вовремя, а «...заря на судака проходит». Прав был Иосиф Давыдович Кобзон, говоря о свободном времени композитора: «Кто куда, а Серафим – на рыбалку!».

Масса советов по правильной варке овсянке – то ли добавлять к ней манку, то ли нет, по разным видам прикорма, насадок, которые обычно назывались по имени тех, кто их дал, музыкантов, поэтов – тоже любителей рыбалки: по Лядовой, по Градову, по Парцхаладзе, по Вартамяну, по Регистану, по Фаттаху, по Щедрину, по Денисову (сыну), по Светланову, по Афанасьеву, и, конечно, советы, выписанные из «Рыболова-спортсмена». Записи о тех, с кем ходил на рыбалку, много заметок по Антошиному участию в рыбалке по приезде его в Рузу и Сортавалы. В активное рыболовное время дома, а на отдыхе на электрической плитке (предмет, входивший в обязательный рыболовный

У костра на берегу Москвы-реки

На зимней рыбалке с другом

Большой улов

список при отъезде на отдых) варилась специальная овсяная каша, дабы угодить рыбе, особая готовность каши определялась папой и на вид, и на вкус. В холодильнике, и на отдыхе и в Москве, в специальных коробках с дырочками, обязательно на чистой тряпке, которая заранее испрашивалась у Сони, укладывались мотыль, ручейник в ожидании своей печальной участи, если доживали. Иногда мотыль боролся за свободу и выползал из своего так любовно устроенного ему папой жилища. Мама сердилась, я тоже поддерживала некоторое возмущение по этому поводу. Тем более что холодильник из обычного в Москве уже превратился в «Розенлеф». «Ну, как вы не понимаете? Это же чистейшие безобидные существа. Они же чище всего, что есть вокруг нас!» А мотыль действительно был изящный, темно-красный, чистенький. Серафим

Сергеевич, рассуждая о рыбной ловле, как о самом лучшем для него виде отдыха, обычно говорил: «Мои домашние всегда очень благосклонно относятся к моему увлечению. Только, конечно, улыбаются, когда прихожу домой без улова, оправдываясь внезапным северным ветром, переменной погодой. Иногда приходится покупать свежей рыбки, но всегда честно признаюсь. А то бывает только три ерша! Я называю это отчетным минимумом».

Из «Рыболовных заметок»:

«Руза-87(август – сентябрь) с 2.08 по 13.09.87.

3 сентября, четверг. Все это время холод и дожди. Пасмурно. Сегодня вроде бы посветлело и дождя нет. Ловил на старом месте (скрещение 1 куста и середины большого дерева). Глубина 5½ метров. Начал в 12.30 дня. Вскоре сошел ладонный подлещик. 1.30 взял крупный подлещик (лец!), сорвался уже в подсачнике. Вес около 700 – 800 грамм. Поклевок почти нет, сильно озяб. Поймал еще 2 небольших подлещика; в 4.30 снялся с якоря, т. к. пошел очередной дождь и очень холодно, знойко. Необходим ватник, да и теплые штаны. Манку можно не варить: долго и малоэффективно – лучше геркулес. Манка (при геркулесе) с ее затяжной варкой (1 час) уступает ему, учитывая его скорую варку – ее применять вряд ли (здесь) целесообразно».

Рассказы...

«10 сентября, четверг. Ловил с 11 ч. На старом месте, но посредине между кустом и мостом и в 20 метрах от дамбы (левее по отношению к большому дереву), глубина 5 метров. С утра было светло и до 1 часу поклевок совсем не было. Менялась облачность. Ветер юго-западный. Попался ладонный подлещик. В два часа была поклевка с подсечкой, и из глубины

попалось что-то тяжелое. Рыбина, и большая. Осторожно тянул, не давая слабины. Увел вдаль. Подтягиваю и готовлю подсачник. В 1½ метра от воды – пошла в правую сторону – к садку и, ударившись об него, сошла. Приблизительно вес не меньше килограмма с небольшим. Наступило предгрозые, стало крутить, и в 4 часа при полном бесклевье снялся с якоря».

«Сортавала-84:

12.08. Выезд после обеда. С трудом Алечка и Антоша набрали ручейника. Ловили на той стороне, из конца камышей к воде. Глубина 2 метра. Сперва пусто – зеркало, потом легкая волна и начались регулярные поклевки. Поймано 20 штук, в общем, мелко-средней плотвы»

14.08. ...Погода неожиданно резко меняется (ветер, температура и давление, что влияет на клев). Вечером ловил с пристани Фаттах, с кормушкой на шесте. Насадка – тесто, сдобренное анисовым маслом!»

«Сортавала-85:

7.07. День рождения. Выехал опробовать спиннинги с тяжелыми блеснами и 2 отвесными блеснами. До мачты подвез катер. Огромная туча надвигалась неотвратно. Стал на легком катере с длинным фалом. Сделал несколько бросков тяжелой плоской. Ничего. Гроза над головой. Клева нет. Пошел дождь. Пришлось ретироваться к берегу у скалы. Простоял под деревом 1 час, про все передумал, намок и при затихании уехал обратно».

Качели для Али

Я очень хорошо помню в середине 50-х наши поездки в деревню Кропотово, куда-то, как казалось тогда, далеко, по еще старой Каширской дороге. Река Ока! Это тоже было одной из папиных задумок! Туда брались все продукты, включая, конечно, сливочное масло, которое имело «странную» привычку подтаивать при естественной летней плюсовой температуре. Был у папы приятель – Александров Толя. Мы в две семьи на нашей новой машине «Волге», только что купленной, выезжали в какие-то известные среди рыбаков, но не известные тогдашней широкой публике места. Долго ехали до реки Оки, стояли в невероятную жару в длинной очереди среди грузовиков и лошадей с повозками на паром, на некую грузовую переправу. Потом на нее заезжали и «без ветерка» пере-

плывали через реку, далее по проселочной дороге неширокого образца среди лесов и полей в места, по рассказам, полные рыбы, ждущей с нетерпением московских рыбаков и их московского корма. В полном упоении и в предвкушении были сами рыбаки – папа и дядя Толя... Снимали классическую избу у местного одинокого жителя, со свинушкой, хрюкающей где-то в загоне, и с курами, которых я все время кормила из хозяйского мешка без всякого «порядку». Мешок был вскоре убран с глаз городской и нерадивой москвички, и специально для нее хозяин соорудил качели, чтобы отвлечь от пустой траты куриного корма. С местным парнишкой копали для рыбной ловли опарышей – толстеньких белых личинок больших синих мух, очень любимых практически всей речной рыбой. И... чем больше улов, тем больше расстраивалась мама. Она терпеть не могла чистить рыбу. Из уважения к нелегкой женской доле папа часто чистил рыбу сам. Варили, жарили, коптили – настоящая была «средиземноморская диета» по-русски! Конечно, красоты там были первозданные, о чем напоминают сохранившиеся фотографии. Папа уже тогда увлекся фотографией, поэтому и мои воспоминания полны невероятного реального ощущения, даже от темных и нечетких кадров, сделанных тогдашним фотоаппаратом «Киев».

Кропотово, 1953 г.
Копаем опарышей

Озернинское водохранилище.
Местный корреспондент нашел
композитора, чтобы взять интервью...
1987 г., 16 марта

Еще помнится пожар в деревне – горел дом на нашей улице. Папа с хозяином дома с ведрами воды из бочки, стоящей на нашем дворе, бежали на помощь – тушить. По всей деревне раздавались удары в рынду. На лошади с бочкой подъехал местный пожарный... Понятное дело – дома не стало. Кажется, при недавних нынешних пожарах уже в этом столетии обещали все сельские местности оснастить столь важным инструментом оповещения о беде – рындой. Все вокруг бегут на помощь! А деревня сохранилась, их, оказыва-

ется, было две – Большое Кропотово и Малое. Большое Кропотово – пять дворов, семь постоянных жителей, и стоит на той же Оке. На карте деревни Малое Кропотово просто нет, она, видимо, присоединилась, или «съелась» Большим. Я не курочек искала и хрюшек, а людей. На карте – пространства и отсутствие дорог, но в Интернете все пестрит рекламами по району – продается, продается, коммуникации, коммуникации... Есть ли там по-прежнему рыба – вот в чем вопрос?

Огромная страсть, связанная с природой, оставалась всю жизнь. Но в трудные годы, когда уже и по возрасту ему казалось, что никогда не придется воспользоваться любимой резиновой двухместной лодкой с насосом и двумя подушками, они с мамой решили ее продать, справедливо полагая, что она должна стоить больших денег, так как заграничная, польская. На Онежской улице в охотничий и рыболовный комиссионный магазин огромный мешок был сдан. За лодку дали деньги, которые показались небольшими, но, чтобы не везти ее назад, согласились. Всю ночь папа мучился, и рано утром они поехали в магазин, чтобы отдать заплаченные им за лодку деньги и ее, столь «бесценную», забрать домой. В магазине сообщили, что лодка продана, и один из продавцов, узнавший папу, сказал, что она была продана в тот же день по цене в четыре раза дороже. Запись об этом я нашла тоже в той самой «рыболовной коробочке». А тогда я: «Папа, давай купим другую!» – «Ну, что ты, такой другой не будет. Она была исключительная!»

Подледный лов

Тихая рыбалка

Рыбалка с препятствием

Сортавальская удача. Г. Свиридов.

Фото С. Туликова

Тоже удача, и тоже в Сортавале.

С. Туликов

Время поздних звонков, переговоров с рыбаками вечерами после напряженного дня, ночных сборов, выездов в 4 – 3 утра уходило. В последние годы Серафим Сергеевич любил сидеть вечерами и переключать, перебирать крючки, перематывать веревки, смотреть блесны, звонить тем, кто еще помнил прежние. Серафим Сергеевич знал, что в рыболовных магазинах уже можно купить все, но душевная влюбленность в свои «сокровища» в этих неподъемных

рюкзаках была сильней желанья купить все самые привлекательные новинки. Настоящий военный белый овчинный полушубок папе подарили в Тюмени во время концертной поездки по Сибири. Он стал главной рыболовной одеждой для зимней ловли. Во время сильных московских морозов, когда в квартире было холодно, папа признавал только полушубок в качестве утепления – никакие заграничные шерстяные пледы, сделанные на заказ одеяла его не устраивали. Полушубок грел и навевал рыбацкие воспоминания: лед, мормышка, яркое солнце – и действительно грел не только тело, но и душу. Для многих людей со страстью к ужению, как отметил Аксаков, «всякое сочувствие к нашим склонностям... могут и должны быть приятны... Уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом» (с. 8). Добавить ничего к этому нельзя!

Эпизод 19. «В лагере Глиэра, что у речки Руза, живем мы, пионеры Советского Союза...»

Каждое лето с первыми лучами каникулярного солнца родители отправляли меня либо в детский сад в Кратово, либо в детский или пионерский лагерь в Иваново или Рузу – оба от Дома творчества, все при композиторском Музфонде. Дачи были редким явлением, и снимать их как-то было не очень принято, возможно, просто среди знакомых моих родителей. «Композиторские» пионерские лагеря, детские сады в Ивановской области были созданы в деревне Горино при «Птицесовхозе № 69», чтобы было чем кормить. Место тоже знаменитое в истории музыкального сообщества. Там, в бывшей усадьбе и его разнообразных пристройках, был организован Дом творчества, где в военное время жили Шостакович, Прокофьев и другие именитые музыканты. В Старой Рузе – это уже был специально задуманный и выстроенный Дом творчества. Внизу под горой и построили пионерский лагерь

Многие дети «нашего профсоюза» отдыхали всегда в пионерских лагерях. Это было в порядке вещей. «В лагере Глиэра, что у речки Руза, живем мы, пионеры Советского Союза» – вот такую песню Серафима Сергеевича пели на линейке в нашем лагере. Нашла фото: в гостях в пионерском лагере в Рузе на трибуне стоят мой папа, почему-то поэт Илья Резник – может быть, стихи написал, а может быть, там были и его дети – родственники, композитор Анатолий Новиков, кто-то еще, неузнаваемый, но видимо неслучайный. Все мы, дети композиторов, музыковедов и сотрудников, выстроены по обязательному квадрату вокруг трибуны с флагом. Я помню сына Никиты Богословского Кирилла, мою подружку Таню, дочку бессменного секретаря Д. Д. Шостаковича

Композиторы и поэты в пионерском лагере в Рузе.
Слева Е. Крылатов, поэт И. Резник, С. Туликов, справа А. Новиков

З. Я. Гаямовой, Мишу Островского... Летние, зимние пионерские, а потом и студенческие лагеря в Старой Рузе объединяли всех детей могучей тогда организацией под именем Музфонд, давая в большинстве своем «бездачным» родителям возможность творить относительно спокойно, вверяя детей родной организации. Все-таки правильные профсоюзы – это сила! Я помню, как автобусы с детьми отъезжали в детские сады и лагеря от старого Дома композиторов на Миусской, и мои родители, как, впрочем, и все другие родители – композиторы, музыковеды, работники всевозможных служб – что-то нашептывали пионервожатым и руководителям: «Вы знаете, она (он) у нас такая(ой) непоседа!» Слушающие очень понимающе кивали всем одинаково в знак обещания. В течение многих лет там работали жена композитора Фере Тамара Петровна и сестра Зои Ивановны Дунаевской-Пашковой – Лидия Ивановна. Милейшие и добрейшие люди. Детей любили всех абсолютно одинаково, как и положено. Родители часто «подкрадывалось» к нашей независимой пионерской жизни в Рузе, приходя сверху из Дома творчества композиторов к нам в лагерь имени Глиэра, для контроля, но не «проявлялись». Вспоминается, как мои родители и родители Жени Табачникова – Модест Ефимович с супругой Ритой – пытались с нами делиться полученным наверху дефицитом, но пионерская совесть гордо восставала.

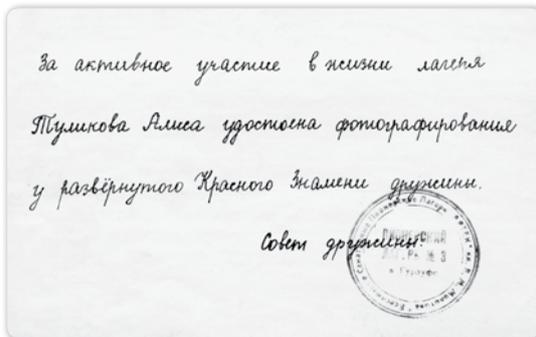
Какое же это было замечательное, но главное для тех лет правильное время по организации отдыха такого огромного количества детей! Весь берег

Москвы-реки с обязательным огороженным поплавками водным пространством для заплыва и «выплыва» наполнялся детскими голосами, звуками спортивных свистков и пионерскими горнами. И все это для сотен и сотен детей от разных организаций только лишь в окрестностях нашего родного Дома творчества композиторов в Старой Рузе. А сколько было гостей из окрестных лагерей и соответственно приглашений композиторам выступить перед детьми! Ну как же не вспомнить добрым словом этот период в нашей и семейной и общественной жизни.

В одном интервью популярного московского журнала известному художнику и коллекционеру задали вопрос: «Чего вам в Москве не хватает?» – «Да дворцов пионеров не хватает! Очень сильно не хватает! Таких социально значимых мест, где могли бы существовать молодые, юные организмы... Кружки общественные какие-нибудь...» (Большой Город. – 2012. – № 25. – С. 62). Это и про бывшее пионерское лето!

Однажды очень торжественно меня отправили в знаменитый пионерский лагерь Артек – в тогда наш солнечный Крым у самого Черного моря в Гурзуф! Уж очень родителям хотелось отправить меня к морю в лучший пионерский лагерь. Артек, как казалось всем школьникам Советского Союза, был только для отличников учебы с примерным поведением, и попасть туда было можно только по решению совета отряда или дружины то ли класса, то ли школы. Из всех требований «на отлично» я подходила только по духу коллективизма, веселому нраву и примерному поведению. Но кто бы мог подумать! Оказывается, были путевки и на продажу! Возможно, родителям пришлось отчитаться за мои успехи, и в качестве веского аргумента привести мои художественные заслуги! Это были просто невидимые скрытые рыночные отношения нашего социалистического общества! Разбирая архивы, я нашла мое письмо из Артека – высохший, но до сих пор не рассыпавшийся, лист крымской магнолии, на котором я написала свой домашний адрес и два слова привета. Видимо дерево меня так поразило, что хотелось немедленно поделиться впечатлением с родителями! У меня приняли забавное письмо на местной почте в Гурзуфе, очень спокойно наклеили марку, и оно благополучно добралось до Москвы. Необычное письмо и, конечно, мои подарки всем членам нашей семьи – обклеенные ракушками коробочки – неперенные сувенирные атрибуты крымского побережья, да еще и фото на фоне развернутого артековского флага показывали всем гостям! Родители гордились!

На присланных из лагеря фотографиях с группой ребят свою фигуру я обычно помечала буквой «Я»: «А вдруг не узнают!?» А одна из коробочек долго стояла у папы на столе и честно служила для сбора случайно оказавшихся не на месте рыболовных крючков и скрепок. А в письмах я обязательно спраши-

Аля на фоне развёрнутого артековского флага

вала: «Как папочкина работа?», понимая под этим папину фигуру, сидящую за инструментом. Перед глазами картина – удивительно аккуратные наточенные карандаши, один из которых часто держался в зубах, маленькие очень мягкие ластик, настезь распахнутая дверь в кабинет, звонит телефон – и мама что-то решает, иногда окликая папу для совета...

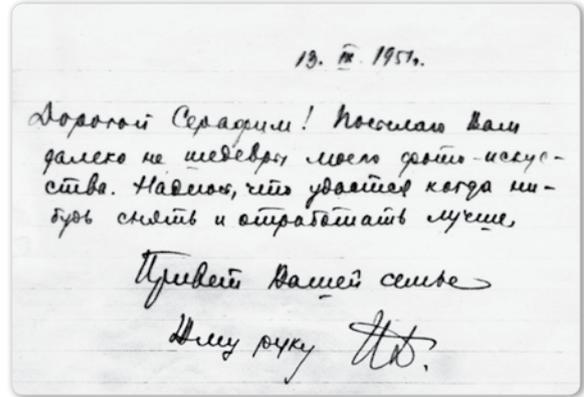
Эпизод 20. Дом творчества композиторов в Рузе. «Здесь я как дома!»

Место летнего отдыха у всех жителей нашего огаревского дома определялось в первую очередь наличием рояля, а для нас еще и обязательной близостью водоема и возможностью взять с собой собачку Нотку. Таким райским местом, другого определения и не подберешь, была Руза – Дом творчества композиторов у Москвы-реки. Вообще-то город Руза распадался на две части: Старая Руза, где собственно и находился Дом творчества, и Новая Руза, куда ездили за покупками.

Никогда нами это географическое различие при разговорах не употреблялось – существовала только одна Руза, и обязательно, по любви к ней всех в ней побывавших, только с большой буквы. Улавливалось это ухом, они же все были музыканты! В апреле – мае на Огарева настроенное ожидание. В Музфонде, как было принято говорить, «распре-

Статья в газете «Красное Знамя». 1988 г.

Руза. Аля в столовой.
Фото И. О. Дунаевского

Знаменитая лавочка в Рузе. Стоят: сын А. Хачатуряна Карен, С. Туликов, композитор А. Зацепин; сидят: С. Туликова, жена и дочь Зацепина музыковед М. Сабина

деляли Рузу». Потом, встречая друг друга во дворе или в лифте нашего дома, спрашивали: «Вам Рузу дали? А какую дачу? А какой месяц?». Кажется, весь дом переезжал в Рузу и на праздники, и на школьные каникулы, и, конечно, на лето. Очень любили Рузу и в нашей семье. Местом общения для обмена впечатлений в Доме творчества служила столовая, знаменитая площадка перед ней и знаменитые скамейки, на которых собирались все для обмена музыкальными новостями, всевозможными историями и анекдотами, наша знаменитая волейбольная площадка и, конечно, теннисный корт. Я помню, как Василий Павлович Соловьев-Седой в шутку уговаривал меня переехать в Ленинград, привлекая

то самолетом, то машиной. Собравшиеся вокруг после завтрака выступали с предложениями, чем заманить, а я гордо отказывалась. Вид столовой, еще той, самой маленькой, удивительно уютной, сохранился для меня, благодаря фото, сделанному Исааком Осиповичем Дунаевским. Матильда Ефимовна, жена Аркадия Ильича Островского, эстрадная балерина, собирала нас, девочек, на даче композитора и директора Большого театра в то время Михаила Ивановича Чулаки для обучения балетным танцам. Близость к руководству Большого мне не помогла, ибо моя исключительная подвижность опережала и счет и музыку. И все-таки часть моей жизни впоследствии была связана с Большим, правда, в абсолютно ином качестве. У меня хранится маленькое колечко с бирюзой, подаренное мне женой Анатолия Григорьевича Новикова – Клавдией Митрофановой. Композитор Леонид Викторович Афанасьев научил меня съезжать на лыжах со страшной «чертовой» горы, ведущей из Дома творчества к Москве-реке. Композитор Юрий Абрамович Левитин со своей супругой сватали мне своего племянника Бориса и сосватали. Мы – дети – были всегда окружены вниманием всего композиторского сообщества. Это способствовало объединению всех во время отдыха, наша детская непосредственность не знала ни творческих разногласий, ни творческих пристрастий. В тот час, что «отводился полтехе», развлекались весело: и карты, и лото, и шарады, и шахматы, и теннис, и волейбол, хоккей, коньки – кто во что... Я помню, что одно лето играли в шарады. Во главе шарадных вечеров были Валя Левина – умница из умниц, дочь композитора Зары Александровны Левиной, и ее муж Володя Познер.

Теннис был игрой очень уважаемой в Рузе, и теннисный корт никогда не пустовал, там можно было увидеть семьи Левитина, Карена Хачатуряна и, конечно, Молчановых – сам Кирилл Владимирович, Володя Молчанов и его сестра Аня Дмитриевна. С ними часто играл мой муж Борис, а позднее и сын Антон. Приходили поиграть и поболеть из соседнего Дома актеров. В хоккей играли в зимние студенческие каникулы те же летние «теннисные» семьи композиторов, Максимы – Дунаевский и Шостакович, Володя Коконин и многие студенты-консерваторцы. Иногда ставили на ворота и меня, что чаще заканчивалось очередным синяком, ибо в азарте никого не различали и гендерные признаки не принимались в расчет. Зато после забитого, естественно, гола поднимались вверх клюшки и разносилось серьезное спортивное «Ура!» Места для зрителей были, как правило, заполнены. Мои родители игроками не были, но болели страстно, поддерживая с трибун. Серафим Сергеевич, хотя и не играл в спортивные игры, был необычайно ловок и ничего никогда не боялся. Что он только не выделывал в лодке, абсолютно бесстрашно! Он был в ней как в своей стихии! Уже не говоря про скрытые от мамы подробности рискованных въездов на машине на лед. А болельщиком он был заядлым: футбол и, конечно, шахматы.

Мне из рузской жизни запомнился один далекий вечер зимних каникул 1956 года, когда по телевизору впервые показывали концерт Ива Монтана – бывшего на гастролях в Москве. Телевизор образца тех лет, возможно, это уже «Ленинград», был тогда только в нашей старенькой столовой. Мы – ребята из лагеря – обычно приходили на какие-то передачи и особенно концерты. В тот вечер столовая чудом вместила всех «музыкальных» отдыхающих. Родители жили в даче, наверху, а я – в зимнем лагере с ребятами – там веселее! Нас – детей – ввиду переполненности столовой по такому особому случаю не позвали, но нескольких (среди них была и я) все-таки наверх допустили, предупредив, что стулья занимать нельзя и надо тихо стоять в самом конце зала, откуда были заранее вынесены столы.

Маленькая элегантная фигурка Монтана в черном была нам почти не видна, но голос и музыкальный восторг собравшихся помню очень хорошо. Все, расположившись на стульях, как в настоящем зале, самозабвенно аплодировали после каждой песни. Присутствовал ли там в то время сам Мокроусов, написавший известную песню тех лет на слова Якова Хелемского «Задумчивый голос Монтана звучит на короткой волне...», которую много лет пел Бернес, – я не помню.

По приезде в Москву Серафим Сергеевич был немедленно мной послан в магазин за всеми вышедшими пластинками Ива Монтана для всех ребят, стоявших со мной там, «в самом конце зала».

Это был замечательный подарок!

Письма Серафима Сергеевича

из Дома творчества композиторов в Старой Рузе

*«Заброшенные детьми и изнуренные дождями, мы живем в общем неплохо. Потихоньку одолеваю остатки оперетты; послезавтра «повезу» 3 номера, и, кстати, рассчитываю на удовольствие послушать в оркестре некоторые опусы, если к этому времени Синицин успеет «очистить» партитуру от нежелательных «наслоений». К рыбной ловле отношусь *moderato tranquillo*... Сегодня во время рыбной ловли ко мне подъехали на лодке Левашов и Жарковский и с шиком поднесли мне стопку водки. Жалею, что эту сцену не сфотографировал какой-нибудь кинолюбитель!»*

16.VII. 90. Мне, находящейся в первой командировке с Большим театром в США:

«Как всегда получили от тебя послание из Нового Света. Очень рады твоему хорошему настроению, ибо, как говорится, бытие определяет

сознание. В первый раз, по своему впечатлению, это «ошарашивает», когда оказываешься на дне каменных громад. Обязательно, если тебе это удастся, пройдишь, как я тебе говорил, по Бродвею.

Мы живем в общем по-старому, преодолевая неумолимый бег времени. С 30 августа в 15-м коттедже. Работаю много. Конечно, в курсе всех внутренних и международных событий. Телевизор у нас в этом году оказался черно-белым, но информация настолько острая и захватывающая, что уже не до цвета. «Отыграемся» уже дома. Нотка, основной кумир нашей микросемьи, чувствует себя довольно уверенно и независимо, выжимая из нас максимальный комфорт. Предел ее мечтаний – поблаженствовать на чистой белой простыне, куда ей удастся пробраться мимо «спящего Симы», естественно, до момента его пробуждения. В этом году в Рузе с «собачьим» вопросом значительно легче, т. к. у входа в столовую «посетя» собачья семья: двое родителей и трое детей, и нам это на руку, уже не та острота вопроса. Ездил два раза на Озерну отвести душу, но не очень удачно: первый раз попал в дикую жару, во второй – в дождь. Приходящие, не очень регулярно, переведенные из Москвы газеты ожидаем с большим нетерпением, т. к. в связи с иракскими событиями каждый день может принести в общем не очень приятный сюрприз. Находясь в Рузе более сорока лет, наблюдаешь, как многих уже безвозвратно нет, многие состарились, а бывшие юнцы и малолетки уже ходят в мужьях и женах, да еще и с детскими колясками.

Антоша уехал на Север в экспедицию в студенческую практику, но еще в Москве попотчевал нас хорошим мороженым, выстоянным в многочасовой очереди на Старом Арбате. Вкусно и разнообразно.

Ну вот, пока все новости. Теперь уже до твоего приезда, тем более что к 15 сентября и у нас все кончается. Надеемся, что у тебя, судя по всему, будет все нормально.

Целую, папа».

Существование Дома творчества композиторов в Старой Рузе вообще было ничем иным, как абсолютным раем не только для творчества, но и для отдыха со всей семьей. В Рузе было создано немало известных сочинений, собственно для этих целей и предоставлялись такие условия, потом были специальные отчеты, прослушивания, обсуждения. И действительно работали все много. Но у нас – детей и внуков – осталось впечатление на всю жизнь чего-то абсолютно радостного, беззаботного, домашнего, родного. Каждая тропинка знакома: дорожки-аллеи, заросшие по сторонам орешником, гулянье по которым часто сопровождалось музыкальными звуками, доносившимися из дач, спуск

к реке по пологому длинному склону, чуть-чуть через лес налево – и выход к Москве-реке, где находилась небольшая лодочная станция и пляж. Незабываемы и коллективные походы в «кино» в Дом актеров ВТО, находящийся рядом, или в дальний Дом писателей в Малеевке.

Очаровательные дачи с «полным обмундированием» из двух-трех комнат, обустроенный кабинет с инструментом, придававшие всему деревенский уют печи, которые топились по первому требованию проживающих в любое время года. Дрова рядом с дачей под живописным специально с этой целью построенным навесом-беседкой. Помощницы по уборке в дачах, официантки в столовой знали каждую семью, их привычки, вкусы, и отношения, как и в доме на Огарева, были самые дружественные.

День рождения папы в Рузе. Слева направо: Антон, композиторы Н. Минх, С. Кац, С. Заславский с женой, супруга Каца, композитор из Казахстана. Софья Яковлевна следит за готовностью

Софья Яковлевна. Подготовка ко дню рождения папы

К дачам, как правило, привыкали и по возможности жили в одной и той же. Они так и назывались – дача Чулаки, Хренникова, Хачатуряна, Молчанова, Туликова по некогда постоянно живущим в них композиторам. В выделенный Музфондом срок жили в них, конечно, самые разные композиторы и музыковеды. В Рузе было все необходимое, однако сборы туда были невероятно обстоятельными по заранее составленному папой списку вещей. Машина «Волга» была загружена полностью, так как рыболовное хозяйство и особое место для собачки Нотки были основными. Мама держала папин портфель. Выезжали обязательно рано утром, часов в 7, чтобы дорога была свободная, и приезжали, как правило, до завтрака. Разгружались незаметно,

папа старался осуществить разгрузку так, чтобы никто не видел нашего огромного количества вещей. Было как-то не очень удобно, но потом все признавались друг другу со смехом, что переживали то же самое, ибо вещей у всех было видимо-невидимо!

В Рузе обычно очень шумно и весело справляли папин день рождения – 7 июля. Родители заранее отправлялись в Москву за продуктами на Центральный рынок. Папа старался приурочить к этому событию улов, который жарили на кухне или, что особенно всем нравилось, коптили в специальном папином чемодане-копильне все вместе.

Дня рождения Серафима Сергеевича ждали многие, обычно творившие и отдыхавшие в июле в Доме творчества. Знали, что хозяева готовятся по полной программе. Ну, потом, конечно, все за инструмент. По очереди. Вспоминали, шутили, пели песни всех композиторов от души! Забывались все творческие споры, недоразумения в отношениях и т. д. и т. п. Все становились просто музыкантами, «которые смеются». Серафим Сергеевич, никогда не куривший и после гостей всегда с полотенцем ходивший по квартире или по даче и «выгонявший» дым в форточки и окна, брал сигарету, ужасно неумело, и сам над собой смеялся. Это называлось: «Туликов пошел в загул».

Общение в Рузе порождало массу шуток, многие из которых потом становились самостоятельными историями и часто рассказывались друг другу. В общении там наступало полное раскрепощение от официальной Москвы.

У папы была специальная зеленая школьная тетрадь в клеточку еще с таблицей умножения на обложке в конце с надписью «Фразы, реплики, каламбуры». И вообще они еще были разбросаны в разных записках, папа записывал все, что его заставляло улыбнуться. Особенно он увлекался игрой слов...

Вспоминаю про Рузу. Все стоят терпеливо в очереди у телефонной будки звонить в Москву. Композитор Брусиловский стремится пройти без очереди и заявляет: «Здесь у вас очередь звонить, а я, правда, спешу...» Папа ему говорит: «Евгений Григорьевич, вы хотите прорваться – пожалуйста, прорывайтесь! Но тогда в честь этого мы назовем ваш прорыв Брусиловским!» Вся телефонная очередь смеется... Они сразу вспомнили, что в Первую мировую в 1916 году в Австро-Венгрии был осуществлен знаменитый победный прорыв генерала Брусилова, названный в истории Брусиловским.

При встрече на прогулке музыковед Зак, который написал про Туликова большую исследовательскую брошюру, уж не знаю до этой встречи или после, приветствуя папу, назвал его Серафимом Семеновичем. «Ну, вот, вы уже забыли мое отчество. А вот мы вас помним, ибо вас забыть нельзя». «Почему?» – удивился музыковед. «Потому что вы всегда с нами, дорогой Владимир Ильич!» –

У костра. Крайний справа – вечный «товарищ» всех посетителей Рузы наш лодочник Будь-Будь

ответил ему автор известной песни про Ленина. «Бедному» Владимиру Ильичу Заку, наверное, не раз доставалось от шутников.

Все обитатели Дома творчества вспоминали лодочника, которого звали не иначе как «Будь-Будь». Он был частенько для многих «третьим» для употребления принесенного с другого берега реки зелья из известной забегаловки под названием «Мокроусовка», куда наиболее нетерпеливые, втайне от всегда бывших начеку своих жен, переплывали, держа одежду в одной руке. Лодочник, имени которого даже никто и не помнил, обычно выносил стаканы из будки, где хранились весла, и, чокнувшись перед принятием «зелья» с пригласившими, обычно приговаривал: «Ну, будь-будь!». Как бы ни осуждали мы сие поведение известных и менее известных творческих людей, приговаривая: «Ну как же так!», но все же понимали, что это многим «подстегивало» и настроение, и творческое воображение! Как быть? Умеренность во всем!?

Зимний случай, вызывающий улыбку. На Новый год в Рузе обязательным был большой костер, для которого заранее заготавливались дрова, и все этого костра ожидали. И вот мы с восторгом вокруг него ходим, бегаем и шутим... Вдруг супруга Марка Анатольевича Фрадкина восклицает, что она потеряла кольцо, конечно, красивое и, конечно, с бриллиантом. Все бросились на поиски в ночи под костром. Увы! Сочувствовали, переживали, уговаривали, что это дело наживное и не стоит расстраиваться. Жаль, конечно! На следующее морозное солнечное утро Марк Анатольевич решил еще раз прогуляться по местам «веселья» прошлой новогодней ночи и, удивительно, у столовой сверху

на одном из сугробов вдоль дорожки, ярко горя, расцвеченное всеми положенными по статусу камню красками и искрами, спокойно дожидалось своей хозяйки утерянное кольцо. Новогодняя сказка, но была!

У нас в Рузе часто гостили поэты, драматурги, режиссеры – все, с кем работал Серафим Сергеевич. Увидеть всех композиторов в неформальной обстановке на даче, в столовой, и на знаменитой перед ней площадке, услышать и серьезные разговоры, и нескончаемые шутки, анекдоты остроловов, конечно, было желанным для многих. В Рузу приезжали и многие композиторы из союзных республик. Серафим Сергеевич очень тепло общался со всеми, но особенно с композиторами из Казахстана, так как многих отлично помнил со времен эвакуации, знал и понимал их творчество. В Рузу часто приходили и приезжали организованные группы отдыхающих из соседних санаториев и домов отдыха. Об этом директор Дома всегда предупреждал заранее, чтобы была возможность сделать групповое фото и пообщаться. Все с удовольствием откликались на такие просьбы, за которыми часто следовали концертные выступления уже на территории гостей – соседей.

В домашнем архиве невероятное множество уникальных фото пребывания в Доме творчества, сделанных не только папой, но и многими знакомыми тех лет, которые, конечно, фотографировали детей, застолья дней рождений, окружающую природу и обязательно дарили друг другу на память. Бегающее по аллеям очаровательное кудрявое существо – внук Серафима Сергеевича, то есть мой сын, – никого не оставляло равнодушным. Все дарили Серафиму Сергеевичу фото маленького Антона осенью, ибо, напоминая молодым читателям, нужно было проявить пленку и отпечатать фотографии.

Детей окликали по имени и фамилии деда: Антон Туликов, Антон Френкель, Лиза Листова, Андрей Хренников... Многие внуки оставили фамилии своих дедов по разным причинам, а некоторые уже во

Антоша.
Фото Н. Добронравова

Антон и Лиза Листова

взрослом состоянии просто поменяли свою фамилию на фамилию деда! Складывается по-разному. В свое время папа сожалел, что если я поменяю фамилию, то после уже никого с его фамилией не останется. Я это понимала.

Существование такой идеальной атмосферы для творчества было возможным только благодаря мощи Союза композиторов СССР и Музфонда. Что тут можно добавить? Эти две организации старались поддержать и менее успешных в денежном отношении, и право жить в Рузе имели все деятели композиторского и музыковедческого творчества. Среди оставленного творческого композиторского наследия немало было создано и в благословенной Рузе, а иначе, возможно, многое и не возникло бы. Там была особая, как говорится, аура для творческого вдохновения.

Аля и Наташа Хренникова

Аля и Люба Новикова

Б. Мокроусов и И. Дунаевский
на берегу Москвы-реки.
Фото С. Туликова

Сергей Михайлович Туликов (слева) в гостях
в Доме творчества. Далее: М. Островская, С. Туликова,
Т. Хренников, К. Хренникова, А. Островский. 50-е гг.
Фото С. Туликова

Все в гости к композиторам

С гостями в Рузе.
Декабрь 1971 г.

Туликовы и Э. Колмановский

Композитор М. Табачников с супругой, ..., композитор
С. Баласанян с супругой, С. Кац и С. Туликова.
Фото С. Туликова

На аллее в Рузе.
С. Туликов и А. Пахмутова

Среди гостей в Рузе

В гости к композиторам в Дом творчества.
Сидят: редактор радио Б. Глан, С. Туликов, З. Левина, Ю. Слонов, Е. Жарковский

Дорогой Сергей Сергеевич спасибо Вам
за теплые встречи! Доброго Вам здоровья,
большая творческая честь. А. Алексеев (19/1)

Эпизод 21. «С таким хорошим дедом нигде не пропадешь...»

Антон, мой сын, вносил в жизнь деда все ворвавшиеся в страну новшества, за которыми люди старшего поколения не успевали следить, перегруженные заботами и беспокойствами свалившихся на них внешних событий. Простояв со своими университетскими друзьями по нескольку часов в очередях за чудесами «Макдональдса» и «Баскин Робина», он обязательно нес пробы на Огарева, чтобы удивить объехавших весь мир деда и бабушку тем, что и у нас теперь такое есть. Они искренне этому и удивлялись. Его рассказы о технике и новинках «диковинных» часов загадочных фирм доставляли Серафиму Сергеевичу истинное удовольствие тем, что он видел юношеский неподдельный восторг внука, а сам он любил свои старые часы, еще военного времени, или те особенные, полученные в подарок на очередном съезде или памятные от губернатора Калужской области. Все заграничные диковинки его занимали на несколько минут, он понимал их некую особенность, но никогда не стремился ими обладать. Исключение составляли некоторые рыболовные принадлежности: как-то лески особой тонкости и прочности, японские удочки и спиннинги.

После окончания школы внук Антон поступает на биологический факультет в МГУ. В конце второго года обучения в университете его призвали в армию. Это были непростые годы для всей нашей семьи: оставление Антоном учебы в университете и уход на два года в армию, потом возвращение на курс младше и снова за учебу. После длительного перерыва многие ведь вообще не возвращались к прерванным не по своей воле занятиям. Антон в течение этих двух лет не раз высказывал соображения о том, что деньги можно зарабатывать и не только образованием. Сумасшедший, разнузданный рынок беспечных легких денег набирал обороты, оказывая свое пагубное влияние на молодежь! Сразу и очень много. В нашей семье и в семье моего мужа Бориса Алексеевича Гуляева образование всегда считалось делом самой первостепенной важности, которое помимо всего прочего давало самостоятельность. Еще в мою учебную жизнь папа не уставал повторять: «Ты должна быть самостоятельной, ни от кого не зависеть!». Вот поэтому он проявлял такой горячий интерес и участие в моем учебном и послужном списке и в жизни мамино-

Рисунок из письма Серафиму Сергеевичу от мальчика по поводу детской песни в одной из передач

го брата Игоря, и в жизни моей двоюродной сестрички Ирочки, приехавший учиться в Москву из Пятигорска, где жила семья родной сестры моей мамы. Все должны получить образование и работать по специальности. И папа как мог помогал всем. И делом и словом!

«Дорогой Антошенька!

Прочел твое письмо и чувствую, что ты полностью в учебной мышловке. Видимо, все-таки это же не самый худший вариант в твоей биографии, и ты еще так молод (особенно с вершины моих преклонных лет), что все будущее и, конечно же, от тебя зависящее, еще впереди. Мы все на это очень надеемся, хотя лично я, тебя к перегрузкам не призываю.

Очень ждем тебя к Новому году, посмотреть на тебя и выпить в честь этого заранее выпрошенную у бабушки лишнюю рюмку водки. Думаю, в этом случае всегдашних возражений не будет.

У нас все в порядке, заканчиваем «ползучий» юбилей, проходящий вообще не плохо. Все здоровы и благополучны.

Обнимаю. Диди

22 сентября 1994»

Папа как-то умудрялся и посочувствовать «тяжелой» жизни и дать твердо понять, что иного пути и быть не может. Он сам «хлебнул» немало на своем пути и спуску не давал никому. Учиться и обязательно работать! Антон свою диссертацию в американском университете, где это принято, предварил посвящением, в котором среди прочего сказано «Я благодарю моих родителей за постоянную поддержку и мотивацию получения мной высшего образования. Своим собственным примером они показали мне, сколь многого можно достигнуть в жизни благодаря высшему образованию». Это «относительно многое», то есть наши научные достижения – скромные мои и значительные мужа – были отголосками прежней советской жизни. Когда Антон завершил свою диссертацию – это был совсем иной период, все уходило из учебных заведений в банки и супермаркеты и становились менеджерами. В советское же время получение научной степени кем-то в семье было предметом большой гордости.

Я никогда не забуду, как папа, чтобы меня не смущать, тайно пришел на мою защиту и скромно стоял в коридоре, чем почти меня напугал, ибо я этого никак не ожидала. А вечером дома, тогда уже запрещали собрания по поводу защиты в общественных местах, спонтанно собрались все домашние и члены Совета, которые были в восторге от папиного приглашения абсолютно всех и устроенного им домашнего концерта. Антон о своей защите сообщал нам

посредством телефонных звонков и электронной почты. Времена менялись стремительно! Мне, как и многим, хочется надеяться на то, что вера в образование возвращается по-настоящему, а не массовым стремлением получить «корочки». Количество продаваемых в переходах в Москве дипломов всех образцов свидетельствует о том, что мы движемся в правильном направлении, но не все сразу! Главное – есть потребность в дипломах!

Отъезд Антона на учебу, а потом и работу в далекую страну папа воспринимал как очень для внука тяжелое испытание, ибо быть абсолютно одному в чужой стране в течение долгого времени ему казалось совершенно невозможным. Так было всегда, даже в своих собственных командировках он очень нетерпеливо ожидал возвращения домой. Хотя часто говорил о том, что «загранотерапия» очень вещь полезная, но только не долго. «Как вы не понимаете, он ведь там совсем один в чужой стране?!» Да, он знает язык, там есть друзья, многое достигнуто и в профессиональном плане, но к дому ведь привыкаешь подсознательно на века, на всю жизнь. Дед оказался прав! Любое самое совершенное общество, даже приняв вас в свои ряды по всем правилам игры, никогда не заглушит щемящую тоску по всему родному. Для нашей семьи это очевидно! А работать можно везде, ибо мир стал без границ.

Я думаю, что дед бы гордился успехами внука, как гордимся мы с мужем. Единственное, что печалит, это легкое красивое серебро в волосах моего сына! Рано, как у деда.

С. Туликов с внуком

Всеобщая забота

Первый автомобиль – дедов подарок.
Николина Гора

Дай померить!

Антон на Николиной горе.
Фото Б. Кауфмана

С таким дедом нигде не пропадешь!

В 1-й класс.
С дедом и отцом Б. Гуляевым

В Колонном зале на концерте

Внук принимает присягу

В Рузе. Серафим Сергеевич
с внуком – ныне профессором
Сан-Францисского университета

С бабушкой в Рузе

Внук и правнук за роялем деда –
все не так просто!

Антон и Кристина с детьми – правнуками Серафима Сергеевича

Швейцария (продолжение)

Папа, будучи из семьи швейцарцев
 организатором целого ряда выставок
 в Женеве: «Создание и развитие Гримальди»
 «Митинг Революции о наших армиях»
 «Зовем к сотрудничеству»
 «Французские оленя "Носка" - Женевка»
 «Свои люди не, именуя в уюте»
 «Ваша Тоска - Ветская Гасфалерма»
 «Шварцкопф» «Векторизация с нашей модернизацией»
 «Женевка в музей мис. швейцарцев»
 «Рядом с вами Бедовей (русск. язык. язык.)»
 «Не верю - попробуй»
 «Гереборг, Ед. Готтинг (Италия. Давидович)»
Дружеский 1952

Цель поездки: беседа между Союзом
 студентов. Беседы приемы. Состав:
 Звездина, Сергей Федорович, арт. Валер
 Габриэль и др. Многие из студентов
 разных национальностей приехали
 в Женеву, чтобы поговорить о своих
 нуждах, переживаниях.
 Наши поездки закончились поездкой
 очень интересными были мис. при поездке
 не только в Женеву, но и в другие города, а также
 в другие страны, где мы могли увидеть и проч.

люты. Я вспоминаю свою просьбу по поводу «сувенира», когда папа в 1960 году поехал в Америку вместе с известным журналистом Василием Захарченко, бесменным главным редактором журнала «Техника молодежи». Я, уже студентка Иняза, очень хотела иметь юбку с ворсом, что было невероятно модным, и все откуда-то этот «ворс доставали». Папа, слабо представляя, что это такое, бумажку взял и честно пытался исполнить мое желание, при всякой возможности спрашивая в магазинах. И только на известной тогда и теперь для всех командированных длинной улице Нью-Йорка в маленьком магазинчике, говорящий на русском языке хозяин, выслушав просьбу, сказал сердито: «Вы, русские, думаете, что в Америке, есть все» – и вынес растерянному командированному искомое, что стало впоследствии юбкой и предметом восторга женской половины моего курса.

Известность Серафима Сергеевича, наверное, как и многих людей его уровня, не выводила его на такие комиссии. Личный листок по учету кадров... Мне хотелось уточнить географию посещения стран, которые и были отражены в его листке по учету кадров, аккуратно заполненном и использованном в качестве черновика при необходимости. Когда появилась возможность, родители, как и многие, старались воспользоваться новыми условиями и много путешествовали. Меня же интересовали именно командировки моего отца, и как члена делегации, и как члена жюри. Все это происходило в разные годы, и с разной регулярностью папа в специальных тетрадях делал записи об интересных встречах, визитах, музеях, концертах... Огромные коробки фотографий, блокноты с записями позволили мне восстановить некоторые поездки из многих.

1963 год – 14-я годовщина КНР. Я вспомнила, глядя на фотографию папы, стоящего с сопровождающим на Великой китайской стене, заглавие одного из интервью, данного Серафимом Сергеевичем журналисту. Заглавие, безусловно, с иронией: «Китайские приключения сталинского лауреата». Для иро-

нии причин и вовсе не было, даже без открывшихся ныне подробностей. Особенно в том, 1963 году.

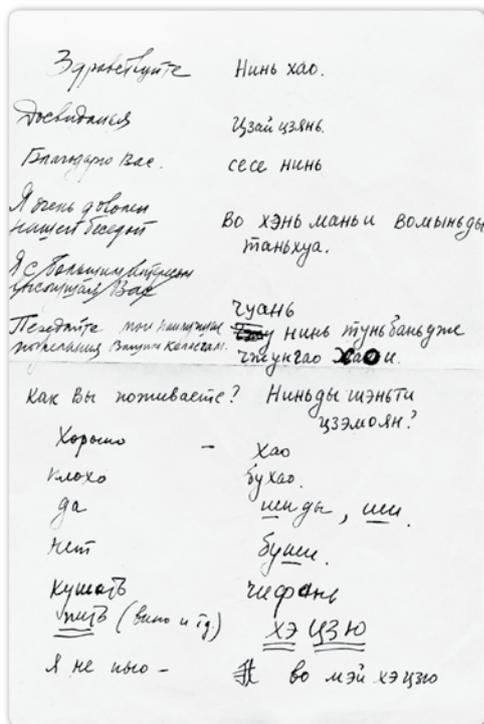
В 1963 году Союз композиторов отправляет Серафима Сергеевича в командировку в Китайскую Народную Республику. История отношений между Россией и Китаем уходит своими корнями в очень далекое прошлое. Всякий исторический этап, переживаемый даже одним поколением, полон взлетов и падений. В китайской папке отца с записками о той поездке лежит справка от 21 сентября 1963 года от имени правления Союза композиторов СССР: «Дана тов. Туликову в том, что он является делегатом Союза композиторов СССР, направляющимся в Китай, и везет с собой в подарок китайским музыкантам ноты, книги и пластинки с записями советской музыки». Это было обязательным условием таможни для вывоза даже такого материала. Обратные сувениры такого же характера просто осматривались, и справки с той стороны не требовалось. Серафим Сергеевич всегда к таким поездкам готовился тщательным образом: тут записи о китайской музыке и ее состоянии и развитии, об известных китайских композиторах. Тут же для памяти записи о последних музыкальных событиях и событиях концертной жизни у нас в стране, и упоминание о концертах китайской музыки в Москве. Там же в папке и небольшой список-словарь китайских слов и словосочетаний самой первой необходимости, видимо, данный Серафиму Сергеевичу уже в Китае переводчиком.

1963 год... Еще крепка память о песне 50-х годов Вано Мурадели «Москва – Пекин»:

Москва – Пекин!
 Москва – Пекин!
 Идут, идут вперед народы.
 За светлый труд,
 За прочный мир –
 Под знаменем свободы!

Китай. Великая китайская стена.
 С заместителем министра культуры Китая

«Словарь» на каждый день

Песни о дружбе с Китаем были обязательными в тот период. Так, например, заключительный концерт IX смотра художественной самодеятельности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения г. Москвы 5 июня 1950 года открылся «Песней о Сталине» (музыка М. Блантера) и «Привет Китаю» (музыка А. Островского).

В январе 1956 года Ваню Ильич Мурадели посетит Китайское общество музыкантов и расскажет своим китайским коллегам, как он работал над своей знаменитой песней. На следующий год было создано Общество советско-китайской дружбы, и не только по причине популярности песни. Казалось, для папы – совсем не участника международных политических перипетий любого уровня все складывалось как нельзя лучше. При встречах с композитором из Советского Союза из громкоговорителей неслась песня «Мы за мир и песню эту понесем, друзья, по свету...». Везде встречали, как и было положено в Китае тех лет, очень радостно и гостеприимно.

В газете «Женьминь жибао» в статье по поводу празднования годовщины образования КНР упоминается, что среди гостей на демонстрации присутствовал композитор лауреат Сталинской, а не Государственной, премии Серафим Туликов. У Серафима Сергеевича в записках стоит точная дата: «1 октября – 14-я годовщина КНР. Демонстрация на площади. Вечером праздничный фейерверк и концерт китайской эстрады, на сцене оркестр национальных народных инструментов». Праздник был огромный. Теперь-то мы знаем, какие китайцы замечательные мастера по организации подобных праздников фестивалей и цирковых зрелищ. Китайская вековая культура сохраняется и по сей день, несмотря на все печальные последствия «культурной революции», которая тогда маячила в том далеком будущем.

Публикация в газете вызвала разногласия в прочтении названия самой премии между китайской стороной и нашим дипкорпусом, суть которых была в том, что Серафим Сергеевич, как композитор из СССР, должен был «выразить протест» китайскому руководству. Для китайской стороны премия, естественно, была по-прежнему Сталинской. Да и у нас в стране двойственное название этой премии сохранялось до 1966 года, Переход названия «Сталинская» на «Государственную» премию СССР предполагался, естественно, постепенным. На одной из афиш 1963 года, сообщавшей о творческой встрече композитора Серафима Туликова, словосочетание «Сталинской премии» было заклеено длинной полоской бумаги, на которой от руки с имитацией шрифта афиши слово «Сталинской» заменяло слово «Государственной». Это из серии самодеятельного рвения организаторов встречи.

Джоу Эньлай принимает гостей. С. Туликов крайний справа

Выпущенный сборник документов в области культуры подтверждает, что само постановление «О проведении замены дипломов и знаков лауреата Сталинской премии на дипломы и почетные знаки лауреата Государственной премии» было издано 26 февраля 1962 года. Подробно перечислялось количество изготовления новых знаков, сообщалось о «выделении необходимого количества цветных металлов, а также... золота и серебра» а еще 16 тыс. кв. дециметров хромовой кожи и 300 метров шелковых тканей для изготовления дипломов лауреата Государственной премии СССР. Вот такая точность за подписью Председателя Совета министров А. Косыгина (Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917 – 1991 / Составитель Л. В. Максименко – М.: МФД, 2013).

В Китае в 1963 году решили, естественно, придерживаться более близкого им титула – лауреат Сталинской премии. Степан Васильевич Червоненко, известный дипломат, чрезвычайный и полномочный посол в Китае не только строго советует, но и инструктирует Серафима Сергеевича по поводу его поведения. Инструкция заключалась в том, что товарищ Туликов должен был выразить категорическое несогласие с ошибкой, или, мягко говоря, несоот-

ветствием, в опубликованной статье в газете «Женьминь жибао». Кто бы посмел ослушаться такого профессионального совета, не терпящего возражений! В результате Серафим Сергеевич, выразив свой протест словесно, оставался в своем номере один одинешенек в течение суток или чуть более. Противоборствующие дипломатические стороны выдерживали паузу. Я знаю, что папа чувствовал, находясь в такой обстановке даже один день. Необычайно впечатлительный, он принимал эту изоляцию со свойственными ему преувеличением и серьезностью и, конечно, с невероятной личной ответственностью за происходящее. Так что тут не до иронии, если знать Серафима Сергеевича! Его переживания, правда, были вознаграждены персональным вниманием со стороны второго человека в Китае – Чжоу Эньлая. Во время короткого разговора в специальной гостиной после правительственного приема Чжоу Эньлай подошел к композитору Туликову и обменялся с ним некоторыми впечатлениями, обратив его внимание на то, что в Китае большой интерес к древней китайской музыке. А на вопрос «Как себя чувствуете, и, может быть, есть какие пожелания?» – Серафим Сергеевич ответил честно: «Нормально, как всякий командированный». Вполне откровенно, как и подобает «настоящему» дипломату. Во время этой дипломатической аудиенции посольские сотрудники приветливо папе улыбались. Для Серафима Сергеевича, далекого от большой политики в действии, все закончилось «дружбой навек».

Мне было интересно все то, что папа рассказывал о своей поездке в Китай, и то, что было в записях. Не зря он был в восторге от полученных впечатлений. Прочитанное в записках поражает: обширнейшая программа – Пекин, Шанхай, Ханчжоу, китайские коммуны, еще обычного типа, музеи, посещение небольших древних городов, Фо Шань – фабрика текстильной и шелковой ткани, Ши Вань – фарфоровая художественная продукция, а также Институт по изучению фарфорового промысла. Папа подробно описывает свое посещение Института по изучению кустарных художественных изделий в различных районах Китая, в программу института входят 29 видов ремесел народного кустарного искусства. В записках перечисляются все отделения института: изготовление цветов, вышивка из шерсти, шелка (пометка папы к одной из картин на выставке: «...выглядит, как писаная маслом!»), прядение из шерсти, резные изделия из слоновой кости, бамбука, бумаги, из дерева. С гордостью ему рассказывали о восстановлении скульптурных работ из обычной муки! Всего перечислено в его записях более 12 подразделений института! «До освобождения народа все было на грани гибели», – записывает Серафим Сергеевич за переводчиком, а что тут можно еще сказать. Подробнейший рассказ о Шанхайской консерватории, главной задачей которой было изучение европейской музыкальной культуры и национальной музыки, привлечение к обучению пред-

ставителей национальных меньшинств. В течение года один месяц в программе консерваторского обучения выделялся, по примеру Пекина, для написания произведений, отражающих социалистическое строительство. В концертах звучат произведения всех мировых классиков – инструментальные, вокальные, многочисленные концерты национальной музыки. В записях подробное содержание всех программ и комментарии: как звучит, в чем недостатки, где особенно поражают техникой. Героические названия балетов и опер, десятки имен китайских композиторов и исполнителей. Конечно, не перестаешь удивляться названиям отдельных произведений: «Непременно освободим Тайвань», «Мы держим в руках копье» – ария из оперы «Песня о нефтяной базе», строительство которой позволило из пустыни построить город-сад! При этом, конечно, обязательная история про «Седую девушку», просмотр в императорском дворце драматического спектакля «Куан Фан Тин» «о борьбе интеллигентов против нарушителей законов» – так папа записал слова переводчика. Великая китайская стена, удивительные дворцы старинной китайской архитектуры и парки, удивительная кухня, о которой ничего у нас не было известно – все сопровождается аккуратно записанными именами, подробными цифрами и искренним удивлением техническими достижениями китайцев тех лет. Среди всех записей есть и такие: «Живут очень бедно»!

Состоялась встреча и с министром культуры, которым в то время был Мао Дунь (с 1949 по 1964), – знаковая фигура для китайской культуры в целом. Известный китайский общественный деятель и писатель, он еще занимался и переводами произведений советских писателей В. Катаева и В. Гроссмана, был председателем Союза писателей Китая. «Культурная революция» не прошла мимо и него. Исправились – рядом с домом, где он жил в Пекине, теперь установлен бюст.

Коллега моего сына, профессор университета в Беркли доктор Бо Хэнг (Dr. Bo Hang), родом из Китая, просматривая в интернете официально открытый архив Чжоу Эньлая, нашел подробности про этот визит с точным указанием даты (в газете People's Daily от 1963.10.02), а главное – фото отличного качества о встрече Чжоу Эньлая с представителями СССР, крайний справа – Серафим Сергеевич. В газете отмечается, что Чжоу Эньлай беседовал с Серафимом Сергеевичем и выказал свою симпатию к композитору и его творчеству. Это было последним культурным обменом между СССР и КНР, ибо отношения между двумя странами стали ухудшаться. В тех же архивах, уже в 80-х, после изменения ситуации в Китае есть сведения о том, что в СССР приехала делегация китайских музыкантов, и на одном из музыкальных мероприятий Серафим Сергеевич и некоторые члены делегации узнали друг друга, состоялась и, как и в прежние времена, искренняя встреча коллег.

Многое в истории спустя много лет все-таки находит подтверждение и «обрастает» новыми подробностями. По мере «собираения лет жизни» часто задумываешься о том, что жизненные перипетии, связанные с политическими катаклизмами, оказываются абсолютно бессмысленными!

«Журавлик, журавлик, японский журавлик – ты вечно живой сувенир».
1970 год. История как нельзя лучше и ярче возникает в памяти при взгляде на фотографию. Тебя лично на этом фото нет, в этих местах ты не бывала, но лица, по рассказам папы, все узнаваемые. Это папа в Японии в 1970 году. Рядом с Серафимом Сергеевичем певица и общественный деятель Японии – Акико Сёки, советский грузинский композитор, секретарь Союза композиторов СССР автор опер и балетов – Алексей Давидович Мачавариани и дочь Акико. Сама Акико Сёки была еще и хоровым дирижером, и в конце 40-х годов организовала центральный токийский хор – «Поющие голоса Японии». В 1964 году Акико Сёки со своим хором гастролеровала в СССР. Она была активным членом Общества японско-советской дружбы, а в 1955 году ей была присуждена Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Кроме того, как певица, Акико Сёки была популяризатором советской песни в Японии. Вот такая встреча!

Самым удивительным «сувениром» из Японии был настоящий портативный магнитофон в чехле, да еще с прилажавшимся ремнем для ношения через плечо. Япония уже давно была страной-чудом! Этим «портативным чудом» Софья Яковлевна овладела очень быстро и часто записывала и передачи Серафима Сергеевича, и всевозможные концерты, и все, что требовало какого-то технического продления музыкальной жизни нашего дома. Кассеты живы до сих пор и являются наглядным свидетельством маминой технической «продвинутой». В это портативное «чудо техники» были вложены практически все папины командировочные. «На большее я не потянул!» – объяснял Серафим Сергеевич. Старенький магнитофон скромно «доживает» отпущенное ему время под круглым журнальным столиком в кабинете. Он уже из гаджетов прошлого века и «вообразить» ему просто не перед кем, хотя по-прежнему «подшептывает» при включении от радости, что его вспомнили.

При разборе архива мной был обнаружен лист плотной бумаги желтого цвета, но не от старости, а по задумке, на котором уместилось и фото Серафима Сергеевича, с кем-то оживленно разговаривающего. Его собеседник держит в руках ноты. Под фото вырезка из газеты и красивые загадочные иероглифы, написанные кисточкой и тушью, своей горизонтальной расположенностью еще больше придающие загадочность всему содержанию. Папин собеседник

С. Туликов, Акико Сёки и А. Мачавариани и дочь Акико Сёки. 1970 г.

с восточной сдержанностью внимательно слушал композитора. Мы знаем, что всякое письмо в Японии, написанное от руки специальной кисточкой и тушью, свидетельство выражения уважения и почтения адресату. Тем более, как явствовало из письма, им был г-н Мацумото – член Верхней палаты парламента от префектуры Хиросимы. Депутат парламента Японии – это, как правило, человек высокообразованный, который просто обязан владеть традиционной японской каллиграфией – изысканнейшим видом искусства начертания знаков письменности. Статья с фотографией были вырезкой из газеты Токийского филиала газеты префектуры Тюгоку, в которой как раз и находится Хиросима. Подпись под фотографией поясняет, что советский композитор Серафим Туликов передает г-ну Мацумото написанную им песню, посвященную японской девочке Сасаки Садато, которая умерла от лучевой болезни. Серафим Туликов, посетивший Японию по линии советско-японского культурного обмена, привез в подарок городу Хиросиме и Ассоциации жертв атомной бомбардировки специально им написанную песню. В этой песне он выразил свою внутреннюю боль и сострадание по поводу столь трагического ухода из жизни маленькой японской девочки – жертвы атомной бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 года. Г-н Мацумото немедленно связался с членами этой Ассоциации, которые решили, что эта песня будет открывать очередную церемонию годовщины атомной бомбардировки.

Вырезка из японской газеты

Плотный график визита не позволил композитору приехать в Хиросиму, поэтому была специально организована встреча с г-ном Мацумото, во время которой Серафим Туликов от имени советских людей выразил глубокое сочувствие в связи со столь трагической гибелью девочки. Все эти загадочные иероглифы мне помогла разобрать моя хорошая знакомая – знаток японского языка Ольга Лихолетова.

Вот такая грустная-прегрустная история о благодарной реакции на отклик композитора! Текст песни был написан Володей Лазаревым, с которым папа сотрудничал довольно много. Эта простая песенка бытует как анонимная. Авторское ее название «Японский журавлик». Песня была популярна в 70 – 80-е годы в официальном и неофициальном песенном репертуаре. Существует много версий текста. Но только увидев в интернете отзывы на песню в исполнении Галины Ненашевой и вопросы многих – кто автор и где раздобыть точные слова, я почувствовала, что ее время не совсем прошло. С благодарностью тем, кто выложил эту песню и дал возможность ее скачать, пользователи пишут:

«Спасибо огромное. Слова этой песни в мое пионерское детство все выучивали еще в автобусе по дороге в пионерлагерь. Но тогда еще не воспринимался ее смысл. А сейчас, у меня, 37-летнего мужика, слезу вышибает»;

«Песня из детства. Пионерский лагерь. Когда ее пели – девчонки рыдали навзрыд. Каждый был рядом с этой девочкой»;

«Спасибо большое! Я долго вспоминала мотив этой песни. СПАСИБО ВАМ!»;

«Грустная песня, грустная мелодия!»;

«Спасибо. Эту песню я пела в хоре во Дворце пионеров...»;

«Спасибо большое. Я эту песню выучила в пионерском лагере»;

«Хорошая песня. Подскажите, пожалуйста, каким боем ее играть» – обычный вопрос для начинающего гитариста о ритмическом рисунке.

Все, что создается на основе реальной жизненной ситуации, приобретает особое эмоциональное воздействие! Грустная песня – история о реальной японской девочке Садако Сасаки. Полученное облучение проявилось в 1954 году. Мечтая выздороветь, она искренне уверовала в японское поверье о том, что желание человека, сложившего тысячу бумажных журавликов, обязательно исполнится. Она не успевала, и ей стали помогать другие ребята... Много версий о том, как это произошло на самом деле. Это совсем не важно! Ее птица счастья помочь ей не смогла. В 1955 году девочки не стало.

Песня живет памятью о той японской девочке, и о сохраненном у нас дома бумажном японском журавлике выцветшего сиреневого цвета, и памятью тех людей, которых эта историю трогала до слез:

«Когда я выйду к солнышку?» – спросила у врача.
А жизнь горела тоненько, как на ветру свеча.
И врач ответил девочке: «Когда придет весна.
И тысячу журавликов ты сделаешь сама»...

Так ли точно все было или нет – совсем не важно, ибо общие слезы – это наш человеческий, рефлекторный, эмоциональный ответ на всем понятные чувства, как правило, печали и боли. Я благодарна песне про японского журавлика и нашему домашнему журавлику сиреневого выцветшего цвета, лежащего среди прочих бумаг, которые послужили поводом вспомнить и об этом.

Эпизод 23. Трудно ли вспоминать о прошлом

Большой архив газет, журналов, книжных изданий содержит многочисленные интервью Серафима Сергеевича по разным музыкальным и общественным поводам. Я очень сожалею, что папа сам не взялся за труд написать свои воспоминания. Все как-то было недосуг! Его собственные тексты-вставки в книгах и статьях о нем отличались хорошим грамотным языком, ясным выражением мысли, большой деликатностью в оценках своих товарищей. Серафим Сергеевич всегда, дав интервью в беседе ли или с использованием звукозаписывающей аппаратуры, обязательно встречался с корреспондентом, чтобы уточнить, внести поправки или добавить что-то. Повторное прочтение записи всего сказанного, написанного перед выходом в печать необходимо ему было для наиболее ясного и полного выражения своих мыслей. Это было обязательным условием! Серафим Сергеевич, как профессионал, прекрасно знал и чувствовал музыкальный мир коллег и не хотел обидеть кого-либо из них неосторожным, непродуманным словом. Он, конечно, высказывал критические замечания и пожелания, возможно, иногда и ошибаясь в своем взгляде на что-то, но соблюдал обязательно деликатность, и это было его открытым мнением. Намеков, могущих вызвать двусмысленность при прочтении, он категорически не допускал, ибо сам, будучи очень внимательным читателем, видел, что тот или иной журналист порой позволял себе вольную интерпретацию для «остроты» ситуации. Мы часто в семье обсуждали те случаи, когда неудачная статья о ком-то или о чем-то искажала истинное положение вещей, рассказывая о лицах и событиях, которые родителям были хорошо известны.

В работе над книгой «Дом ста роялей – Огарева, 13», «Наша Николина Гора» и отдельными статьями я необыкновенно остро ощущала влияние папиных заметок-напутствий по поводу того, как надо подходить к написанию

воспоминаний, особенно о других. Устные рассказы, записанные мной на магнитофон при встрече с участниками воспоминаний, всегда изобиловали естественными паузами, повторами, междометиями, характерными для устной речи, экскурсами в прошлое, далеко уводящими от темы разговора, что, безусловно, отражало настроение и физическое самочувствие на данный момент встречи – люди все были немолодые. Многие факты, цифры приходилось перепроверять самой, ибо что-то при рассказе об известных событиях из памяти «убегало», вытесняемое жизнью последних лет, или путались года. Время уходит намного стремительнее, чем нам кажется, Это все так естественно!

Для расшифровки таких текстов и их записи впоследствии требуется огромная работа. Первую редактуру текста проводит тот, кто слушает и впоследствии с ними работает. И он должен опираться на собственный такт и уважение к рассказчику, на собственное чутье культуры письменной речи и соответствующие образцы подобной литературы. Очень часто во время чистосердечной, откровенной беседы рассказчик может дать и излишне эмоциональную характеристику, не всегда уместную при передаче ее в последующем в тексте. Далее следует самая тщательная проверка всего текста с автором воспоминаний. Не дай Бог, случайно подвести автора, делящегося своими воспоминаниями! Ведь воспоминания, хотя и изданы под именем собственно рассказчика, на самом деле есть литературная обработка того, кто собирал материал и обрабатывал его. Вторжение в чужую жизнь, хотя и с разрешения, налагает такую огромнейшую ответственность, что не каждому по плечу с этим справиться!

После прочтения записей своих интервью, бесед Серафим Сергеевич писал подробнейший анализ всего прочитанного. Мне кажется, что, исходя из своих представлений о порядочности и профессионализме, он делал очень толковые замечания, с которыми трудно не согласиться сегодня. Привожу выдержки из его записей, некоторые он сделал, в частности, и в свой последний летний отдых в калужском санатории «Звездный» в июле – августе 2003 года:

«1. Придавать необходимый печатный стиль разговорам, оставлять косноязычие, неуклюжесть фраз, случающиеся при разговоре, категорически неправильно. Зачем?»

2. Убирать беспощадно все проскакивающие вульгарности в оценках, шутках и в прочем.

3. Если сам автор рассказа не предполагает введения политических бесед и оценок по его собственному сюжету, категорически убрать все подобное по требованию автора. Бывает, что в тексты попадают беседы общих разговоров в свободное от интервью время. Они зачастую выгля-

дят для рассказчика неожиданно, словно когда-то они “подметно” были записаны. Очень неприятно – может быть использовано в качестве “нежелательного” для автора резерва.

4. Категорически убирать непредвиденные «разборы» больших, маститых имен, тем более что подобное не входило в планы интервью. Это отдельный наисерьезнейший труд! Сжатая характеристика моих коллег-композиторов – о многих двумя словами не скажешь – это может быть только продуманным впечатлением, тем более что имеются солидные профессиональные издания о многих. А уж что-то на грани обидных высказываний в чей-то адрес с моей стороны – категорически невозможно и вопиюще! И быть такого не может! Вульгарность! Дешевка! Не допустимо!

5. Если “слушателю” самому не удастся – необходимо пригласить опытного, культурного журналиста или литературного редактора (при необходимости – оплатить его труд), чтобы категорически убрать все неположенное для письменной речи: частые повторы, абзацы с одними и теми же словами и мыслями... Очень часто требуется солидная независимая редактура.

6. Внимательно самому рассказывающему следить за всеми включениями в его статью, в книгу, ибо зачастую они возникают не по его воле. Получается, что так называемый автор, который подписывается, скажем, под статьей, т. е. записывающий текст, ничем не рискует, ибо все острые и спорные вопросы и оценки ложатся на “рассказывающего”. В то же время объяснительные абзацы, как бы экспромты “слушавшего”, ставшего “пишущим”, выглядят литературно нормально, т. к. тщательно продуманы или взяты из литературных источников. Почему так?

7. Не следует “нагонять” объем за счет “пустопорожних” абзацев, повторов, всего лишнего и не имеющего отношения к собственно воспоминаниям. Отжать всю “воду”.

8. Вынос в заглавие провокационных фраз, спорных мыслей, а то и неверно понятых самим пишущим есть не что иное, как собственно выражение его отношения к рассказчику. Выносить в заглавие оторванное от текста высказывание или свою интерпретацию высказанного есть просто нечистоплотность! И что же получается – суть всего рассказанного в данном отрывке в дальнейшем определяется заглавием, и именно оно несет в себе большую запоминаемость своей “продуманностью” и броскостью для специального создания дешевой “интриги”? Кто же виноват?

10. Если ты “замахнулся” на интервью не по твоей прямой специальности – будь любезен “подтянуться” и понимать свой профессионально творчески несопоставимый статус с тем профессионалом в своей области, который делится своими воспоминаниями .

11. При обсуждении содержания текста с автором воспоминаний сохранять его – автора – интерес, и ни в коем случае не настаивать в ультимативном тоне, не стараться без ведома автора текста пытаться издать эту работу.

12. Цель воспоминаний – достоверность, простота, интеллигентность и, конечно, грамотность.

9. Категорически нельзя появляться ни в какой редакции пока все не будет выверено по максимуму. Даже нечего срамиться! Это вариант желтой прессы!»

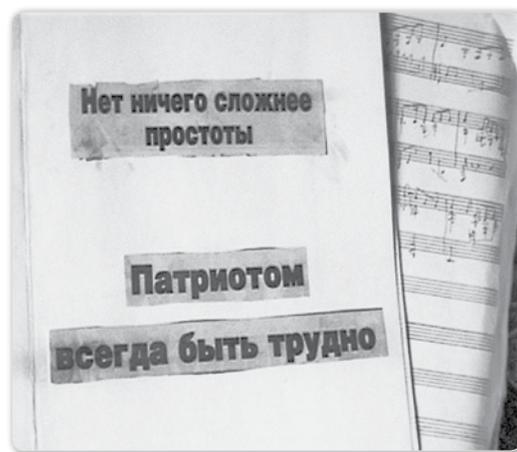
Я, конечно, собрала замечания Серафима Сергеевича только за последние годы его жизни, стараясь ни в коем случае их не редактировать. Они перемежались записями о самочувствии, не очень благополучном, и другими мыслями, приходящими в голову человеку почти 90-летнего возраста. Суть его подхода к написанию воспоминаний для меня лично более чем справедлива.

Эпизод 24. Жизнь, прожитая не зря

Жизнь, конечно, корректирует многие устремления человека, заставляет порой его решительно пересмотреть представление и отношение к герою. Молодое поколение каждой семьи, да и я этого не избежала, в спорах горячо отстаивает все новое, не всегда чувствуя боль и трагедию происходящего у них на глазах. Понимание настоящее приходит потом! Сейчас мы знаем о прошлом так много, что непросто становится с ним существовать. Эстетические идеалы и социальные взгляды вырабатываются заново. Что же думал мой отец, застав «передел» свой жизни и открыв для себя совершенно иные факты и иную интерпретацию своих прожитых лет? «Много написано в этом жанре. Писал их искренне, веря в ту жизнь, которая меня окружала. Они несли большой оптимизм, возвеличивая и прославляя Родину, партию, жизнь и будущие перспективы всего советского народа. Пускай вера эта наивна, и во многом действительность не отражала уровень ее воспевания. Но песни написаны. Нужно большое время, чтобы их снова вспомнили соответственно восходящему будущему. И будущий автор, который чувствует и способен в должной мере развить, разработать этот жанр, должен быть творчески склонен к этому достаточно

искренне! Мне думается, что индивидуальность творческая, да и не только, по большому счету не должна изменять себе, ибо немедленно перестает ею быть».

Серафим Сергеевич, будучи человеком уже преклонного возраста, устоявшейся личностью, под влиянием новых социальных реалий пытался найти ответы на вопросы о смысле жизни, о добре и зле, правде и справедливости. Идти на компромиссы он не мог. Жизнь уже стала совсем другая, не та, в которой формировался его характер, а потому – постоянные столкновения собственной «правды», собственной жизненной философии с фактами действительности, с иными «правдами». Это внутренний диалог, внутренняя работа души и мысли. Удел каждого думающего человека на склоне лет! Снова вспоминается: «С возрастом у человека обостряется чувство собственного достоинства, которое сдерживает визиты с прощением чего-либо, что потребует принести в жертву достоинство» и «Разве можно консерватору стать “на халтуру” и продавать свою художественную совесть, хотя бы и “временно”?»

На пюпитре рояля в последние годы жизни у папы стоял плотный лист бумаги, на нем наклеены две вырезанные, видимо, из каких-то газет, фразы: «Нет ничего сложнее простоты» и «Патриотом всегда быть трудно». Две простые фразы!

Из телеинтервью для передачи «Телемемуары» 1994 года. Серафиму Сергеевичу восемьдесят лет:

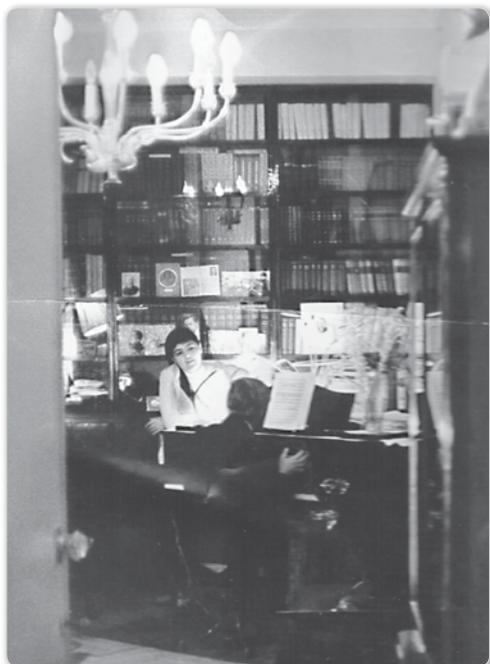
«Серафим Сергеевич, вы были счастливы?»

Задумался: «По большому счету я знаю, что прожил не зря. Не зря! Мягко говоря!»

«Вы прожили большую жизнь, Серафим Сергеевич. А как вы себя сейчас ощущаете? Молодым?»

«Я могу это показать только той музыкой, которая выражает мое состояние», – папа садится за рояль...

Какой меркой оценивать родительское воспитание, жизнь с ними? Сначала родители воспринимаются как само собой разумеющееся для каждого, потом стараешься от них отойти и познать все самостоятельно с той или иной степенью этой самой самостоятельности, набивая себе шишки и складывая в собственный карман все удачи и неудачи. Уход родителей из жизни совершенно неожиданно становится осознанной внутренней точкой отсчета и собственной

жизни... Родители и их жизни обрастают историями из собственной памяти и близких тебе людей. Как только ты прикасаешься к оставшимся «вещественным доказательствам», архивам, все превращается в значительную историю не только для тебя и твоей семьи, но и страны в целом. Вот и получается, что все это «не зря».

У каждого поколения свое время и пространство. Все вспомнить невозможно, а иное сегодня и не хочется, но умолчать – это не значит солгать. Нить времени будет тянуться бесконечно – из пространства в пространство, из века в век. Все огромное разнообразие песенного наследия моего отца вместило в себя и «Мы все за мир», и «Родину», и «Любите Россию», и не выкинуть героико-эпическую песню о вожде и «Мы – коммунисты», «Не стареют душой ветераны», и огромный пласт лирических произведений: «Жизнь моя, любовь моя», «Любимые женщины», «Не повторяется такое никогда»...

Всего не перечислить. Вся культура прошлого столетия нашей страны находится на таком колоссальном фундаменте ее истории, что никакие сиюминутные настроения даже в рамках десятилетий не в состоянии ее ни уничтожить, ни «стереть из памяти». Это касается и песенного творчества целого поколения советских композиторов, к которому принадлежит и мой отец – Туликов Серафим Сергеевич.